



СТРАНИЦЫ КАМЕННОЙ КНИГИ

60 ПАМЯТНЫХ
МЕСТ ДНЕПРОПЕТРОВСКА

Издательство «Промінь» Днепропетровск 1969»

В форме небольших очерков, зарисовок книга рассказывает о наиболее интересных и значительных местах революционной, боевой, трудовой славы Днепропетровска, о выдающихся деятелях партии и Советской власти, людях науки и культуры, о которых напоминают современникам знаменательные уголки города.

9(С2) Ш29

Автор текста **Михаил Шатров**. (М. А. Штейн, член правления Днепропетровской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры).

Художественное оформление **Василия Хвороста**.

Фотографии **Бориса Перелади**.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ «КАМЕННЫХ СТРАНИЦ»	4
ТВОИ СТРАНИЦЫ, СОВРЕМЕННОК	6
ЛЕНИН	7
БЕЛЫЙ ИСПОЛИН	9
ПРОСПЕКТ НА БЕРЕГУ	11
МАГИСТРАЛИ В БУДУЩЕЕ	13
ВСТАЛ НА ОСТРОВЕ КОБЗАРЬ	16
СТРАНИЦЫ, ПОСЕДЕВШИЕ ОТ ВРЕМЕНИ	18
СВИДЕТЕЛЬ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ	18
КАМЕННАЯ РОТА	21
ВЕРСТОВАЯ МИЛЯ	23
БЫВШИЙ ПОТЕМКИНСКИЙ	24
ДЕСЯТЬ КОЛОНН ПО ФАСАДУ	27
НАД ДНЕПРОМ ШИРОКИМ	28
ТАМ, ГДЕ ГУЛЯЛ БЕЛИНСКИЙ	31
ТЕПЕРЬ ЭТО ЦАРСТВО ДЕТВОРЫ	33
СОБОР НА ПЛОЩАДИ	35
ИНЗОВА КАНЦЕЛЯРИЯ	37
СТРАНИЦЫ, ПИСАННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ	39
НОМЕР ТРИНАДЦАТЫЙ	40
ТУТ ЖИЛ ТОВАРИЩ ГРИГОРИЙ	43
КРУЖОК МОЛОДЫХ СВОБОДОЛЮБЦЕВ	45
В ЭТОМ ДОМЕ УЧИЛАСЬ «ТЕТКА»	47
ПОД КАЛАНЧОЙ	49
ПЕЧАТНЯ ЯКОВЛЕВА	52
МОЛОДЕЖНАЯ БАРРИКАДА	54
РУБЕЖ КРАСНОЙ ЧЕЧЕЛЕВКИ	57
КАМЕНЬ-Трибуна	59
БРЯНСКАЯ ШКОЛА	61
ДОМ ТРЕХ ЭПОХ	63
ПОЧТА	65
«АСТОРИЯ»	68
НА ЭТОМ МЕСТЕ	70
АВЕРИНСКИЕ МЕСТА	74
УЛИЦА ГОПНЕР, ДВА	76
НА БЫВШЕЙ ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ	79
СТРАНИЦЫ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ	82
КОДАК	83
ВОЗЛЕ СТАРОЙ ИГРЕНИ	85
СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ	88
ПАМЯТНИК НА КОЛЕСАХ	90
ГЕРОЯМ ОГНЕННЫХ ЛЕТ	92
ШТАБ ПЕРВОЙ КОННОЙ	93
ДРУГОЙ ПУШКИН	96
КРЫЛО, ВОНЗЕННОЕ В ЗЕМЛЮ	97
СТУДЕНТАМ-ВОИНАМ	100
В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ, В ПЛАМЕНИ БОЕВ	102
ЧЕРЕЗ ДНЕПР ШИРОКИЙ	104
В НЕБЕСАХ И НА ЗЕМЛЕ	106
ЖИЛ КОММУНИСТОМ, УМЕР КОММУНИСТОМ	110
ВМЕСТО МЕНЯ БУДУТ ТЫСЯЧИ!	112

ЕЕ РАССТРЕЛЯЛИ НА РАССВЕТЕ...	114
ОСТАНОВИСЬ, СКЛОНИ ГОЛОВУ!	116
НА УЛИЦЕ УСПЕНСКИХ	118
У ПОБЕДЫ — СВОЯ ПАМЯТЬ	120
ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ПАМЯТНЫХ СТРАНИЦ	124
И ДОЛГО БУДУ ТЕМ ЛЮБЕЗЕН Я НАРОДУ	125
ЛАВКА ЕГОРОВОЙ	126
АРОМАТ ИСТОРИИ	129
ШТАБ БОЛЬШОЙ НАУКИ	131
В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ	134
КОМСОМОЛ, Я ТВОЙ ПОЭТ!	136
БАГРЯНЕЦ НА СТЕНЕ	137
ПАРЕНЕК С НАДЕЖДИНСКОЙ	140
НА РАССВЕТЕ СВОЕЙ ПОЭЗИИ	142
УКРАИНСКИЙ ДОМ»	143

К ЧИТАТЕЛЯМ «КАМЕННЫХ СТРАНИЦ»

Сто тридцать пять лет тому назад с колокольни Ивана Великого глядел на Москву молодой человек в юнкерском мундире, уже тогда великий поэт России. Вот какие мысли вызвала у него панорама Белокаменной:

«Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметричном порядке... Нет! У нее есть своя жизнь... Каждый камень ее хранит надпись... богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта...»

Чудесные строки! Мысль, пульсирующая в них, впечатляет, прежде всего, силой обобщения. То, что записал Михаил Юрьевич Лермонтов в юношеском сочинении, конечно же, применимо не только к Москве, но и к любому месту, где из поколения в поколение живет и трудится человек, создавая огромные идейные, культурные, материальные ценности.

У Днепропетровска, как и у каждого города, большого или малого, есть своя «каменная книга». Люди многих поколений заполняли страницы ее своим трудом, вдохновением творца, революционными, воинскими подвигами. Писали, часто не думая о том, что работают на будущее.

Могли ли подневольные каменщики, соорудившие в век Екатерины многоколонное здание для суконной мануфактуры, хотя бы отдаленно представить себе, что дело их трудовых рук переживет бури и грозы без малого двух столетий, что для далеких потомков станет оно памяткой крепостнического безвременья. А те, кто сложил верстовую милю на пустынной зеленой горе над Днепром, — знали ли они, что их каменный дорожный знак окажется в эпоху покоренного атома, на пороге в космос, самым старым, самым первым сооружением нашего города?

Лежит на Фабрике, на невысоком пригорке, тяжелая каменная глыба. Для екатеринославских большевиков в годы первой русской революции эта глыба служила трибуной, с которой обращались они к рабочим со словом ленинской правды. Не раз всходил на нее любимец брянцев Андрюша Булыгин, молодой революционер. Заслушивались люди его горячими речами. Он умер двадцати двух лет от роду, отдав жизнь будущему... И для будущего, для наших современников и потомков всегда будет нетускнеющей память о юноше Андрее, и холодная глыба на пригорке вечно сбережет пламень девятьсот пятого года.

Или старая бронеплатформа на проспекте Калинина. Не подсчитано еще количество огненных верст, пройденных ею в составе бронепоезда брянцев в восемнадцатом и девятнадцатом годах. Где побывала она, в каких боях участвовала, сколько артиллеристов, пулеметчиков ее команды героически погибло в борьбе за власть Советов? Никто уже не расскажет об этом... А она со славой вернулась домой и стала на вечную стоянку. И нет человека, который, проходя мимо, не глянул бы уважительно на железного ветерана революции. Пусть из металла он, не из мрамора, — разве не стала и эта бронеплатформа страницей воинской славы города металлургов, не вписалась в каменную его книгу?

Есть в Днепропетровске памятные места, связанные, хоть и дальними путями, со светлым именем Ленина. Не бывал Владимир Ильич в Екатеринославе, но живо, повседневно, с конца прошлого века интересовался делами большого рабочего города. В этой книжке коротко рассказано о домиках на Чечелевке, где жил в период своей ссылки на юге любимый ученик Ленина Иван Васильевич Бабушкин. Сохранились до наших дней два старых гимназических здания, где в свое время учились Александра Калмыкова и Гавриил Лейтейзен. По окончании гимназии Лейтейзен, руководивший в ее стенах одним из первых в городе марксистским кружком, уверенно вступил на путь революционной борьбы, стал в ряды большевиков-ленинцев, был одно время членом ЦК партии. Владимир Ильич состоял с Лейтейзенем в доверительной переписке, неоднократно упоминал о нем в письмах другим своим корреспондентам. Книжный склад Калмыковой в Петербурге выполнял роль конспиративной квартиры, тут бывал В. И. Ленин, высоко ценивший помощь этой прогрессивной общественной деятельницы в издании «Искры» и другой партийной литературы.

Днепропетровцам дорого все, что связано с памятью об Ильиче и его соратниках. Особенно живой интерес вызывают эти памятные места в связи с приближающимся столетием со дня рождения В. И. Ленина.

В этой книге есть листы и иного содержания. Многие яркие, большие события городской истории не воплощены в каких-либо вещественных памятниках. Много славных земляков — революционеров и воинов, литераторов и художников, чьими подвигами и творчеством мы гордимся, не оставили зримых следов в каменной книге. Есть ли в Днепропетровске место, прочно связанное с деятельностью Николая Ивановича Сташкова? Или с боевыми подвигами другого Героя Советского Союза — генерал-лейтенанта Е. Г. Пушкина? С легендарной отвагой экипажа нашего бомбардировщика, повторившего в августе 1941 года в районе Новых Кайдак подвиг Гастелло?.. И так естественно, что в честь этих славных, бесстрашных воздвигнуты памятники, обелиски, мемориальные стелы, любовно оформлены аллеи в красивейших местах Днепропетровска. Рассказать о таких, наполненных большим патриотическим содержанием местах, о тех, чьи имена увековечены в металле или камне, — еще одна задача этой книги.

Она должна познакомить читателя, местного или гостя нашего города, со многими интересными уголками его, которые ассоциируются в нашем представлении с событиями революционными, военными, культурными.

Самый первый раздел посвящен каменным страницам книги истории Днепропетровска, которые заполнены совсем недавно, а частично пишутся и сейчас, в наше время. Такая книга имеет начало, но не конец. Новые и новые поколения вписывают в нее свои автографы, ставят печать своей эпохи...

Памятные места города — ключи от его летописи. Они, места эти, создают в совокупности его неповторимый облик, характер, своеобразие. Хочется, чтобы этот маленький карманный экскурсовод помог читателю проникнуться обаянием знаменательных городских уголков, приобщить к

связанным с ними событиями возможно большее число земляков и, тем более, гостей Днепропетровска.

Не всюду, куда поведет вас эта книга, вы увидите мемориальные доски, памятные надписи. Они и не обязательны. Прошлое, давнее и недавнее, если ему есть о чем порассказать, покорит вас и в том случае, если к нему не приложен мраморный или металлический паспорт.

Раскройте эту небольшую книжку, товарищи читатели. Мы будем рады, если после её прочтения днепрпетровцам захочется снова пройтись по тем наиболее интересным и значительным местам родного города, которые описаны в ней, освежить или обновить свои впечатления на основе тех фактов, которые, может быть, не были им до сих пор известны. А гостям Днепропетровска — глубже, полнее познать большой трудовой город, в котором им довелось побывать, познакомиться ближе с теми историческими событиями, яркими человеческими судьбами, которые запечатлены каменным почерком времени на его улицах и площадях.

ТВОИ СТРАНИЦЫ, СОВРЕМЕННОК



7

Ленин

9

Белый исполин

11

Проспект на берегу

13

Магистралы в будущее

16

Встал на острове Кобзарь

ЛЕНИН

С десяток дореволюционных площадей, напоминавших скорее пустыри, убрало время с карты Днепропетровска. На их месте протянулись теперь кварталы новых зданий. А одна площадь родилась в центре города в послевоенные годы. Площадь Владимира Ильича Ленина.

Если показать молодому днепропетровцу выцветшую от времени фотографию, запечатлевшую облик этой части города в дооктябрьскую пору,— ни один не определит места, изображенного на ней. Булыжное устье Троицкой (позднее — Красной) улицы. Неказистый ряд церковных лавок, ларьки, рундуки. Пестрая базарная толчея, выпряженные клячки у крестьянских возов... А на первом плане старинный, построенный в «классическом» купеческом стиле скобяной лабаз Пронина...

Так было. Оглянитесь вокруг. Ни одного архитектурного «ориентира» не осталось от тех времен. Давно снесены лавочки бывшего Нижне-Красного рынка, руины сожженного гитлеровцами трехэтажного ДИТРа — дома инженерно-технических работников...

Красная улица уже не имеет, как прежде, выхода к проспекту Карла Маркса. Его перегородило представительного вида шестиэтажное здание Министерства черной металлургии Украины. Потеснив прилегавшие к Красной кварталы проспекта, широко размахнулись на флангах Министерства боковые, облицованные светлыми керамическими плитками корпуса проектных организаций с плосковерхими башнями по углам. А напротив — асфальтированный простор на месте части бульваров.

Плавным, слегка наклоненным полукружьем раскинулись перед зданием Министерства зеленые газоны, усаженные небольшими елочками. В середине пригорка — широкая лестница, ведущая к главному входу штаба металлургов республики.

Сердце площади — памятник В. И. Ленину. Со времени сорокалетия Октября высится на стройном, почти цилиндрическом, обрамленном поверху круговым барельефом постаменте красного гранита бронзовая фигура Ильича. Скульпторам М. Вронскому и А. Олейнику удалось передать одну из главных черт характера создателя нашей партии и советского государства — его поразительную неутомимость, стремление отдать великому делу революции каждую частичку души, каждое мгновение жизни. Вглядитесь, как динамична поза Ильича. Он весь в движении. Правая, согнутая в локте рука чуть вынесена вперед, левая, стиснувшая кепку, еле заметно отклонена назад. Ветер с Днепра широко распахнул расстегнутое пальто. Ленин — в движении, он лишь задержался на миг, чтобы осмотреться в незнакомом месте, а затем продолжить свой путь. Как пытливо вглядывается он в пейзаж южного города, в сторону реки, которая откроется его взгляду, когда спрямленная улица Миронова раскроет от площади широкий вид на Днепр.

Не бывал Ильич на цветущем юге нашей необъятной страны, в нашем индустриальном городе, но как много знал о нем! Помните: «В Нижне-Днепровске, под Екатеринославом...» — строки о новом рабочем поселке на левобережье, написанные семь десятилетий назад, в сибирской ссылке.

Рекомендация Лалаянцу переехать сюда на жительство для революционной работы. Иван Бабушкин, народный герой, которого Ильич в дни лондонской встречи после его легендарного побега из здешнего каземата летом 1902 года пытливо расспрашивал о работе в Екатеринославе. И — искровские связи с этим городом, крепнувшие и расширявшиеся под непосредственным руководством Ленина. Ногин, Землячка, Бранденбургский, многие другие славные солдаты ленинской когорты, работавшие здесь в разное время по его заданиям. А потом, уже в семнадцатом,— эшелон с оружием, посланный екатеринославским красногвардейцам по указанию Ильича, его помощь шодуаровцам в первые недели после победы Советской власти в городе, телеграмма В. Аверину с требованием ускорить мобилизацию рабочих Екатеринослава в Красную Армию в дни деникинского нашествия.



Рисунок 1 Памятник В. И. Ленину.

Стоит на площади Ленин, Ильич. Дорогой для каждого облик его неотделим от великих свершений под ленинским знаменем, многие из которых для днепропетровцев почти рядом. Одна из мощнейших в мире тепловая электростанция в Приднепровске, вблизи тех сыпучих амурских песков, которые он мысленно увидел когда-то. Каскад гидростанций выше и ниже по Днепру. Армады тракторов на полях Приднепровья... Гиганты-заводы с их могучей новой техникой... Всё, что сделали былью и в нашем краю советские люди под водительством партии Ленина.

Остановитесь на минуту возле прекрасного этого памятника человеку, чьи разум и сердце заполнили всю нашу жизнь, осветили ее, сделали краше, целеустремленнее. Вглядитесь в черты его лица, вдумайтесь, как весомы высеченные на пьедестале семь литер: «В. И. Ленин»!

Читатели «Страниц каменной книги» полной мерой ощутят, что именно с этой площади — места самого памятного, близкого и дорогого каждому днепропетровцу — и следует повести нашу экскурсию по знаменательным местам большого днепровского города.

БЕЛЫЙ ИСПОЛИН

Недлинный рассказ о красавце-мосте продолжает раздел «каменной книги», написанный в наше время, нашими современниками. На этих страницах меньше «дел минувших дней, преданий старины глубокой». Потому что истории у этих каменных страниц почти нет. Их «жизненный путь» измеряется одним, двумя десятилетиями.

И всё-таки — немного предыстории.

Когда-то, лет сто - сто двадцать назад, примерно, на этом же месте тоже бывал мост. Вам, наверное, покажется странным это слово «бывал». А между тем оно соответствует тогдашнему положению вещей. Весной, после ледохода и паводка, тут или выше по Днепру, в районе нынешнего вокзала, наводили «наплавные» мосты. Так называли их екатеринославцы, потому что слово «понтон» тогда не было известно. Не слишком большие удобства предоставлял нашим прадедам наплавной мост. Ходил он ходуном и погружался под тяжестью экипажа и лошадей настолько, что колеса оказывались в воде. Но и такое несовершенное сообщение было делом сезонным. Поздней осенью мост убирали до следующей весны, и переправиться с берега на берег можно было только на лодке или по днепровскому льду. И еще один мост, построенный уже в наше, советское время точно на том же месте, где и нынешний, стоит того, чтобы упомянуть о нем, и, конечно, добрым словом. В 1944 году, вскоре после освобождения Днепропетровска от немецко-фашистских захватчиков, армейские саперы вместе с местными молодежными бригадами соорудили его в несколько недель — надежно, добротнo, как и всё, что делалось для фронта, для Победы. Кончилась война, а деревянный мост с двумя парами увенчанных алыми звездами резных колонн у обоих въездов, еще десятка полтора лет продолжал верно служить днепропетровцам. Шли по нему троллейбусы, катили грузовые и легковые машины. Честно отработал он свое и для мирных лет, пока не одряхлел и ушел в небытие.

Взгляните на новый красавец-мост, соединивший днепровские берега в наши дни. Как полно, поистине символично представляет он их.

Есть на Днeпре замечательные мосты — например, киевский имени Патона. Но ведь насколько уже великая украинская река в районе Киева. Белый днепропетровский исполин по своей ширине и длине — самый большой на Днeпре и один из крупнейших в стране. Если измерить его протяженность от берега до берега, составит она полтора километра. Добавить подходы и путепроводы к нему — то намного больше наберется тогда. А какой простор откроется перед вами, когда ступите на его надежную асфальтированную спину. В два широких ряда может идти по нему транспорт в одну, в два — и в противоположную сторону. Не мост, а

проспект через реку, сияющий чистотой, обрамленный, кажется, нескончаемым двойным рядом современных фонарей-светильников. Красив он днем, а еще красивее вечером, если глянуть на Днепр с высоты среднего правобережного холма. Кажется, рассек воды древнего и вечно молодого Славутича богатырский, сверкающий драгоценными камнями огненный меч.

Не забыли строители нового нашего моста и о пешеходах, проложили для них по обочинам тротуары. Но, сказать по правде, не очень обжиты они. Удобнее, да и быстрее пронестись по мосту в мягком кресле троллейбуса или автобуса.



Рисунок 2 Новый мост.

Зимой, пожалуй, так. А летом...

Попробуйте однажды, когда выпадет свободное время, пройти из конца в конец по этому мосту в предвечерний час тихого летнего дня. Не пожалеете! Днепр встретит вас мягкой, бодрящей прохладой, овеет своим легким дыханием. Дойдя до середины, остановитесь, оглядитесь вокруг, и вы залюбуетесь панорамой обновленных берегов, особенно правого с его замечательной Набережной, которую отсюда особенно хорошо охватить взглядом.

Новый мост, открытый для движения 5 ноября 1966 года и получивший имя Пятидесятилетия Великого Октября, обращен в то недалекое грядущее, когда будет использована вся его огромная пропускная способность. Белый исполин станет тогда звеном скоростной магистрали, пересекающей город с севера на юг. Понесутся по нему красавицы-машины, будущий облик которых мы можем представить, дав волю своей фантазии, будут нырять в тоннели, вылетать на дневную поверхность, чтобы, оставив позади преображенное дно нынешней Красноповстанческой балки, помчаться затем по Запорожскому шоссе...

Так будет. А пока история моста полувека, созданного нашим поколением, только начинается.

ПРОСПЕКТ НА БЕРЕГУ

Есть в Днепропетровске уголки, дожившие до наших дней в том облике, в каком «сдали» их будущему давно ушедшие поколения! И есть места, преобразившиеся до неузнаваемости. В числе последних — Набережная.

Собственно, можно ли вообще говорить о Набережной в прошедшем времени? Она просто не существовала. Был днепровский берег, пологий, заиленный, захламленный всякими отбросами. Город словно отвернулся от него, отступил на квартал солидной протяженности, а точнее — не желал приблизиться на это расстояние, чтобы не вдыхать доносившихся от реки сомнительных ароматов.

Пройдите по ближайшей, параллельной берегу улице Плеханова с ее старыми, многое повидавшими домами. Она-то и была последним жилым рубежом города, занятым издавна, еще в первой половине прошлого века. Господа дворяне строили свои городские усадьбы на южной, нечетной ее стороне, чтобы издали любоваться красотой Днепра. В эпоху строительной горячки на стыке столетий сформировалась четная, северная сторона бывшей Стародворянской. А ближе к реке — покосившиеся хибарки, бесконечные штабеля бревен и досок, груды мусора, заросли бурьяна, разъезженные ломовиками глубокие колеи... Чуть ниже по Днепру — прилепившиеся к берегу ветхие дощатые купальни на сваях, столпотворение Нищенских, подступивших к воде домишек Каменьев, этой прибрежной «Собачеевки». ...Нет, не радовал глаз протянувшийся на несколько кварталов прибрежный район. Широкая зона запустения напротив центральных кварталов города дала фельетонисту одной из дореволюционных местных газет повод для иронической усмешки: «Где Днепр, а где Екатеринослав!»

И седой Днепр мстил городу за неуважение к нему, за пренебрежение к его красоте и силе. В пору весенних паводков, собрав всю неумемную свою мощь, наступал он на городские кварталы. Бывало это не часто, раз в десять — пятнадцать лет. Но когда случалось, — не находилось преград безмолвному его гневу. Старожилы помнят бурное наводнение семнадцатого года, когда могучая река, словно вторя грозным событиям той легендарной весны, властно раздвинула свои берега, и стали ее притоками все прилегающие к Днепру улицы низинной части города. Почти до проспекта можно было доплыть тогда в плоскодонке.

Теперь все это — в прошлом. Навсегда укрощен Славутич цепью гидроэлектростанций Днепровского каскада, регулирующих водосброс. Бессилен он и против гранитной брони, в которую оделся правый берег в районе центральных кварталов.

Невольно завидуешь землякам, живущим на Набережной, в одном из благоустроенных районов большого днепровского города. Особенно хорошо здесь в летнюю пору, когда буйствует зелень на аллеях бульвара, перед

фасадами многоэтажных домов. На тротуарах, в магазинах, в ателье — всюду они, днепропетровцы второй половины нашего века, веселые, оживленные, хорошо одетые, — люди, для которых все это замечательное окружение — нечто обычное, само собой разумеющееся. Немного найдется среди них людей, которые помнят свалки, пустыри, лесные склады, существовавшие здесь когда-то... Как не повторить крылатые слова из «Горя от ума»: «Свежо предание, а верится с трудом». На месте каких нынешних красавцев-зданий стояли в начале прошлого века мрачные корпуса екатеринославского острога?.. Но видения прошлого покорно уступают место реальности нашего времени. Стекло и бетон девятиэтажного корпуса Гипромеза. Оригинальный геометрический фасад уже вошедшей в строй одиннадцатизэтажной гостиницы «Днепропетровск». Высотные девятиэтажные жилые блоки по правую руку, если взглянуть на Набережную с реки. А вдаль, на левом фланге, растет архитектурный комплекс техникума физической культуры...

Набережная продолжает строиться. В этом недавно рожденном районе города, органически спаянном со старейшей его частью, особенно зримо воплотился неукротимый творческий дух нашего времени. Завершенная в срединной части Набережная растет и вниз по Днепру. Дорожные работы, прокладка прибрежного тоннеля — мощной артерии, которая снабдит водой, теплом, электричеством обширную городскую зону, — опережают основное строительство.

Широкая асфальтированная магистраль, плавно повторяя изгибы днепровского берега, обогнула живописные склоны парка Шевченко, прошла мимо обреченных на снос домишек бывшей Мандриковки и, нырнув в тоннель под полотном Мерефо-Херсонской железной дороги, плавно свернула на проспект Карла Маркса, осененный величественным монументом Славы. Кто из днепропетровцев довоенной поры, если не считать нескольких архитекторов, наносивших на ватман смелые планы реконструкции города, мог представить себе эту многокилометровую круговую дорогу? А мы уже строим в воображении вереницу прекрасных зданий вдоль нее, видим снующие в обе стороны разноцветные троллейбусы нового кольца... Законченные кварталы Набережной с их монументальной архитектурой, бульварами, дебаркадерами, от которых отходят белые речные трамваи, смотровыми площадками, уже обжитыми вездесущим племенем энтузиастов удочки и спиннинга, дают для таких мечтаний щедрый материал.

Набережная правого берега, которой в недалеком будущем будет под стать младшая, левобережная сторона, — красноречивая страница каменной книги города, первые строки которой записали наши современники, а допишет следующее поколение — последней трети двадцатого века.

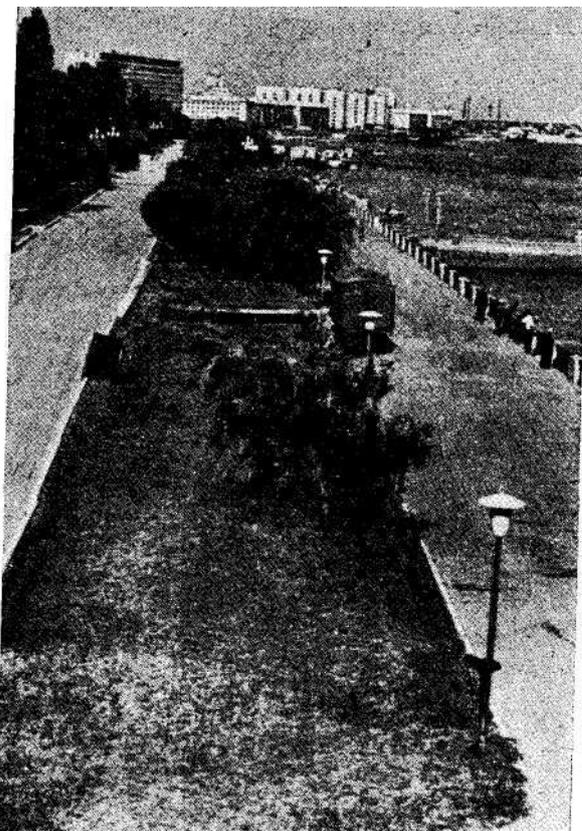


Рисунок 3 Днепропетровская набережная.

МАГИСТРАЛИ В БУДУЩЕЕ

Мы скажем здесь коротко о трех новых проспектах Днепропетровска — Гагарина, Кирова, «Правды». Они тоже — страницы каменной книги города. Как и Набережная, новый мост, как сотни новых зданий — жилых, торговых, общественных, административных, выросших в каждом районе, на каждой улице за послевоенные четверть столетия. Страницы просторные, коллективные.

Объединить рассказ о трех проспектах дает нам основание общность их исторических судеб. Именно она, эта общность, выделяет их из внушительного числа свыше тысячи восьмисот улиц, проспектов, площадей, которые насчитывает современный Днепропетровск. Многие из этой огромной семьи городских магистралей возникли на месте голой степи, в местах, еще сравнительно недавно весьма отдаленных от городской территории. К примеру, проспект, носящий имя космонавта Германа Титова, — широкая, застроенная многоэтажными домами улица современного города. Посмотрим на это место ретроспективно, глазами не только екатеринославца дооктябрьских времен, но и жителя довоенного советского Днепропетровска. Степной простор, перелески и рощицы — остатки некогда обширного Монастырского леса, куда добирались только любители дальних загородных прогулок. Или улица Днепропетровская, выросшая за какой-нибудь десяток-полтора десятка лет по обе стороны ранее пустынного, прилегавшего к городу участка Запорожского шоссе.

Намного можно было бы продлить этот перечень. Вернемся, однако, к начатому разговору о трех проспектах.

Проспект Гагарина. Когда-то — Лагерная улица. Но можно ли одной исторической справкой исчерпать разительные перемены, происшедшие на этой бывшей южной городской окраине за годы Советской власти?

Память старожила сберегла непривлекательный облик Лагерной, протянувшей нечастую цепочку своих одно- и двухэтажных домишек от начала Екатерининского проспекта до унылых корпусов царских военных казарм. В общем-то короткая, захудалая улочка, да и называться улицей она имела сомнительное право. Застроена была лишь одна сторона: лавчонки, посещаемая рыночными завсегдатаями корчма, жилые особняки сонно глядели на пыльный пустырь Лагерной площади.

Исчезла она, эта площадь, на плане нового Днепропетровск? еще в тридцатые годы, когда правую, четную сторону «оккупировали» вновь созданные вузы: металлургический, химико-технологический. А дальше на юг возвел свой студенческо-преподавательский городок еще один созданный в те годы вуз — институт инженеров железнодорожного транспорта.

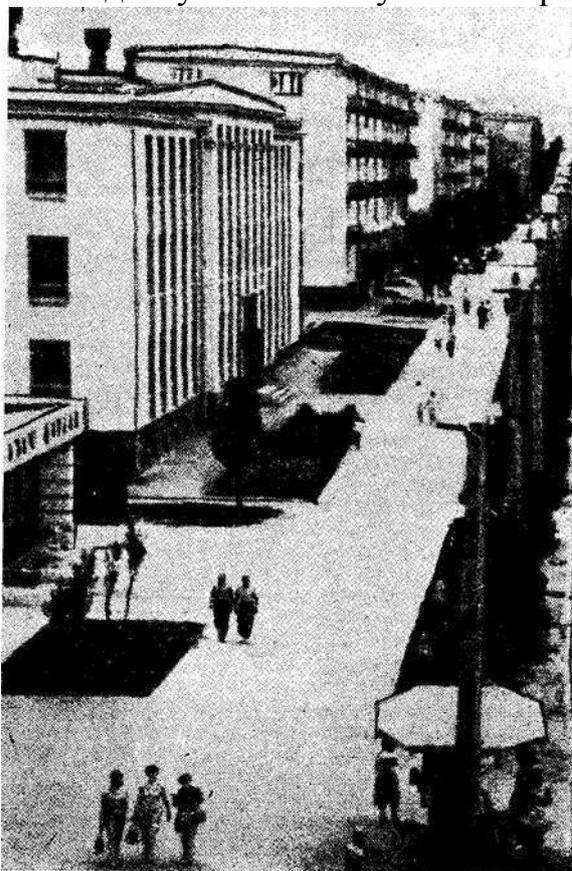


Рисунок 4 Проспект Гагарина.

И эта картина довоенного города сразу бледнеет в сравнении с современной. Как далеко шагнула в наши дни Вузовская улица, переименованная в начале шестидесятых годов в честь первого в мире советского космонавта. Мягко плывет троллейбус по асфальтовой ленте. Вот уже далеко позади конечное кольцо трамвая, которое еще относительно недавно, находилось в степи за городом, у стен транспортного института. А за окнами машины по обе стороны мелькают многоэтажные корпуса, течет по тротуарам нарядная толпа; магазины, ателье, кинотеатр «Космос» ни в чем не уступают своим собратьям в центре города.

Такая же картина и на другом новом проспекте — проспекте Кирова. И здесь мало о чем говорит старое название: улица Полевая. Два коротеньких окраинных квартала, ответвившихся от Пушкинского проспекта,— и обрывалась Полевая на рубеже бескрайней степи.

Надо сказать, дожила она почти неприкосновенной до наших дней. Время сберегло пока, словно в витрине огромного музея городского быта, поблекшее обличье низеньких, ушедших в землю домов конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Но дальше, там, где летом 1910 года восторженная толпа екатеринославцев собралась за городом в степи поглядеть на «чудо века» — полеты российского авиатора Уточкина на его неуклюжей «этажерке», начинается, чтобы уйти далеко на юг, совсем новая городская магистраль, хоть и носит она одно название со старыми кварталами. Светлые, в основном пятиэтажные жилые дома, большие современные магазины с модными названиями: «Сокол», «Уют», «Василек». Многие жители центра едут сюда за покупками, потому что здесь легче и быстрее можно приобрести лучшие товарные новинки. И уже совсем «монопольное» положение в городе занимает «Юность» — салон для молодоженов, с которым, как и со Дворцом бракосочетаний на улице Дзержинского, будут связаны на многие годы самые светлые, счастливые воспоминания сотен и сотен молодых пар. К слову, не случайно расположилась «Юность» именно здесь. Взгляните на лица прохожих, пройдитесь по этажам жилых домов, ознакомьтесь с демографической статистикой. Тут, на проспекте Кирова, как и на других новых улицах, живет в основном молодежь.

Третий из наших проспектов — левобережный — носит славное имя ленинской газеты «Правда». Словно раздвинув могучим плечом россыпь домишек старых заводских поселков, пролег он на четыре километра вдоль Новомосковского шоссе. Особенно впечатляюще выглядит сейчас правая (если ехать со стороны Новомосковска) сторона проспекта «Правды», застроенная огромными, оригинальной архитектуры девятиэтажными блоками. И здесь — все удобства современного быта, все, что нужно для жизни нашего человека.

Что же общего между этими новыми проспектами, особенно между первыми двумя? История их возникновения, их современный облик представляют собой прямую противоположность былым окраинам старого, дооктябрьского Екатеринослава, где благоустроенный городской центр возвышался над низменными запущенными улочками рабочих предместий. Путешественник, откуда бы ни въехал он в нынешний Днепропетровск, сразу попадет в атмосферу большого, цветущего города и, лишь оставив позади новые, возникшие в последние годы кварталы, увидит расположенное ближе к городской середине доживающее свой век дедовское жилищное наследство.

Хочется сказать — архитектурный парадокс! Обусловленный самим строем нашей жизни, он уже недолго будет резать глаз. Новые кварталы пошли в наступление на отжившую рухлядь и движутся в сторону центра.

Ножи могучих бульдозеров, чугунные гири копров стирают строку за строкой с поблекших страниц каменной книги города, не представляющих исторической и архитектурной ценности, чтобы записать на них великую новь почерком нашей эпохи.

ВСТАЛ НА ОСТРОВЕ КОБЗАРЬ

Богата Советская Украина памятниками бессмертному своему певцу. Не только поминают его с любовью «в сім'ї великій сім'ї вольній, новій». Нет в нашей республике такого не только крупного, но даже небольшого города или села, где имя Шевченко не было бы запечатлено в названиях одной из лучших улиц, площадей, передового колхоза, Дворца культуры... А в большинстве мест встретишься и с обликом великого Тараса, увековеченным в металле или камне. Вспомним такие, не только всей нашей стране, но и за рубежами ее известные памятники Тарасу Шевченко, как в нынешней и прежней столицах республики — Киеве и Харькове, над могилой его — в древнем Каневе... В каждом из этих талантливых произведений монументального искусства — неповторимый почерк скульптора, свое решение темы, свое единство с окружающим пейзажем...

На верхнем, каменистом мысу Комсомольского острова, поднявшемся над водами Славутича подобно хребту какого-то доисторического исполина, высится вот уже десять лет монумент, олицетворяющий славу народную. Славу Тараса Шевченко, воспевшего героическое прошлое Украины, верившего в ее светлое, счастливое грядущее. Для нас это грядущее — светлая явь, созданная неустанным, поистине вдохновенным трудом нескольких поколений.

Поднимитесь мысленно на этот монумент, гляньте с двадцатиметровой высоты пьедестала и самого памятника на седую и вечно юную реку, которую так любил Шевченко. Смотрит он, отлитый в металле, прямо навстречу течению Днепра подобно кормчему гранитного корабля. Режет днепровскую волну мыс древнего острова, в чьей многовековой истории отложились судьбы здешнего края. За спиной Тараса — полустертые временем руины Кодака, знаменитый Игреньский полуостров, где в 1660 году наголову разбили татарское войско казаки Ивана Сирко. А рядом, по левую руку, два века назад дымили очаги зимовников Глобы, Мандрыки, прятались в дубравах хатки запорожской слободы Половицы...



Рисунок 5 Памятник Т. Г. Шевченко.

Не только о прошлом размышляет Кобзарь. Открываются его взору и плотины двух новых гидроэлектростанций, расположенных выше по Днепру, а прямо перед глазами — цветущий город на его берегах...

Удивительно органично единство монумента и его окружения — единство, в котором днепропетровский памятник Т. Г. Шевченко как бы соревнуется с прекрасной каневской скульптурой.

Создали днепропетровский памятник Тарасу одаренные наши земляки — скульпторы И.С. Зноба и В.И. Зноба в содружестве с архитектором Л.Р. Витвицким. Их полноправным соавтором является умелец-литейщик Н.А. Шишалов, под чьим руководством в фасонно-литейном цехе завода имени Ленина была безукоризненно выполнена сложнейшая, состоящая из нескольких элементов отливка.

Обязательно посетите Комсомольский остров, лучше — летом, когда он утопает в зелени, а древний Днепр отражает бездонную голубизну неба. В эту пору особенно наглядно ощущаешь, как удачно, с любовью найдено место для памятника бессмертному певцу Украины.

Когда сведете знакомство с памятником, оглядитесь вокруг. Вы стоите на земле, каждый шаг по которой уводит нас в далекое прошлое. И потому именно с Комсомольского острова мы начнем следующий раздел «каменных страниц», посвященный делам давно минувших дней.

СТРАНИЦЫ, ПОСЕДЕВШИЕ ОТ ВРЕМЕНИ



18

Свидетель старины глубокой

21

Каменная рота

23

Верстовая миля

24

Бывший Потемкинский

27

Десять колонн по фасаду

28

Над Днепром широким

31

Там, где гулял Белинский

33

Теперь это царство детворы

35

Собор на площади

37

Инзова канцелярия

СВИДЕТЕЛЬ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Этот коротенький рассказ — об одном днепровском острове.

Вписывается ли он в каменную, книгу истории города? Могут возразить: создатель острова — природа, и существовал он тысячелетия до того, как первые кирпичи Екатеринослава легли на высокой горе, что напротив него.

А нам кажется — отлично вписывается. Тут часть городской земли, и вряд ли есть такой днепропетровец, который хотя бы однажды не побывал на этом острове в погожий летний день, когда тянет человека к солнцу, воде, речной прохладе. Да и каменный он, гранитный, как и самый высокий из трех холмов днепровского города. А главное: историю этого острова творила не только природа, но и человек. Не интересно ли жителю или гостю Днепропетровска узнать живописное прошлое нынешнего Комсомольского, уходящее в дали дальние?

Более одиннадцати веков назад поселились тут люди в черных клобуках — монахи, приплывшие на челнах из далекой Византии. То были, наверное, сильные, выносливые люди, одолевшие бури Черного моря и ярость порогов. Много днепровских островов лежало на их пути, но приглянулся этот, покоривший своей дикой красотой. Тесали тяжелые дубовые колоды, ладили срубы на высоком каменистом бугре. Древние монастыри строились как крепости, в защиту от недобрых людей. Потому-то и обосновался монастырь на острове, а не на днепровском берегу. Колокольная деревянная церквушка была для обитателей Монастырского острова одновременно и сторожевой башней.

Видел остров именитых гостей: первых киевских князей — Ольгу, Святослава. Ступала на его песок в 988 году нога князя Владимира, когда плыл он с дружиной в поход на корсунских греков. А в 1152 году, разгромив половцев на недалекой речке Угле (Орели), побывал на Монастырке — так звали тогда остров — князь Мстислав II Изяславич. Немало сделал он для того, чтобы уберечь монашескую обитель от набегов хищных степных кочевников.

Многих путешественников видел в старину на своих песчаных берегах Монастырский остров, и причиной тому было удобное его местоположение. Тут осматривали, чинили челны, галеры, готовили их к преодолению труднейшего участка пути из варяг в греки — грозных днепровских порогов.

Поколения иноков сменялись на Монастырском острове. Последнее погибло осенью 1240 года от стрел и сабель Батыевой орды, двигавшейся по правому берегу Днепра на богатый Киев. Можно воссоздать в воображении страшную, озаренную пожаром картину смерти, когда татарские всадники, переплыв узкий рукав Днепра, обрушились кровавой лавиной на островную обитель...

Проходили столетия, время давно уже стерло следы пепелища среди скал, а живописный остров продолжал оставаться всеми чтимым на Запорожье «святым» местом. Не потому ли и возникла в XVII веке совсем рядом, на правом берегу Днепра казацкая слобода Половица?

Высаживался на Монастырке, путешествуя по Днепру, в 30-х годах XVII столетия и наемник польских королей французский инженер де Боплан, строитель крепости Кодак. По его свидетельству, единственными обитателями острова были змеи, их оказалось несметное число.

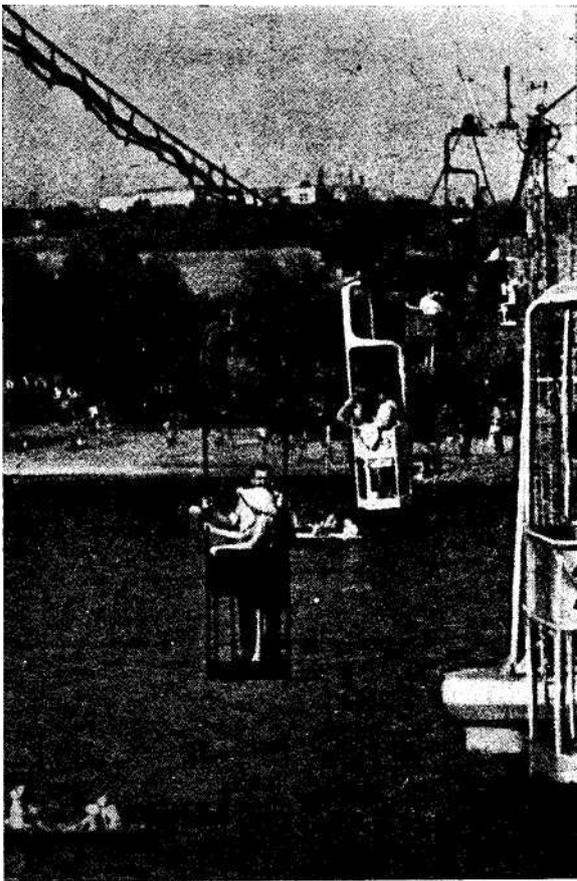


Рисунок 6 Комсомольский остров.

В годы рождения Екатеринослава остров чуть было не стал «университетским». Здесь по планам должны были строить корпуса университета и музыкальной академии при нем. Но, как известно, дальше чертежей эти проекты не пошли.

После ликвидации Екатериной Сечи окрестные земли, включая монастырские, стали собственностью князя Прозоровского, затем были отданы в казну, а от нее перешел остров в частные руки. Трех владельцев: Рябинина, Буракова, Богомолова сменил он за последние предоктябрьские полвека и обошелся первому из них всего в четыре тысячи рублей. Думается, не в убытке остался господин Богомоллов, чье имя носил остров в памяти еще многих ныне живущих днепропетровцев, когда пролегла через его западную часть трасса будущей Мерефо-Херсонской железной дороги и начались строительные работы.

Есть у острова и «революционные заслуги». В густых его чащобах, надежно укрытые от полицейского ока, собирались не раз в дооктябрьские годы рабочие сходки, организованные большевиками, проходили маевки.

Давно уже сменил днепровский остров отжившее имя «Богомолловский» на вечно молодое «Комсомольский». Пройдите в разгар сезона по его просторным белопесчаным пляжам, загляните в зону, аттракционов, на причалы водных станций, и вы наглядно убедитесь: очень удачно выбрано для острова новое имя, вполне соответствует оно основному возрастному составу отдыхающих. Впрочем, и старшему поколению днепропетровцев вход сюда не заказан. Всем найдется место. Для этого и

потрудились на совесть речники со своими земснарядами: «дотачали» к Комсомольскому вниз по течению длинный и широкий пляж, поставили грибки, насадили молоденькие деревца. Так что, как видите, творец острова — не только природа. Наши современники стали полноправными «соавторами» выросшего чуть ли не вдвое древнего острова на Днепре.

КАМЕННАЯ РОТА

Выстроились они в почти солдатские шеренги на левом фланге Днепропетровского исторического музея. Вот только не по росту. Двухметровые и более (не считая фундамента) богатыри соседствуют рядом с приземистыми, будто вросшими в землю коротышками в этом странном, почти сказочном каменном мире.

Мире людей?

Хочется сказать — человекоподобных. Огромные, не пропорциональные туловищу головы, размашистые овалы плоских, восточного типа лиц, маленькие ножки-обрубки, высеченные на основании. У некоторых какие-то замысловатые головные уборы (а может быть прически?), у других — подобие шлемов.

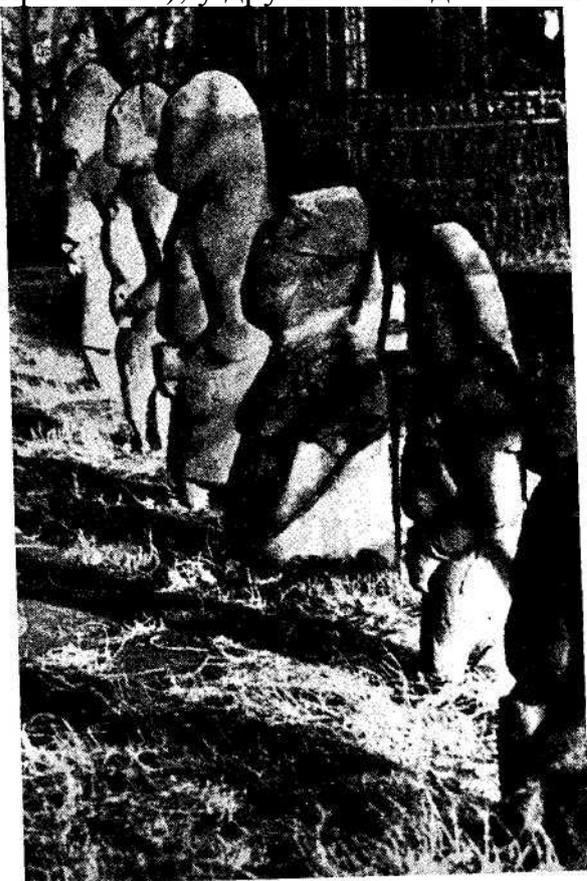


Рисунок 7 Каменные «бабы».

На верхней губе одного изваяния змеятся тонкие усики. Но обвислые гранитные груди большинства этих фигур не оставляют сомнений в том, что древние скульпторы хотели изобразить представительниц прекрасного пола. Потому за ними и закрепилось в обиходе малоуважительное определение: «каменные бабы».

Вглядитесь в эти каменные лица, и вы сможете уловить даже некие оттенки настроений: равнодушие, усмешку, скрытую угрозу... Может быть, это только кажется? Допустим. Но ясно видно разнообразие изобразительных средств, размеров, пород камня, из которого высекались эти древние изображения.

Впрочем, сравнить, сопоставить облик десятков этих фигур получили возможность только наши земляки, жители нынешнего столетия после того, как шестьдесят три «бабы» привезены были сюда из близких и дальних уголков Приднепровья и образовали «каменную роту», выстроенную на бессменный смотр возле музейного здания.

А до того без малого тысячелетие высились они на курганах, разбросанных по безбрежным просторам Дикого поля.

Только человек, всем сердцем любящий родную природу и знающий ее немногие нетронутые уголки, может, дав волю воображению, представить себе, каким было Дикое поле во времена Киевской Руси. Именно в ту пору из-под примитивного резца и зубила половецких каменотесов, примерно в XI—XIII веках, и выходили эти странные каменные фигуры, которые ранее ошибочно относили к гораздо более раннему — скифскому периоду истории нашего края. Стояли они на вершинах курганов среди необъятного зеленого моря трав, одинокими островками в котором темнели дубовые рощи, непроходимые заросли лозы и камыша у озер и степных рек. В зимнюю пору со своих высот глядели на занесенную глубокими снегами бесконечную пустыню. В обрамлении девственных лесов, зеленея летом живописными островами, с величественной неторопливостью нес чистые воды свои на юг Днепр-Славутич. Гремели пороги, вокруг — полное безлюдье. Только изредка проходила дикая половецкая орда, и следы таборов два-три года спустя бесследно исчезали под буйным напором разнотравья. Еще не нагрянули с востока татаро-монголы, несколько веков оставалось до возникновения в этой необъятной степи легендарной запорожской вольницы.

Многое видели эти каменные истуканы: кровавые жертвы, которые приносили им в дни погребений прославленных половецких воинов, чьи высокие могилы-курганы должны были они стеречь. А те, которых поставили когда-то у степной речушки Желтой, стали свидетелями разгрома чванливой польской шляхты воинами Богдана; другие, что на пологих днепровских склонах, отразили в своих пустых глазницах отблеск пожара крепости Кодак...

Со времен Екатерины II начинается постепенное заселение Новороссии, селения крепостных крестьян вырастают на недавней целине. Помните известный рисунок Тараса Шевченко, сделанный в дни его путешествия по Украине в 1843 году, — «На речке Орели»? С невысокого кургана «край села» глядит на подневольную жизнь крепостной деревни «каменная баба».

Иным «бабам» не повезло. Ставив с «верхотуры», превращали их в завалинки, использовали как пешеходные мостки через ручей, для различных хозяйственных надобностей.

И как хорошо, что нашлись люди, для которых родная старина не была пустым звуком и которые не жалели сил и времени для ее сбережения.

Драгоценной коллекцией половицких «каменных баб», самой богатой у нас на Украине, Днепропетровский исторический музей обязан стараниям первого своего директора, знатока и хранителя реликвий отечественного прошлого академика Дмитрия Ивановича Яворницкого. В неутомимых поисках своих объехал он всю Екатеринославщину, высматривал лучшие экземпляры каменных изваяний на помещичьей земле и отвоевывал их подчас в упорных «боях» у несговорчивых собственников, выручал «баб», попавших в беду.

Некоторые из них стояли с давних времен и на территории нынешнего Днепропетровска. Они, эти «бабы»,— введение в каменную книгу города.

ВЕРСТОВАЯ МИЛЯ

Стоит она у восточной стены собора на площади, носящей имя Октября. Размашистой дугой огибают ее трамвайный и троллейбусный маршруты. Окружают площадь дома разных времен. Крепостного, николаевского: старые корпуса больницы имени Мечникова и собор. Приземистые дворянские гнезда конца прошлого века. Многоэтажные блоки нашей, советской эпохи.

А она, миля, старейшина среди них, — первое сооружение не только на этой нагорной площади, но и во всем городе. Когда сложили ее из каменных глыб, скрепленных известковым раствором, ничего не было вокруг, кроме буйного великолепия щедрой украинской природы. Из края в край ходили под ветром на горе зеленые волны, разукрашенные полевым разноцветьем, поседевшие от тырсы-ковыля. А внизу, под горой, нес свои щедрые воды к недалеким порогам величавый Днепр. Не видно было миле прижавшихся к крутому обрыву хаток запорожской слободы Половицы, которую поглотил позднее новый город Екатеринослав.

Но зато, когда погожим майским днем 1787 года закладывали город, была миля свидетельницей торжества: видела нарядных придворных дам с высокими прическами и кавалеров в париках с пышными буклями, переливы шелков и бархата, затейливые павильоны, возведенные по приказу «светлейшего» князя Потемкина для парадного обеда в честь Екатерины II. Видела самодержицу, замуровывавшую в основание храма памятные червонцы и серебро, вереницу карет, ожидавшую ее и свиту для далекого путешествия на юг по отвоеванным у Турции землям.

Миля с римских времен — тысяча шагов, а на Руси— 714 сажень, «семисотная верста». Но означало у нас это слово и дорожный знак. Можно предположить: таких каменных обелисков-«миль» на пути

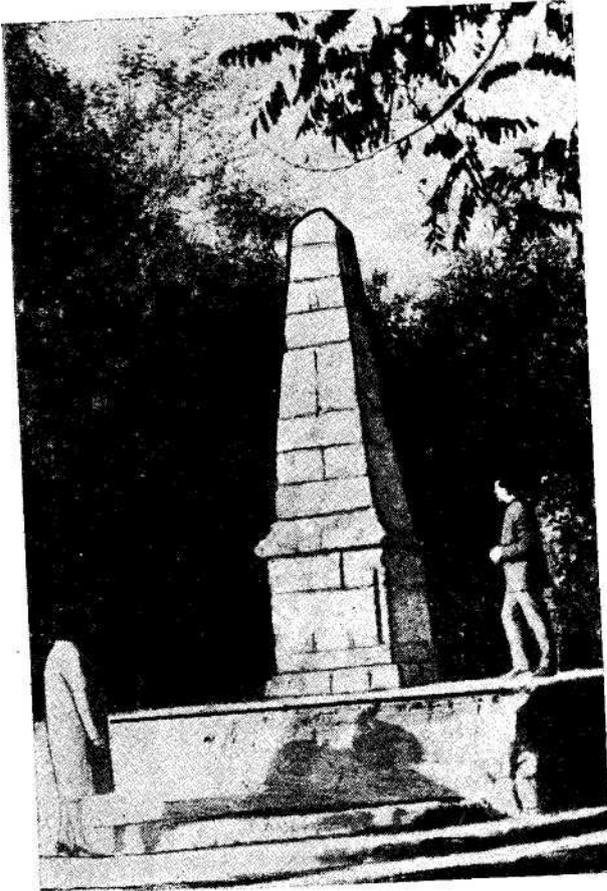


Рисунок 8 Верстовая миля.

Екатерины только от Новых Кайдак до Херсона было воздвигнуто двадцать пять, по числу станций, где именитые путешественники останавливались на отдых или для ночлега. На каждой станции — специально построенные, роскошно обставленные помещения, сотни свежих коней, подменных ямщиков. А по пути пресловутые «потемкинские деревни» — ярко размалеванные макеты «цветущих поселений». Вдоль дороги толпы разряженных поселян, согнанных за тридевять земель для встречи матушки-царицы... Около 11 тысяч лошадей, свыше 5 тысяч возниц, бесконечные обозы с продовольствием, фуражом. Десяти миллионов рублей — астрономической по тому времени суммы, разорительной для крепостной России, не хватило для этой, на многие сотни верст растянувшейся очковтирательской инсценировки, режиссером которой был всемогущий князь Таврический.

Частица тех миллионов пошла на сооружение верстовой мили, дожившей до наших дней. Задержитесь на минутку возле этого почтенного немого свидетеля далекого прошлого. Приглядитесь к самой старой «постройке» в городе на Днепре.

БЫВШИЙ ПОТЕМКИНСКИЙ

В этом красивом дворце — самом старом здании в Днепропетровске (старше его из здешних архитектурных памятников только верстовая миля возле собора) своеобразно наслоились основные эпохи истории города.

Не довелось войти в его роскошные парадные залы первому владельцу дворца — князю Потемкину, по чьему приказу возвели его в 1790 году по чертежам знаменитого зодчего Ивана Старова.

Ничто уже не привлекало всемогущего временщика в основанный по его замыслу город на Днепре после того, как побывала тут и заложила первый камень царица Екатерина. Его дворец стал единственной реальностью из числа десятков запроектированных общественных зданий будущего Екатеринослава, так и оставшихся на размашистых планах.

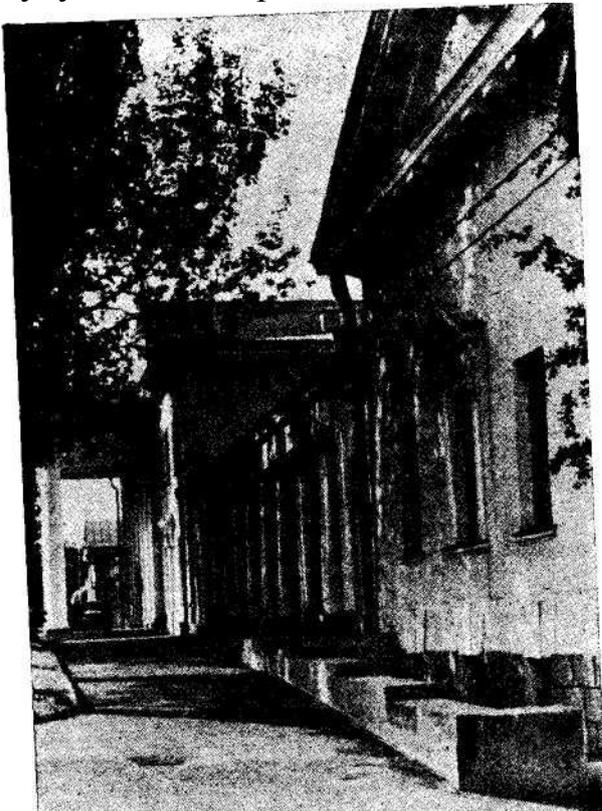


Рисунок 9 Дворец студентов.

Это было монументальное, достойное своего зодчего здание, центральную двухэтажную часть которого составлял огромный двухсветный зал с примыкавшими к нему парадными помещениями. Боковые флигели соединялись с главным корпусом длинными крыльями, украшенными, как и срединная часть дворца, строгой дорической колоннадой. Чудесный вид на десятки верст вокруг открывался из окон, с высокой южной террасы стоявшего на крутом холме дворца.

Долгая эпоха прозябания степного городка оставила свой разрушительный след и на потемкинских «государских палатах» — так значился дворец на планах несбывшейся третьей, южной столицы России. Прошло каких-нибудь два десятка лет — и разошлись резные двери, фигурный паркет, растрескались стены, рухнул потолок центрального зала, в который, по свидетельству современников, мог въехать в полном составе конный полк, и высокая трава пробилась к солнцу между полуистлевшими обломками...

Жандарм Европы Николай I, побывавший в Екатеринославе еще в 1818 году в бытность свою великим князем, с истинно царской «щедростью»

пожаловал развалины потемкинского дворца вместе с заброшенным садом местному дворянству, и с сороковых годов восстановленный и при этом значительно упрощенный по внутреннему устройству дворец стал «дворянским домом». В одном из его помещений было открыто в 1849 году нечто вроде «кунсткамеры» — прообраза будущего исторического музея.

В первую мировую войну тут был развернут госпиталь. В 1915 году посетил его последний самодержец всероссийский Николай II. Этим «примечательным» событием и заканчивается дореволюционная история дома Потемкина.

Трудовые хозяева нашей земли после победы Великого Октября распорядились по-своему этим зданием. Именем Ильича был назван рабочий дом отдыха, расположившийся с двадцатых годов в бывшем дворце Потемкина.

Сохранился снимок 1943 года — развалины дома отдыха имени Ильича. Гитлеровские факельщики и здесь приложили свою разбойничью руку. Стены, залитые огнем, центральный корпус без крыши, только просторная терраса, опирающаяся на центральную часть колоннады, чудом уцелела... Грустная эта картина разрушения настраивала на мысль о конце полуторавековой истории старого здания.

Но она продолжается. Наше время вписало в послужную книгу дворца самую светлую, радостную и, если можно так выразиться, многолюдную главу.

После Великой Отечественной парк у дворца двинулся в наступление на прилегающую к нему площадь, прежде — Дворянскую, теперь — имени Тараса Шевченко; бывший дом Потемкина, раньше глядевший на эту площадь, попал в зеленое окружение. Люди, поднявшие его из руин, не собирались покорно следовать образцу, завещанному Старовым, но они творчески сберегли все, что, напоминая о первоначальном его облике, не входило в противоречие с новым назначением здания.

В главном, намного расширенном центральном блоке, во внешне почти не изменившихся размашистых крыльях с их двадцатью колоннами бьет ключом шумная, вечно молодая, неустанно обновляющаяся жизнь.

Тут — Дворец студентов, а их в Днепропетровске более пятидесяти тысяч, и, наверное, нет среди них юноши или девушки, которые не побывали хоть разок в гостеприимном здании над Днепром. Мы перелистываем лишь страницы каменной книги города. А сколько бы можно порассказать о чудесных залах, комнатах кружковой работы и отдыха, библиотеке, студенческом кафе, а главное, о тех, кто заполняет их каждый вечер, участвуя в работе молодежных театров, клуба веселых и находчивых, самодеятельных студий и ансамблей... На это понадобилась бы отдельная книга, и она, очевидно, будет написана. Завершая коротенький очерк истории старого здания, скажем только, что современная его глава достойно венчает долгий век бывшего дворца Потемкина, чье новое название ДКС — «Дворец культуры студентов» дополнено и украшено именем первого покорителя космоса — Юрия Гагарина.

ДЕСЯТЬ КОЛОНН ПО ФАСАДУ

Стоит он на одном из самых шумных, оживленных перекрестков проспекта Карла Маркса, неподалеку от авто - и железнодорожного вокзалов. Не сразу обратишь внимание на это длинное, на целый квартал растянувшееся приземистое двухэтажное здание. Закрытое деревьями, оно плохо смотрится издали. Но, проходя мимо него по тротуару, обязательно остановишься, чтобы полюбоваться его строгими классическими формами. Да, это российский классицизм екатерининских времен, немало шедевров которого оставил нам восемнадцатый век. И главной приметой этого архитектурного стиля является монументальная, увенчанная пологим невысоким фронтоном колоннада в центре фасада — десять размашисто расставленных массивных колонн дорического ордера, гладких в нижней части, рубчатых сверху, наполовину утопленных в толще стены.

Кто архитектор? Чертежи не сохранились, и авторство приписывается, по одной версии, Василию Стасову; по другой, на наш взгляд более достоверной, Федору Волкову, талантливому зодчему екатерининских времен, тезке и однофамильцу прославленного основателя русского театра. Завершена постройка здания в последние годы царствования Екатерины.

Хочется представить себе его, как и каждое старинное здание, в далекой молодости, окруженным его современниками на фоне нетронутой природы нашего края. А хороша была она в здешних местах! С севера — Днепр, с юга, запада, востока — просторы целинной степи. Совсем неподалеку — красивое озеро, обрамленное леском, густыми зарослями камыша.

Но только ли это? Вглядываясь в прошлое, видишь горе горькое, гнездившееся под крышей крепостной мануфактуры, — для нее был выстроен, в числе других, и этот дом с десятью колоннами.

Тут с рассвета и до заката солнца ткали на ручных станках сукна для парадных офицерских мундиров. Мельчайшая пыль шерстяных очесов столбом стояла в спертom воздухе. А ведь работали на фабрике и подростки, совсем еще ребятишки. Шли отличные екатеринославские сукна в далекую столицу, щеголяли в мундирах из них на парадах гусары и лейб-гвардейцы, даже царский двор и сам Николай I. А тем, кто ткал эти сукна, суждена была дорога сквозь десятилетия беспросветного рабства на «свое» фабричное кладбище, что на холме, там, где ныне парк имени Калинина.

В тридцатых годах прошлого века фабрику закрыли, здания ее были переданы армейскому ведомству, дом с десятью колоннами стал провиантским складом. И поперечную улицу, на перекрестке которой с проспектом стоит этот дом, окрестили Провиантской.

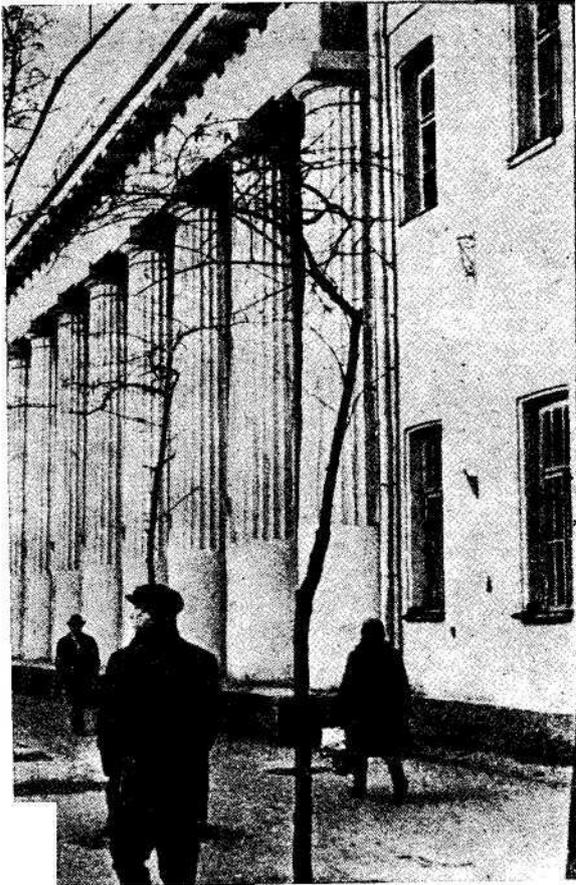


Рисунок 10 Хлебозавод № 1.

Настал июнь 1905 года, и увидела старая фабрика, где трудились когда-то в полном бесправье первые екатеринославские мастеровые, гнев и силу нового поколения рабочего класса. Встретились на перекрестке Провиантской и проспекта рабочие правого и левого берегов, чтобы вместе протянуть руку братской солидарности команде восставшего черноморского броненосца. Тысячная толпа аплодировала ораторам-большевикам, гремела здравица потемкинцам, пламенели красные знамена. А когда нагрянули казаки — воздали рабочие по заслугам царским цепным псам!

Вот уже более сорока лет в помещении бывшей фабрики — завод, хлебный, первый в Днепропетровске. Месяц горы теста стальными кулаками неутомимые машины, другие делят его, сажают в печь. По всему зданию — чудесный запах горячего хлеба с хрустящей корочкой. Аромат жизни, достатка.

У иных зданий, как и у старых, родившихся до Великого Октября людей, безрадостное детство и счастливые седины.

НАД ДНЕПРОМ ШИРОКИМ

Если, приехав в Днепропетровск, вы хотите в полной мере ощутить, как хороша природа Приднепровья, отправьтесь в парк Шевченко.

Это один из двух старейших здешних парков. Как и его ровесник, носящий имя Валерия Чкалова, он старше самого города.

Чуть ниже места закладки собора; где царица Екатерина уложила «августейшей» рукой «первый кирпич Екатеринослава», давно уже шумели

на ветру дубки, тополя, плакучие ивы большого тенистого сада, а под горой, на живописном днепровском рукаве неторопливо вращалось грубо сколоченное колесо водяного «млынка». Все это входило в усадьбу бывшего есаула войска запорожского Лазаря Глобы. Хатка его стояла тут же неподалеку, и вечерами, отдыхая после дневных трудов, седой, как лунь, старик — было отроду ему уже почти сто лет — с порожка вместе с двумя своими побратимами любовался заречными далями.

Но приглянулось это место архитекторам, выписанным из столицы Потемкиным, именно тут решили они строить дворец для «светлейшего». Откупила потемкинская канцелярия у Глобы его участок вместе с садом и полем еще не убранной колосющейся пшеницы. Пришлось перебираться старому запорожцу в другой заранее облюбованный уголок, версты за три вверх по Днепру. Тут насадил он еще один «садок»... В первой половине XIX века назовут его на городских планах Верхним садом, в отличие от Нижнего — Потемкинского.

А на горе закипела работа. Сад Глобы перепланировали по образцу знаменитых версальских. Двадцать девять садовников хлопотали на его дорожках. Командовал ими пожилой человек в скромном темном кафтане, знаменитый в XVIII веке мастер садово-паркового дела англичанин Вильям Гульд. Два десятка лет прожил он в России, создал в Петербурге и на юге страны прекрасные парковые ансамбли и в их числе знаменитый парк Таврического дворца. Потемкин в конце лета 1789 года спешно командировал Гульда в Екатеринослав, где тот проработал всю осень.

Солдатские команды возвели две большие оранжереи для диковинных заморских цветов и фруктовых деревьев, одну — специально цитрусовую. Щедрый, во многие тысячи обошедшийся казне сюрприз заготовил царицын любимец к предполагавшемуся новому приезду «матушки-государыни» в южную столицу, которая должна была вырасти в приднепровском крае по утвержденным ею планам.

...Скоропостижно скончался в бессарабской степи Потемкин, умерла Екатерина, и остались на пергаменте грандиозные прожектывы... Несколько десятилетий был без присмотра сад Глобы, постепенно превратившийся в густой лес на днепровском склоне. Николай I подарил его вместе с дворцом екатеринославскому дворянству и собственной рукой подписал план новой разбивки. После этого, впрочем, ничто не изменилось. Сад оставался в прежнем состоянии.

Но в буйной дикости, в запустении старого парка была своеобразная прелесть. Немало находилось любителей побродить по извилистым, терявшимся в непроходимых зарослях тропкам прекрасного прибрежного леса, называвшегося по старой памяти Потемкинским садом.

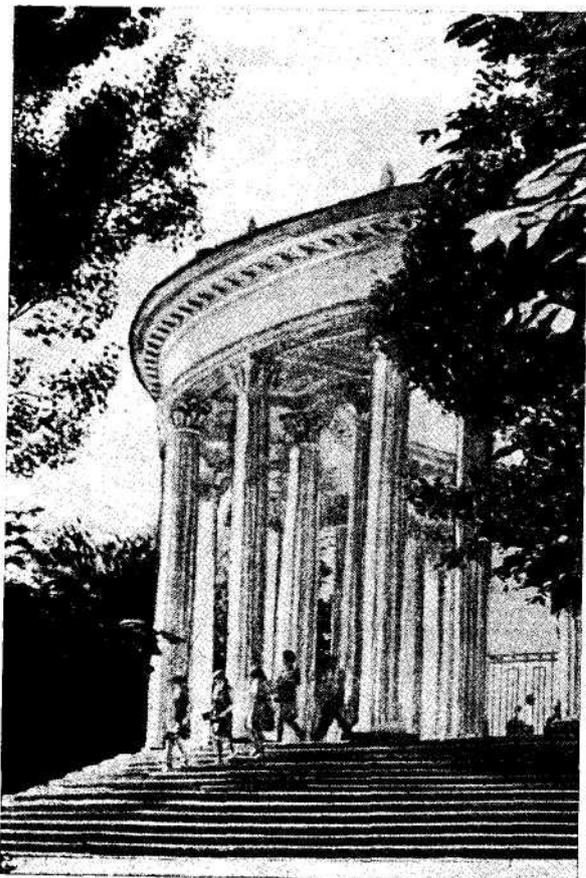


Рисунок 11 Парк имени Т. Г. Шевченко.

Летом 1877 года у живописных скал на глухих тропинках можно было ежедневно встретить приезжего с небольшим чемоданчиком в руках. В нем — инструмент, пробы почвы, образцы каменных пород... То был Василий Васильевич Докучаев, основатель отечественного почвоведения, специально приехавший в Екатеринослав с исследовательскими целями. Потемкинский сад дал славному ученому богатый фактический материал для его труда о связи водного режима, лесонасаждений с коренным улучшением условий земледелия.

Пройдет четверть века, и в историю сада будет вписана новая, революционная страница.

Сюда почти не заглядывало полицейское око и тут назначали надежные места явок участники социал-демократического подполья. Об одном нелегальном совещании большевиков, состоявшемся в Потемкинском саду хмурым грозным вечером, вспоминала много лет спустя Серафима Ильинична Гопнер.

В годы гражданской и Великой Отечественной войн парк дважды жестоко пострадал, его вырубili почти полностью. Но как пышно, много краше, чем до войны, выглядит он, возрожденный в наше время. Плавными зелеными волнами сходят к речным водам его тенистые аллеи, с живописных площадок открывается широкий обзор на Днепр и Заднепровье. Любителям кино на свежем воздухе, симфонической музыки, шахмат — и тем, кому просто хочется посидеть на скамеечке возле ароматного цветочного разлива, — всем найдется здесь место.

Купальщикам, энтузиастам лодочного спорта — тем путь через пешеходный мост над нешироким днепровским рукавом на Комсомольский остров.

ТАМ, ГДЕ ГУЛЯЛ БЕЛИНСКИЙ

Знают ли современные днепропетровцы, отдыхающие в парке имени Чкалова, что в нем бывали в свое время многие интересные, выдающиеся люди прошлого и что их мнение о нем вполне сходилось с нашим.

Наверное, заходил сюда, знакомясь с городком, который царское правительство избрало местом ссылки для него, Александр Сергеевич Пушкин. Мог ли он оставить в стороне Верхний сад на окраине города, бывший уже тогда чудесным уголком? Конечно, это мы можем только предполагать. А в отношении плеяды корифеев украинской классической сцены, входивших в труппу Марка Лукича Кропивницкого, тут нет сомнений, потому что дощатый театрик Английского клуба, в котором они выступали в восьмидесятых годах прошлого столетия, находился в центральной части сада. Виссарион Григорьевич Белинский, посетивший Екатеринослав летом 1846 года по дороге в Крым вместе с близким другом Михаилом Щепкиным, выразил в подробном письме домой свое восхищение роскошной южной природой Верхнего сада, деревьями и кустарниками, которые он увидел здесь впервые.

Где-то в начале двадцатых годов прошлого века, вскоре после Пушкина, по дорожкам зеленеющего сада в сопровождении гостеприимного хозяина расхаживала группа посетителей, бросавшихся в глаза своими не по сезону темными, наглухо застегнутыми сюртуками и высокими черными цилиндрами — сомнительной защитой от жаркого летнего солнца. То были ученые квакеры из Соединенных Штатов, пересекшие Атлантику, чтобы познакомиться в далекой России с родственным им учением духоборов. Очень понравилось здесь американским гостям. Сиял от удовольствия главный садовод, останавливаясь чуть ли не возле каждой клумбы, чтобы показать заморским любителям флоры цветок с длинным латинским названием или редкое в этих краях дерево, кустарник, выпестованные в результате неусыпного ухода. И он имел на это право. Многим был обязан Верхний сад умению замечательного садовода Гуммеля, заведывавшего им с 1817 по 1848 годы и сделавшего этот сад лучшим на юге России. Когда уходил Гуммель на покой, здесь на площади более 36 десятин насчитывалось 31 тысяча фруктовых и 193 тысячи лесных деревьев, 23 тысячи кустарников, 570 видов цветочных, оранжерейных и около 100 огородных, масличных, лекарственных, красильных растений. Можно вообразить букет ароматов, пиршество красок, буйствовавших на зеленых просторах сада. Внесли свою лепту и квакеры, о которых говорилось выше. Прощаясь с Гуммелем, они пообещали прислать ему саженцы американских пород. Не очень поверил садовод этим обещаниям. Но вот год спустя парусник, пришвартованный в Одесском порту, привез необычный груз для Екатеринослава. Нелегко было доставить его на место медлительным обозом. Это были обещанные саженцы

из Америки. Гости издалека прижились вначале на украинской земле, но впоследствии, лишенные ухода, в большинстве погибли.



Рисунок 12 Парк имени В. П. Чкалова,

И этот сад создал в конце позапрошлого века трудолюбивый старик с пышными белыми висячими усами — Лазарь Глоба, который умер 104 лет отроду, оставив нам доброе зеленое наследство. Похоронили его побратимы здесь, во втором его саду. Мало кто знает теперь почти неприметную могилу запорожского воина и садовода у подножия холма, где стояло когда-то скромное каменное надгробие. Верится, оно будет восстановлено.

Долгое время нынешний парк имени Чкалова состоял из двух самостоятельных частей: открытого для публики Городского сада и Технического с опытными плантациями технических культур и школой садоводства при нем. Именно в этой западной части сада, где около восьмидесяти лет назад воды близлежащего степного озера, спущенные в низину, образовали большой продолговатый пруд, летом и осенью 1910 года проходила областная Южнорусская промышленная, сельскохозяйственная и кустарная выставка. На аллеях не протолкнешься, как и в многочисленных павильонах, у стендов, ларьков, киоска, где продавали выходившую тут же на выставке газету. Вечерами вспыхивали щедрые огни фейерверка. Весь Екатеринослав побывал за эти сто дней в Техническом саду на параде того, что хвастливо выставили напоказ промышленные фирмы и крупные помещичьи экономии. Да только ли Екатеринослав? Тысячи любопытных приезжали сюда из Полтавы и Харькова, Николаева и Херсона — как на ярмарку: людей поглядеть и себя показать. И сейчас еще услышишь от

старожила слово «выставка» применительно к району, где ныне уютные аллеи у озера и кинотеатр имени Чкалова.

Теперь этот район — зона юности. Слышите звонкий свисток? Сейчас промчит через переезд нарядный состав Малой Приднепровской дороги, юной по обслуживающему своему персоналу, но уже зрелой по возрасту — основана она более трех десятилетий назад. Неподалеку красивый, в своем роде первый на Украине молодежный зал «Днепровские зори» — место интересных встреч, содержательного отдыха, острых поединков веселых и находчивых.

А в другой стороне парка, ближе к центральному входу, — напоминание о грозных годах Великой Отечественной. Тогда украсила Родина двумя Золотыми Звездами грудь нашего героя-земляка, легендарного «генерала Орленко», Алексея Федоровича Федорова, чей бронзовый бюст глядит на вас с пьестала. Тут и каменная стела с текстом Приказа Верховного

Главнокомандующего об освобождении от фашистских захватчиков Днепропетровска и Днепродзержинска доблестными войсками Второго и Третьего Украинских фронтов 25 октября 1943 года.

ТЕПЕРЬ ЭТО ЦАРСТВО ДЕТВОРЫ

Кто из днепропетровцев не бывал в небольшом уютном парке, чьи границы с востока — улица Серова, а с севера и запада — крутой изгиб улицы Плеханова. Этот «специализированный» детский парк носит имя старого коммуниста, участника боев за победу Великого Октября А.К. Войцеховича, бюст которого установлен у входа. В погожие летние дни тут весело и шумно: детвора катается на качелях, формирует песочные «печенья», с визгом скользит по полированным скатам «горок»... Молодые мамы и степенные бабушки в очках катят по прохладным аллеям коляски с маленькими советскими гражданами, для которых все ребячьи радости впереди. Пусть сила воображения поможет нам увидеть это место таким, каким было оно полтора столетия назад...

Тут окончательно обрывается негустая россыпь домишек западной окраины маленького городка Екатеринослава, отделенных друг от друга пустырями, плетнями, садами-левадами. Дальше — целинная степь, и только вдали белеют корпуса суконной мануфактуры.

А ближе к Днепру — приземистые, угрюмые казематы — царский острог. Зданий — четыре. Одно из них, главное, было примерно в северо-восточном углу нынешнего детского парка. Глубоко утоплены в толщу стен подслеповатые оконца. Страшно, мучительно сидеть годами в сырых и мрачных, как кладбищенские склепы, камерах...

Томились тут в разное время сотни «бунтарей» — участников крестьянского восстания в Турбях, волнений на Дону в начале двадцатых годов прошлого века. Был заключен здесь и знаменитый Устим Кармалюк...



Рисунок 13 Детский парк имени А.К. Войцеховича.

Вероятно, подходил к острогу в дни прогулок по городку ссыльный Александр Пушкин, отчужденно разглядывая этот каменный нарост, уродовавший чудесный пейзаж Днепра. Видел вереницы колодников, еле тащившихся под конвоем за дневным подаванием. Слышал, что из острога бежали двое, сбили кандалы, переплыли на лесистый безлюдный левый берег... Тогда, мы знаем это ныне, родилась тема «Братьев разбойников».

Впоследствии «иждивением» местных властей были построены южнее, в верхней части окраинной Садовой улицы похожие на крепость арестантские роты, чуть дальше на запад — новый тюремный замок, а опустевшие корпуса старого острога еще долго маячили невдалеке от Днепра, пока не пустили их на слом. Тогда сменила свое имя на Качельную и пыльная Острожная площадь. Облюбовали ее для нехитрых развлечений те, кого местная знать высокомерно называла «простонародьем»: взлетали к небу на досках качелей (отсюда и название площади), грызли семечки подсолнуха и орехи, попивали квас у бродячих разносчиков...

Шло время. Новый городской район, ширясь со стороны Фабрики на восток, почти сомкнулся со старыми кварталами. В восьмидесятых годах бывшую Качельную площадь по решению городской управы засадили тополями, кленами, акацией и стала она Яковлевским сквером, окрещенным так в честь тогдашнего городского головы.

На том и кончается «древняя» история нынешнего детского парка. Есть и новая, связанная с первой русской революцией. Летом 1905 года местные большевики избрали Яковлевский сквер и несколько бульваров

Екатерининского проспекта под свою партийную биржу. Тут назначали места для деловых встреч, отсюда направляли на заводы и фабрики партийных агитаторов, распределяли литературу. И полиция в то бурное лето ничего не могла поделывать с этой почти открытой «крамолой». А когда однажды по ее наущению вынырнули из окрестных подворотен «рыцари» черной сотни, пытаясь спровоцировать побоище и погром, отряды рабочих дружинников нанесли им сокрушительный удар.

В советские довоенные годы долго называли этот сквер именем Восьмого марта. В грозном июле 1941 года на дорожках и площадках сквера учились владеть оружием отряды народного ополчения, готовясь идти в бой против коричневой чумы.

От царского острога к царству наших ребятишек, тех, кому строить светлый мир коммунистического будущего,— вот знаменательная история этого уютного городского уголка.

СОБОР НА ПЛОЩАДИ

Он высится в северной части Октябрьской площади, на продольной ее оси, и рука большого мастера чувствуется во всем его облике, несмотря на невзгоды, выпавшие на долю этого красивого здания за сто тридцать четыре года его существования.

История Преображенского собора неотделима от истории возникновения Екатеринослава. Его закладка в мае 1787 года рукою «самодержицы всероссийской» была символическим актом основания города ее имени, третьей, полуденной столицы империи. Все должно было поражать приезжего в облике «Южной Пальмиры», какой возникла она на крыльях необузданной фантазии Потемкина: судилище наподобие древних базилик; полукружие, наподобие Пропилеи или преддверия Афинского, с биржей и театром посредине, палаты государские во вкусе греческих и римских зданий, имеющие посредине великолепную и просторную сень; университет купно с Академией музыкальной... Эти и другие сооружения на вершине и склонах горы и должны были образовать внушительный ансамбль вокруг поистине колоссального собора. По замыслу Потемкина, он должен был превзойти все церковные здания мира по объему и высоте, затмить основного «соперника» — знаменитый собор святого Петра в Риме. «Кинь аршинчик выше» — дал временщик наказ привезенному из столицы заграничному зодчему Клоду Геруа. И француз охотно «кинул». Не жалко. Выше — так выше. Пергамент все стерпит...

Жаль, давно уже обветшала и разобрана ограда собора. Прежде, когда огромная площадь, поросшая невысокой травой, и собор с оградой издали открывались взору, можно было, дав волю воображению, представить себе очертания планировавшегося исполина, потому что ограда эта была построена позже на прямоугольнике его фундамента. По площади он должен был быть вшестеро больше нынешнего, начавшегося строиться в 1828 году. Помножьте на шесть его длину, ширину, высоту, прикиньте на глаз. Нужна ли была такая махина, как и вся пышная третья столица, в пустынном,

нищем, придавленном крепостничеством крае? Обошелся фундамент недешево — в 71 тысячу рублей, по екатеринским временам — в огромную сумму. Но не только деньгами измеряется бессмысленность усилий, затраченных на огромное кирпичное основание. Оно стоило жизни сотням безвестных солдат российской армии, пригнанных по воле Потемкина на строительство нового города. В зной и зимнюю стужу, изнемогая от тяжелой ноши, тащили они доставленный баржами из Киева кирпич на крутую гору, гибли от болезней, от недоедания. Хоронили их тут же, на горе, примерно там, где сейчас корпуса Горного института.

И в своем «уменьшенном варианте» новый собор, достроенный в 1835 году, не был вначале богат прихожанами. Трудно было екатеринославцу взобраться на пустынную гору, одолев «провалье» — крутой и глубокий овраг, отделявший ее от населенной низины. Куда ближе и привычнее деревянная Успенская церковь на днепровском берегу, построенная еще в запорожские времена.

Обойдите собор, полюбуйтесь его строгой классической архитектурой, представьте его себе таким, каким он был в первоначальном облике и каким снова будет после капитального обновления. Центральный и два боковых шестиколонных портики, огромный полукруглый купол и стройную колокольню с высоким, острым, нацеленным в небо шпилем.



Рисунок 14 Преображенский собор.

Этот шпиль недаром напоминал старожилам города знаменитую адмиралтейскую иглу, венчавшую одно из красивейших зданий Петербурга. У Адмиралтейства и здешнего собора один отец, знаменитый российский

зодчий Андреян Захаров (1761—1811). Лишь через четверть века после смерти прославленного архитектора его чертежи были воплощены в камне и металле на далеком отечественном юге.

Не к покорности божеству, а к неукротимости духа, радости подлинного творчества зовет облик этого старого здания, как бы венчавшего днепровский город в далекую пору его молодости.

ИНЗОВА КАНЦЕЛЯРИЯ

Пожалуй, не сыщешь здания внешне зауряднее, чем этот двухэтажный дом № 66 по проспекту Карла Маркса. Кто строил его? И узнавать не хочется. Но примерное время постройки определить нетрудно — начало девятнадцатого века. При Александре I и Николае I в таких домах размещались присутственные места: различные приказы, казенные палаты, канцелярии, акцизные и прочие ведомства и внешний облик их соответствовал содержанию, живописно изображенному в гоголевских «Мертвых душах» и «Ревизоре».

В этом доме вскоре после Отечественной войны 1812 года расположилось попечительство по делам колонистов Юга России. Скрипели гусиными перьями писцы, восседали столоначальники, шелестела бумагами чиновничья братия классом пониже. Канцелярией заведовал Андрей Михайлович Фадеев, автор любопытных мемуаров и отец известной екатеринославской писательницы Елены Ган, а возглавлял попечительство генерал Иван Никитич Инзов.

Но вряд ли это прошлое двухэтажного здания может объяснить наличие двух мемориальных досок на его фасаде.

У домов, как и у людей, бывают особо знаменательные дни и встречи, которые как бы озаряют всю дальнейшую их судьбу, оставляют неизгладимый след.

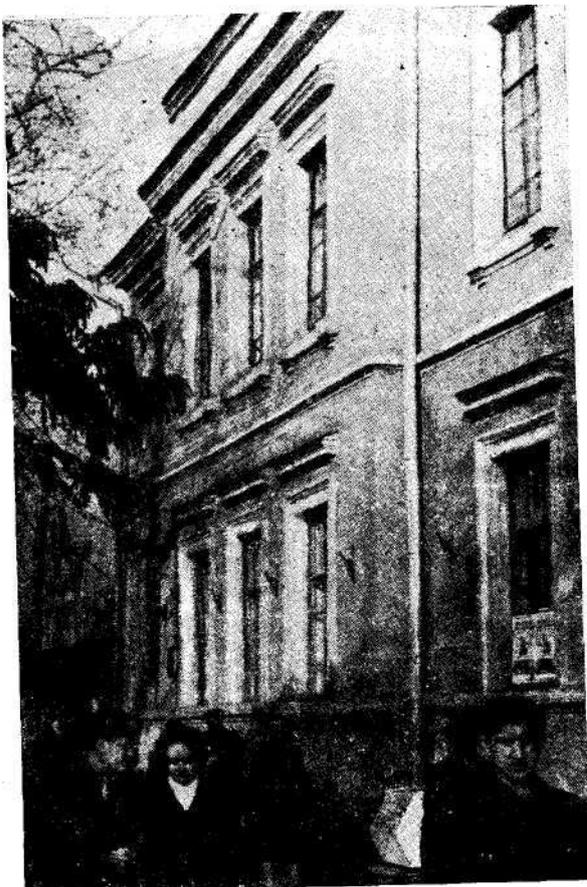


Рисунок 15 Дом бывшей канцелярии Инзова.

Таким для дома № 66 был ясный солнечный день в середине мая 1820 года. По лестнице канцелярии с юношеской резвостью взбежал, направляясь на прием к его превосходительству, приезжий чиновник из Петербурга, присланный, а вернее — сосланный в Екатеринослав для «дальнейшего прохождения службы». Имя его было — Александр Пушкин. Судя по дошедшим до нас сведениям о пребывании Пушкина в Екатеринославе, Александр Сергеевич всего раз, может быть, два посетил канцелярию, в которой волею самодержца было определено ему нести государственную службу. Добрый «Инзушка», как с дружелюбной фамильярностью окрестил за глаза своего начальника молодой поэт, освободил нового своего подчиненного от служебных тягот и предоставил возможность вволю знакомиться с новым местожительством. А когда Пушкин простудился после купания в Днепре, отпустил две недели спустя на поправку вместе с проехавшим через Екатеринослав семейством Раевских.

Всего полмесяца прожил в Екатеринославе человек, чей поэтический гений уже тогда покорила читающую Россию. Но кратковременное его пребывание в степном городке прочно запечатлелось в народной памяти. Сам Пушкин увековечил его известной своей поэмой «Братья разбойники», написанной на основе события, происшедшего в Екатеринославе в те майские дни.

От поколения к поколению горожан переходили рассказы о местах, где будто бы останавливался поэт в бытность свою в Екатеринославе: постоянный двор купца Тихова на нынешней Госпитальной улице, дом Краконини в

прибрежной Мандриковке... Давно уже стерло их с лица земли беспощадное время. К Инзовой канцелярии оно отнеслось благосклонно.

Мимолетным видением вошел двадцатилетний Пушкин в летопись старого дома на проспекте. Но разве недостаточно даже этого, чтобы причислить здание бывшей канцелярии Инзова к каменным реликвиям города? Разве не так же чтут места, где ступала нога автора «Онегина» и «Руслана», в лазурном Гурзуфе, в Одессе или Кишиневе?

Прошло с тех пор почти полтора столетия. «Дом Инзова», в котором сейчас разместилось техническое училище № 5, почти не изменился внешне, но бывшая тихая окраина степного городка Екатеринослава, на которой он стоял когда-то, стала кварталом шумного главного проспекта советского Днепропетровска. И если есть у вас толика воображения, представьте себе юношу в дорожной пелерине александровских времен, с любопытством заглядывающего в щелочку учебного класса, где склонились над тетрадями новые хозяева этого дома, те, кому строить пока еще невиданные, к небу взметнувшиеся здания Днепропетровска двадцать первого века. Не к ним ли обращено пушкинское:

«Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

СТРАНИЦЫ, ПИСАННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ



40

Номер тринадцатый

43

Тут жил товарищ Григорий

45

Кружок молодых свободлюбцев

47	В этом доме училась «Тетка»
49	Под каланчой
52	Печатня Яковлева
54	Молодежная баррикада
57	Рубеж Красной Чечелевки
59	Камень-трибуна
61	Брянская школа
63	Дом трех эпох
65	Почта
68	«Астория»
70	На этом месте...
74	Аверинские места
76	Улица Гопнер, два
79	На бывшей южной окраине

НОМЕР ТРИНАДЦАТЫЙ

В старину говорили: тринадцатый номер — несчастливое число. А питерец не побоялся его. Может быть, усмехнулся про себя, пошутил по этому поводу, договариваясь о цене комнатушки с квартирохозяином — акцизным чиновником Рыбасем, снимавшим флигелек у домовладельца Гажуры.

За первые недели пребывания в незнакомом городе приезжий сменил уже две квартиры по причине совершенно невыносимых условий жизни в них. По воспоминаниям Григория Ивановича Петровского, приезжий питерец проживал сначала в Павловской слободке, потом на улице Керосинной у вечно пьяного сапожника, который «после похмелья и на похмелье любил бегать в церковь причащаться и вином запивать причастие из-за отсутствия денег на водку».

Улица, называли ее тогда Второй Чечелевкой, понравилась приезжему: тихая улица рабочей слободки, белые хатки, так не похожие на мрачные бревенчатые избы в его родном селе на севере. Когда он вобрался сюда

весной 1897 года, несколько недель спустя после приезда в Екатеринослав, уже зеленело вокруг, розоватой дымкой будто светились яблоньки во дворе. И он как-то сразу полюбил Украину, место своего изгнания.

Здесь, в дворовом флигельке, без малого два года жил Иван Васильевич Бабушкин, ученик Ленина, человек, которого после безвременной его смерти от пули царских палачей Владимир Ильич назвал народным героем. Уважение вызывает этот маленький, вросший в землю домишко, от которого пролегла одна из первых в Екатеринославе тропинок революции.

Сюда под покровом ночи сходились проверенные, надежные люди — члены созданного Бабушкиным брянского рабочего кружка. Они шли сюда за правдой и получали ее сполна.

Автору этих строк довелось услышать из уст одного из участников первого бабушкинского брянского кружка — Ивана Ефимовича Лаврёнова рассказ о том, что происходило во флигельке.



Рисунок 16 Дом, где жил И. В. Бабушкин.

...Павлуша Мазанов, закадычный друг, младший брат сосланного два года тому назад в Сибирь брянского рабочего-революционера, предложил ему однажды (было это в конце 1897 года):

— Хочешь познакомиться с одним питерским рабочим?

— Конечно, хочу!— согласился Ваня Лаврёнов. Было ему тогда всего шестнадцать лет, но работал он уже самостоятельно, токарем на небольшом станочке в механической мастерской.

Сговорились вечером к восьми часам зайти за Григорием Петровским. Втроем отправились на Вторую Чечелевку, в дом номер тринадцать. И вот они в комнате питерца «Николая Николаевича». О том, что для конспирации нужно называть хозяина только так, предупредил Григорий. Он был старшим, девятнадцать ему уже исполнилось. Настоящее имя Бабушкина члены его кружка, конечно, знали.

Поразила Ваню идеальная чистота, опрятность небольшой комнатки. Ничего лишнего: стол, кровать, несколько стульев, книги на полке и несколько на столе. Внимание привлек висевший на стене портрет старика с пышной седой бородой. Потом узнал, что это Карл Маркс.

«Первый вечер прошел у нас в дружеской беседе, — вспоминал об этом дне Иван Ефимович. — Мы познакомили Ивана Васильевича, что уже читали и где получили направление наших мозгов, а также посоветовались все вместе — кого еще с завода можно привести в наш кружок. Познакомили его, как отнеслись рабочие к первым прокламациям, с настроением рабочих вообще... Иван Васильевич рассказал и нам кое-что из жизни питерских рабочих, о забастовке на ткацких фабриках... Спокойный характер, тихий голос с кроткой приветливой улыбкой как-то особенно глубоко трогал слушателей и привлекал к Ивану Васильевичу, и не хотелось уходить из его комнатки».

Длительное время флигелек на Второй Чечелевке был одним из штабов революционного движения, крепнувшего в те годы в среде екатеринославских пролетариев. Мы знаем, как велика была в этом заслуга Ивана Васильевича, с какой неизбежной энергией нес он людям идейное богатство, полученное в Питере от Владимира Ильича.

Все ту же стягивалась вокруг Бабушкина петля полицейской слежки. Опытный конспиратор, Иван Васильевич понял, что нужно менять местожительство, и в начале 1899 года подыскал новую квартиру, невдалеке от прежней, — снова на Керосинной, но в другом, принадлежавшем некоему Евтифееву доме. Тому, кто побывает в этом, также сохранившемся до наших дней одноэтажном (с полуподвалом) домике № 33-а по ул. Леваневского, легко будет понять, почему Иван Васильевич остановил свой выбор именно на нем. Крутая, заросшая густым кустарником, мало застроенная тогда Аптекарская балка граничила с двором домовладения и давала Бабушкину возможность в ночную пору уходить и возвращаться домой незаметно для «гороховых пальто», денно и ночью рыскавших на улице возле дома. Об этом Бабушкин рассказал и сам — в воспоминаниях екатеринославского периода.

Семь десятилетий прошло с тех пор. Несколько поколений жильцов сменилось за это время в доме № 13 по улице Бабушкина — так называется теперь бывшая Вторая Чечелевка. Увековечен славный революционный подвиг Ивана Васильевича в Екатеринославе: в имени завода — бывшего мостового цеха Брянки, в механической мастерской которого он работал; в мемориальном музее Бабушкина, открытом в памятном флигельке на бывшей Второй Чечелевке к пятидесятилетию Великого Октября.

ТУТ ЖИЛ ТОВАРИЩ ГРИГОРИЙ

В домике № 29 по улице Жовтенят в Кайдаках открыт к полувековому юбилею Советской власти мемориальный музей Г.И. Петровского.

Этот домик, построенный специально для музея заводом, носящим имя Григория Ивановича, находится на том месте, где еще недавно стояла старая скособоченная хатенка под номером 35 (по старой нумерации домов), рассыпавшаяся в прах, когда попытались ее реставрировать. Дома, как и люди, не вечны, тем более такая ветхая мазанка... И все-таки жаль! Тут жил в 1904—1906 годах прекрасный ленинец, память о котором дорога каждому днепропетровцу не только потому, что имя его вот уже более сорока лет носит родной город и без малого полвека — бывший Брянский завод. Революционная биография Днепропетровска, традиции, которыми он законно гордится, неотделимы от этого человека.

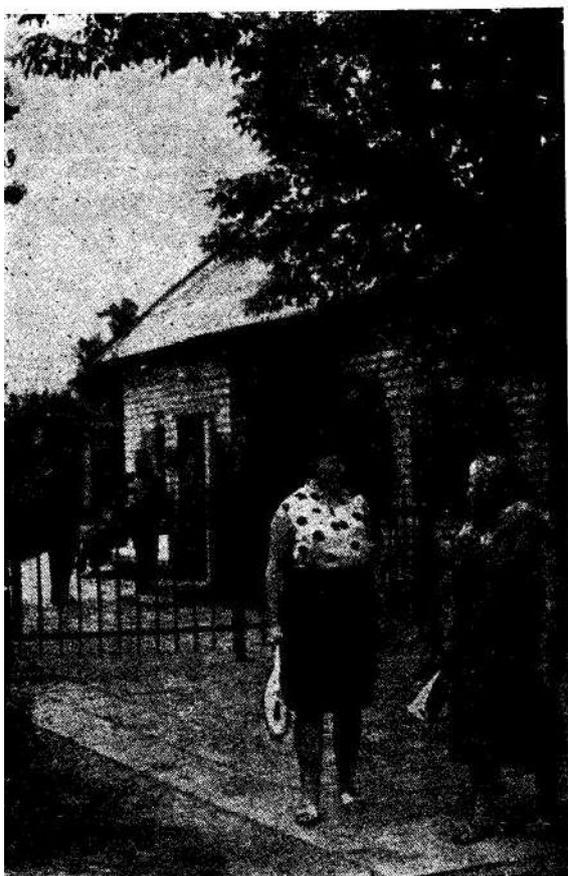


Рисунок 17 Дом-музей Г.И. Петровского.

Вот завязка, запов этой биографии, рассказанной самим Петровским: о далекой своей молодости, первом знакомстве с Бабушкиным.

«Бабушкин дал мне прочитать книжку Джованьоли «Спартак» о восстании рабов во главе со Спартаком в древнем Риме. При этом сказал:

— Прочитайте эту книжку. Если понравится — дам еще.

Книжку о Спартаке я спрятал за пояс под блузу и понес к себе на квартиру в Кайдаки. Я прочитал ее вместе со своим другом Павлом Мазановым...» Тут, при мерцающем свете каганца (в то время в большинстве домишек рабочих окраин Екатеринослава не только электричества — керосиновой лампы не было) юноши-брянцы упивались мужеством римского

гладиатора, бесстрашием Овода, стойкостью французских углекопов из романа Золя... Книга воспитывала, раскрывала истину, звала на бой.

По-разному сложились судьбы двух близких друзей и соратников: Бабушкина и Петровского. Первый погиб тридцатитрехлетним, в расцвете сил, от пули царских карателей Ренненкампа. Второй прожил долгую, восьмидесятилетнюю жизнь. Как полна она революционными и, после Великого Октября, государственными свершениями, эта жизнь большевика! И можно утверждать, что самые яркие страницы биографии Григория Ивановича связаны с пролетарским Екатеринославом.

Они почти не запечатлелись, к сожалению, в каменной книге города. Жил Григорий Иванович в дореволюционных рабочих поселках — на Чечелевке, Шляховке, Фабрике, в Кайдаках, в ветхих непрочных халупах, глинобитных домишках, чей век был так же короток, как и жизнь большинства их обитателей.

«Прятал я нелегальную литературу, принесенную мне Бабушкиным и Дамским, в корзинке на своей квартире, в доме брата моего Петра Петровского, на 4-й Чечелевке, второй от края улицы с правой стороны, если идти с Брянского завода» — писал Григорий Иванович автору этой книжки в ответ на его запрос. И того домика, построенного на скорую руку из бросовых материалов еще в начале девяностых годов, давно уже не существует. Нет на Шляховке (ныне поселок имени Шевченко) скромной хатки, которая долгое время служила пристанищем Григорию Ивановичу в начале нашего века.

Но можно и сейчас видеть дом № 53 по улице Бибикова в Кайдаках, где в годы подготовки и проведения первой русской революции находилась одна из конспиративных квартир Г.И. Петровского и собирался несколько раз Екатеринославский комитет большинства РСДРП. Вообще, Кайдаки, старое, запорожских времен пригородное село, после постройки Брянского завода превратившееся в рабочее предместье города, с его тихими улочками, куда редко заглядывало око «властей предержавных», особенно тесно связаны с екатеринославским периодом жизни Григория Ивановича. Здесь, в доме старого друга и родственника А. Серикова по Третьей Кайдакской под номером 51-м, поселился Петровский после приезда из Питера летом 1917 года.

Каждый камень знал Петровский в Кайдаках, желанным гостем был он в десятках кайдакских домишек.

«Здесь, у моего деда, сам Григорий Иванович Петровский бывал,, сочинял большевистские листовки!» — с гордостью говорил друзьям о старинной неказистой своей хате кайдачанин Володя Мороз, один из участников комсомольско-молодежной подпольной группы «ОДН» («Организация друзей народа») в годы немецко-фашистской оккупации.

Родным с тех давних пор, когда пришел он сюда подростком к старшему брату Петру пешком из Харькова на заработки, и до последних лет жизни оставался для Петровского рабочий Екатеринослав.

Занимая высокие государственные посты, многолетний глава Украинского Советского государства, Григорий Иванович не раз посещал дорогой его сердцу днепровский город, встречался со старыми друзьями, с волнением заглядывал в уголки, будившие воспоминания далеких лет, — в Кайдаки, бывшую Шляховку, на свой родимый Брянский завод. До конца своих дней остался он простым, сердечным человеком, и окружали его всеобщие любовь и уважение. Особенно — в Днепропетровске. В недалеком будущем здесь воздвигнут монумент Г.И. Петровского, достойный памяти замечательного этого человека.

В имени и сердце своем хранит большой индустриальный город на Днепре память о Всеукраинском старосте, ленинце в самом высоком смысле емкого этого слова.

КРУЖОК МОЛОДЫХ СВОБОДОЛЮБЦЕВ

Во время Великой Отечественной войны от рук фашистских факельщиков пострадал «отсек» длинного двухэтажного здания первой классической гимназии на Октябрьской площади, где находился прежде актовый зал. Долгое время после войны маячила опаленная стена, и небо виднелось в глазницах огромных окон.

А основная часть здания уцелела, теперь тут факультет Днепропетровского медицинского института.

Дому этому больше века от роду. Сохранилось имя его строителя, родного брата Ф. М. Достоевского — Андрея Михайловича, бывшего в шестидесятых годах прошлого столетия местным городским архитектором и оставившего любопытные воспоминания о жизни и быте современного ему Екатеринослава.

Строилось здание для мужской гимназии, в то время единственной в городе. Да и нужно ли было больше маленькому городку с населением меньше двадцати тысяч, только небольшая часть жителей которого могла предоставить своим сыновьям такую роскошь — сесть за гимназическую парту. Лишь намного позднее, в конце века, когда Екатеринослав стал промышленным городом, количество средних учебных заведений заметно возросло и в здании на Соборной площади расположилась гимназия, называвшаяся классической в отличие от реального и коммерческого училищ.

Кто мог предположить, что в его стенах, в устоявшейся затхлой атмосфере гимназической жизни проклюнутся ростки революции? И что руководителем, идейным главой мятежного гимназического кружка окажется примерный в науках и поведении, преуспевающий ученик Гавриил Лейтейзен? Забегая вперед, следует сказать: этот кружок был настолько хорошо законспирирован, что о нем до самого конца его трехлетнего существования (1890—1893) так и не узнали тамошнее начальство и полиция. Члены кружка изучали брошюры группы «Освобождение труда», привезенные из Швейцарии студентом Бернского университета Тейтельбаумом, познакомились с «Капиталом». Многим помог кружку

Лейтейзена выпускник той же классической гимназии студент Московского университета Александр Винокуров, близко связанный с молодым Владимиром Ульяновым и стоявший вместе со своей женой, также екатеринославкой П.И. Винокуровой у руководства московским социал-демократическим «Рабочим союзом».

С уважением глядишь на старое гимназическое здание в западной стороне Октябрьской площади, в стенах которого более трех четвертей века назад зародился первый в Екатеринославе марксистский кружок. Говорим, — первый потому, что созданный тремя годами ранее кружок передовой гимназической молодежи, душой которого были сестры Заславские, не сразу освободился от народнических влияний и был разнородным по кругу идейных убеждений его участников.



Рисунок 18 Здание бывшей Екатеринославской мужской гимназии.

Хочется представить себе гимназиста-старшеклассника Лейтейзена, который столько раз входил сюда со связкой книг и тетрадей; вместе с ними он смело проносил нелегальную литературу для очередного занятия кружка. Какие трудности, ухищрения требовались от Гавриила и его товарищей, чтобы уберечься от недреманного ока гимназического начальства.

Гавриил Лейтейзен стал профессиональным революционером с партийной кличкой «Линдов», организатором первого социал-демократического кружка брянских рабочих, которым он руководил вместе с Винокуровым и Мандельштамом. После августовских арестов 1895 года он выехал за границу, где вошел в гвардию верных соратников Ленина, был делегатом Лондонского съезда партии. Многие письма Ильича к этому человеку говорят о близости Ленина и полном его доверии к Лейтейзену.

Выпускник Екатеринославской классической гимназии дожил до Великого Октября, был участником гражданской войны. В начале 1919 года комиссар 4-й Армии Линдов пал в бою с белочехами на Урале.

Теперь еще несколько слов об Александре Николаевиче Винокурове и его жене Пелагее Ивановне. С молодости, прошедшей в Екатеринославе, прониклись они революционными убеждениями, а в годы учебы в Москве твердо примкнули к социал-демократическому движению. Известное нелегальное совещание московских социал-демократов, проведенное в начале января 1894 года приехавшим во вторую столицу В. И. Лениным, состоялось на квартире Винокурова.

После победы Великого Октября А. Н. Винокуров занимал ряд ответственных государственных постов, в том числе народного комиссара социального обеспечения, председателя Верховного суда СССР.

В ЭТОМ ДОМЕ УЧИЛАСЬ «ТЕТКА»

Перед нами старая гравюра — вид маленького городка Екатеринослава где-то на рубеже тридцатых-сороковых годов прошлого века со стороны южной окраины. Слева от недостроенной, еще без колокольни, Троицкой церкви, чуть впереди ее, — двухэтажный дом, хорошо заметный среди россыпи окрестных хатенок. Он дожил до нашего времени. Это восточное, самое старое по времени постройки крыло здания школы № 33, выходящего теперь на Красную площадь и Красную улицу. Более ста лет назад в этом доме с накладным растительным орнаментом и двумя лирами на фронте помещался женский пансион, принадлежавший чете местных педагогов — гимназическому учителю словесности и немецкого языка Андрею Степановичу Понятовскому и его жене Марии Дмитриевне. После их смерти по завещанию Андрея Степановича дом № 115 в третьей городской части был передан местному дворянству для основания в нем казенного женского училища.

Не сразу выполнили душеприказчики предсмертную волю бывшего владельца, и лишь 30 августа 1864 года открыла свои двери для дочерей зажиточных родителей Екатеринославская Мариинская женская гимназия.

Начальницей гимназии была Александра Акимовна Рындовская, опытный педагог, женщина с широким культурным горизонтом и прогрессивными взглядами. В ее казенной квартире рядом с гимназией (этот дом не сохранился) собирались на огонек сослуживцы и преподаватели других учебных заведений, разделявшие эстетические и общественные взгляды хозяйки дома. Из рук в руки переходили «Современник», «Отечественные записки», заграничные журналы, разгорались интересные споры. Иногда на таких вечерах скромно жались в уголке допущенные в общество взрослых одна-две «мариинки» - старшеклассницы и в их числе дочь Рындовской от первого брака Саша. И взгляд этой некрасивой, узколицей девушки-подростка перебегал с одного на другого участника споров в поисках ответа на многие, горячо волновавшие ее вопросы.

В актовом зале на втором этаже в годовщину основания Мариинской гимназии в торжественной обстановке выпускницам вручались аттестаты. 30 августа 1868 года такой аттестат получила и Саша — девица Александра Чернова. Длинный перечень предметов, включенных в гимназический курс, сопровождался в реестре ее аттестата одним неоднократно повторенным словом «отлично, отлично, отлично...»

Перед Александрой Черновой, дочерью гвардейского офицера, богатого землевладельца, и всеми уважаемой деятельницы на ниве просвещения, была открыта широкая дорога в жизнь,— спокойную, благополучную, обеспеченную. Харьков, увлечение журналистикой, брак, который по тем временам называли «блестящим»,— она стала сенаторшей Калмыковой. Но все это — лишь внешнее. Совсем иную судьбу, другую дорогу выбрала она уверенно, убежденно — дорогу служения людям труда.

Очень трудно уложить в рамки небольшой зарисовки эту яркую, богатую событиями и встречами судьбу. И потому ограничимся основными ее этапами. Еще до ухода из дома мужа, получившего высокую должность в Петербурге, Александра Калмыкова приобщилась к занятиям в воскресной рабочей школе, в которой преподавала и молодая Крупская, несла свет знаний заводскому люду. Среди ее учеников был Иван Васильевич Бабушкин. Александра Михайловна заметила его, охотно беседовала с этим умным, развитым мастеровым. Могла ли она представить себе тогда будущую роль полюбившегося ей слушателя в родном Екатеринославе?

Яркой страницей вошел в историю революционного движения в России книжный склад, основанный А.М. Калмыковой в Питере на Литейном проспекте. Львиная доля доходов от него шла на нужды руководимого Владимиром Ильичом дела грядущей революции. На квартире Калмыковой при складе, отлично приспособленном к условиям конспирации, собирались члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», не раз бывали Ленин и Крупская. Целые сутки нелегально пробыл Ильич на квартире Калмыковой по дороге за рубеж после трехлетней сибирской ссылки. О многом было переговорено там с верными соратниками, намечены пути будущей «Искры». Н.К. Крупская с благодарностью вспоминала о том, что без поддержки Калмыковой трудно было бы создать «Искру», на которую Александра Михайловна давала нужные средства. Ленин, по свидетельству Крупской, относился к Калмыковой с чрезвычайным доверием, советовался с ней по целому ряду вопросов. «Тетка» — такова была конспиративная кличка Александры Михайловны, стала одним из самых приближенных, доверенных его людей.

Охранка не обошла «Тетку» своим вниманием. За мятежной «сенаторшей» велась неусыпная слежка. В 1901 году склад был закрыт по указанию властей, издательская деятельность Калмыковой запрещена. Не сломленная репрессиями, полная энергии, дальнейших планов, Калмыкова выехала за рубеж, где стала позднее агентом «Искры». По пути она по особому разрешению департамента полиции завернула к матери в Екатеринослав. Снова — места детства и юности, такое знакомое и милое

сердцу здание Мариинской гимназии, из стен которого она вышла в жизнь треть века тому назад. Но свидание с родным городом было омрачено филерской слежкой, которую она, опытный конспиратор, не могла не заметить.

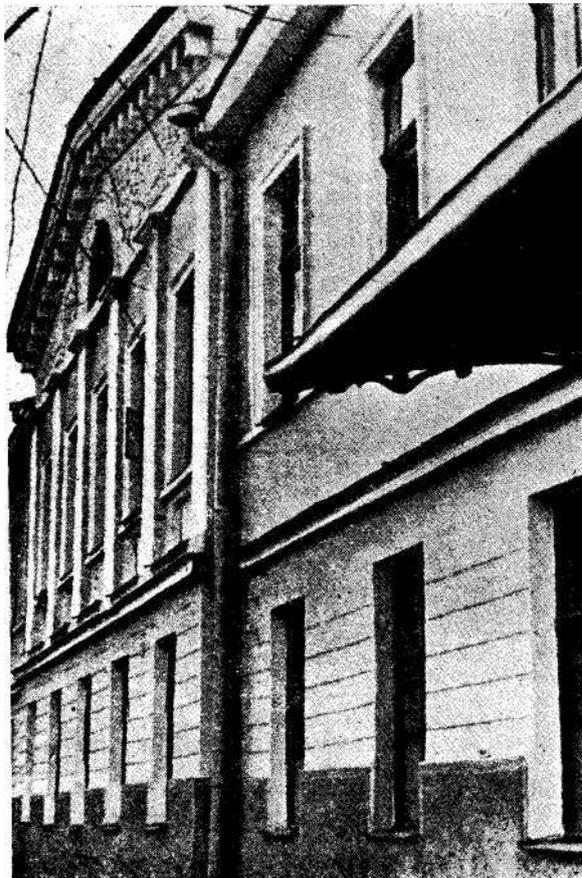


Рисунок 19 Школа № 33

Немало хлопот доставила Александра Михайловна в эти несколько дней екатеринославской охранке, извещенной своими столичными коллегами о приезде столь опасной особы...

Александра Михайловна увидела торжество идей, за которое неутомимо боролась, горячо поддерживала первые шаги Советской власти на издательском фронте. Умерла она весной 1926 года.

Пусть помнят о том, какой замечательный человек учился в Екатеринославе, не только учащиеся 33-й школы — нынешние хозяева старого здания бывшей Мариинской гимназии, но и вся местная молодежь. А какой интересный уголок памяти Калмыковой можно устроить, выставив фотокопии ее богатейшей переписки с Львом Толстым, Владимиром Короленко, Вересаевым, Рубакиным и другими известными российскими литераторами, которые высоко ценили Александру Михайловну и общались с ней. Она была не только революционером ленинской школы, но и одним из самых образованных людей своей бурной эпохи.

ПОД КАЛАНЧОЙ

Проходя по Комсомольской улице, обращали ли вы внимание на дом с каланчой, что на углу улицы Савченко и Комсомольской? Бросается в глаза безвкусица этого казенного сооружения, завершено, как гласит дата на

фасаде, в 1891 году. Неуклюжая массивная каланча, диспропорциональная приземистому двухэтажному зданию, давит на него всей своей тяжестью, втискивает в землю. Видно, очень уж бездарный архитектор возводил его три четверти века тому назад.

Впрочем, вряд ли новоселов, въехавших в него в конце царствования «императора-миротворца» Александра III, шокировал внешний вид здания. Их интересовало другое: прочность и толщина кирпичной кладки, массивность решеток на маленьких подслеповатых оконцах дворового флигеля, надежность кованых запоров. Потому что главными хозяевами здания стали держиморды екатеринославского полицейского ведомства. Дом на перекрестке (тогда и перекрестка этого не существовало, обе нынешние улицы с востока и юга доходили только до мрачного пустыря — Тюремной площади) был построен для четвертого полицейского участка, как тогда говорили, «части». Она «наводила порядок» в юго-западной части Екатеринослава. С городскими этой части соседствовала находившаяся в этом же здании пожарная команда, для которой и была выстроена каланча. Такому сожителству удивляться не следует. Оно было общепринято в городах Российской империи. Прочтите, например, известные очерки Владимира Гиляровского о старой Москве. И в древней столице гасители огня революционного сосуществовали с пожарных дел мастерами.

Расхаживал на вышке дозорный, высматривая, не подымается ли над невысокими, в большинстве одноэтажными, окрестными кварталами дымок начинающегося пожара. Тогда тревожно звонил набат, выезжали из сараев пожарные линейки.

«И что же? — пожмет плечами читатель, — ну, хозяйничали здесь жандармы, полиция, выстаивали на каланче дежурные пожарники. Стоит ли причислять этого безобразного старца к знаменательным местам Днепропетровска?».

...Было это весной 1902 года. По днепровскому мосту прогрохотал идущий с севера пассажирский состав. Последний вагон, арестантский, с зарешеченными оконцами. На скамейке «государственный преступник», по бокам дебелие жандармы с обнаженными шашками. У вокзала уже ждал приехавший «черный ворон», сразу покотивший к тюрьме.

Так вторично, на этот раз по этапу приехал в Екатеринослав Иван Васильевич Бабушкин, переданный екатеринославским властям Владимирской охранкой по месту «совершенных им государственных преступлений». Вначале держали его в общей камере верхнего этажа одной из массивных башен губернской тюрьмы, где Иван Васильевич встретился со старым другом Шелгуновым, арестованным по делу о революционных волнениях в декабре 1901 года. Потом тюремщики спохватились: такую крупную «птицу», к тому же подследственного, нельзя содержать вместе с его единомышленниками. Решено было перевести Бабушкина во вторую камеру четвертого полицейского участка, находившегося неподалеку от тюрьмы. Это была надежная камера, настоящий каменный мешок, и не зря екатеринославские тюремщики выбрали именно ее для содержания «особо

опасного возмутителя спокойствия», каким был для них Иван Васильевич.



Рисунок 20 «Дом с каланчой».

И все-таки Бабушкин бежал. С ним в камере № 2 сидел студент Горовиц, схваченный полицией за участие в недавней рабочей демонстрации на проспекте и связанный с местными искровцами. Комитет РСДРП, уже восстановленный после летних арестов 1900 года, сумел передать узникам кольцо колбасы, искусно «нашпигованное» стальными пилками. Глухими ночами Бабушкин и Горовиц по очереди пилили прутья решетки в окне и за несколько недель завершили это труднейшее дело. И здесь сказалось присущее Бабушкину высокое искусство профессионального революционера. Выполнить без шума, под носом у тюремного надзирателя тяжелейшую физическую работу, умело убирать опилки, маскировать надпиленные места. Это была блестящая операция, и закончили её в ночь на 29 июля.

Представьте себе эту глухую решающую ночь. Дремлет на каланче пожарник, в коридоре дворового флигеля — мерные шаги часового... Каждую минуту может он прикинуть к глазку в двери второй камеры. И тогда...

Этого «тогда» не должно быть! Быстро и бесшумно расшатана надпиленная решетка — она держалась «на ниточке». Первым в окно пролезает Бабушкин, помогает выбраться во двор студенту. Они взбираются на большой мусорный ящик у стены. Хорошо, что гребень ее не утыкан, как это часто бывает, бутылочными осколками. И густой бурьян у подножия, уже там, на свободе, смягчает головоломный прыжок.

На огромном пустыре, простирившемся между четвертой частью и арестантскими ротами, их уже ждали. Человек от комитета сунул в руки какие-то пиджаки, головные уборы, помог сбросить арестантские робы. Как потом оказалось, Бабушкину достались чиновничий сюртук и фуражка с

кокардой, Горовицу — гимназическая форма. Потом побежали к пролетке, стоявшей неподалеку. Лошади помчали по краю площади, потом вверх по Казачьей.

О подробностях смелого побега Бабушкина рассказал в своих воспоминаниях, опубликованных в 1924 году, В. Бутаков (подпольная кличка «Бушуев») — один из организаторов побега и хозяин конспиративной квартиры, где скрывались несколько дней двое беглецов перед дерзким рывком за рубеж. Иван Васильевич направился из Екатеринослава в Лондон, к Ленину. Но это уже иная тема, выходящая за пределы рассказа о доме с каланчой. Теперь читателю, наверное, понятно, почему на этом малопрезентабельном здании белеет мемориальная доска и высечено на ней светлое имя Бабушкина. Рядом еще одна мраморная доска, напоминающая нам о драматических событиях сентября 1909 года. Тут, во дворе четвертого полицейского участка, стояли виселицы и были казнены на них восемь участников Горловского вооруженного восстания в декабре 1905 года.

Гордо, не моля о пощаде, взошли они на эшафот.

Так в прошлом царского застенка запечатлелось великое мужество борцов, чьи имена не поблекнут от времени.

ПЕЧАТНЯ ЯКОВЛЕВА

На улице Серова наискось от восточного входа в парк имени Чкалова вы увидите длинное двухэтажное здание. Запоминается оно несоответствием архитектурного облика нижнего и верхнего этажей. В нижнем — огромные, расчерченные горизонтальными и вертикальными переплетами окна, какие бывают обычно в цехах предприятий. А верхний этаж — некая смесь средневекового романского и «русско-боярского» стилей, излюбленная отечественными архитекторами восьмидесятых-девяностых годов прошлого столетия: узкие парные оконца в нишах, осененных размашистыми дугами. Вслушиваясь в доносящийся из здания глухой ритмичный гул, сведущий человек скажет: «Типография».

И не ошибется. Это здание около трех четвертей века тому назад построено крупной типографской фирмой «Печатня С.П. Яковлева», имевшей свои отделения в обеих столицах, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Томске, Самаре и других крупных городах страны,

Солидной, одной из лучших в городе была екатеринославская типография Яковлева. Книги, вышедшие из ее цехов, радовали глаз отличной бумагой, прекрасной печатью, высококачественными растровыми и штриховыми клише, тисненными золотом переплетами с круглыми уголками и яркими цветными обрезами... Но знали ли покупатели дорогих, выходивших весьма ограниченными тиражами изданий, в каких условиях набирали, печатали эти книги, какую нищенскую плату получали здешние типографщики?

Зато хорошо известно было это трудовым людям других профессий, которые на своем горбу испытывали ту же непомерную тяжесть капиталистической

эксплуатации, хоть работали не возле наборных касс, а у доменных леток или на листопркатке.

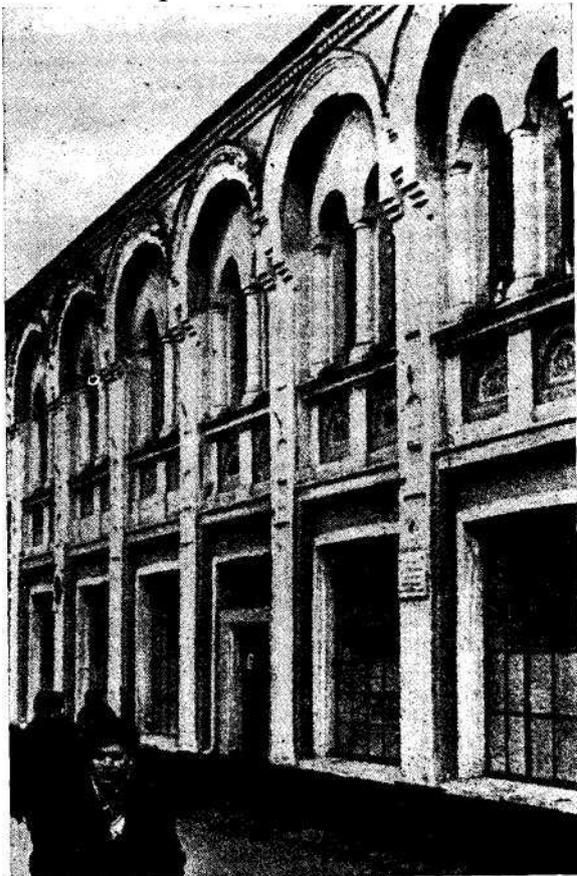


Рисунок 21 Бывшая печатня Яковлева.

Летом 1898 года по цехам печатни Яковлева от наборщика к верстальщику, из рук в руки, словно пропитанные свинцом и типографской краской, переходили небольшие гектографированные листки. «К рабочим печатникам Яковлева и К^о» — так начинались они. А дальше — горькая правда о безрадостной жизни, призыв к борьбе за повышение зарплаток, сокращение смены, за свои рабочие права. Тревожное, будоражившее душу слово «забастовка». Чувствовалось: писали текст люди, хорошо знавшие условия труда в яковлевской «печатне». Вероятно, рассказал им кто-то здешний, свой... И подпись: «Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Таков был стиль Ивана Васильевича Бабушкина и его единомышленников. Их революционная агитация всегда оставалась конкретной, адресной, обращенной не только к многотысячным рабочим отрядам, подобно брянцам или каменчанам-днепровцам, но и к мастерским местным небольшим заводиков — таких, как завод Геллерштейна или слесарная чугунолитейная мастерская Шейна на Казачьей улице, где работало всего лишь два-три десятка человек.

Достиг своего апогея год тысяча девятьсот пятый. В декабре алые знамена запылали над восставшей Чечелевкой, западные предместья города стали пролетарской республикой со своим правительством — Екатеринославским Советом рабочих депутатов, секретарем которого

рабочие избрали Григория Ивановича Петровского. Исполнительным органом Совета был Боевой Стачечный Комитет, распоряжения которого, проникнутые духом суровой дисциплины, уважения к трудящемуся человеку, знанием его нужд, действовали по всей территории Красной Чечелевской республики. «БСК» — так коротко называли комитет — располагал и собственным печатным органом «Бюллетенем БСК», единственным периодическим изданием, выходившим в те дни в Екатеринославе. Его набирали, верстали, печатали яковлевские типографщики. Примерно через день нарочные БСК выносили из печатни на Садовой кипы свежих, только что сошедших с «американки», экземпляров «Бюллетеня», извещавшего своих читателей о революционных событиях в России, о постановлениях Стачечного комитета, обращавшегося к населению с горячим, доходчивым словом. Первый номер «Бюллетеня» вышел одиннадцатого, последний, восьмой — двадцать шестого декабря, за два дня до того, как по чечелевским улочкам снова прошлись полицейские сапожищи «победителей» и начались жестокие репрессии. Было схвачено и брошено за тюремные решетки немало и яковлевских рабочих.

Двадцать тысяч экземпляров бюллетеня — маленьких вестников большой рабочей правды выдали в декабре 1905 года печатники-яковлевцы, и этот трудовой, революционный подвиг запечатлен на мемориальной доске, установленной на здании типографии.

Лучшие традиции типографщиков дооктябрьской эпохи приняло и понесло по эстафете новое, советское поколение полиграфистов бывшей печатни Яковлева, переименованной в первые годы революции в «Третью Советскую типографию». Тут в трудном голодном 1921 году печаталась на шершавой серой бумаге губернская газета «К труду», выходили первые в Екатеринославе книжные издания без ятей и твердых знаков, и в их числе — небольшая книжка с дорогим именем на скромной обложке: «50-летие В.И. Ленина».

Сколько сотен книжных названий, от солидных томов в ледерине до тоненьких брошюрок, напечатала областная книжная типография на улице Серова с тех далеких времен до великого полувека — полувека Советской власти. На многих стоит марка издательства «Промінь», выпустившего и книжку, которую вы держите в руках.

МОЛОДЕЖНАЯ БАРРИКАДА

Этот заголовок может вызвать возражения. Речь пойдет ведь о давнем — о делах девятьсот пятого года. А слово «молодежная» рождено нашим временем. Загляните во второй том словаря Даля: нет там ни «молодежи», ни производных от него.

И все-таки хочется применить здесь это молодое, советское слово, хоть и нарушает оно колорит той бурной, давно отгремевшей эпохи, когда впервые народные массы под руководством большевиков поднялись против самодержавия и молодая Россия стала в первые ряды бойцов революции.

А улица, где произошли события, о которых мы расскажем, расположена в самом старом районе города. Кривым коленом огибает она крутые глинистые склоны горы и раньше упиралась в глухой обрыв Невенчанной балки. Называли эту улицу сначала Подгородней, возможно, потому, что когда-то тут кончался город и начиналась лысая, еще незастроенная гора. Потом переименовали ее в Кудашевскую — расположился здесь со всеми удобствами в просторном городском поместье род ситятельных князей Кудашевых. Жили здесь в роскошном двухэтажном особняке богатые купцы Джигиты — владельцы табачной фабрики и многочисленных торговых заведений.

И именно этой совсем не пролетарской улице довелось стать осенью 1905 года одним из очагов вооруженной борьбы против царских властей.

Вот как все это представляется теперь, спустя более шести десятков лет, когда не осталось ни свидетелей и, тем более, участников, и не сохранились отдельные подробности и имена.

Десятого октября Всероссийская политическая забастовка докатилась до Екатеринослава. Остановились поезда на путях, обезлюдели цеха Брянки и других заводов, закрылись магазины, замерли трамвайные вагоны. Город — словно бочка с порохом. Утром одиннадцатого октября стихийно возникли митинги. Всё, что долгие годы накопело на сердце, рвалось наружу. Исчез страх перед «фараонами».



Рисунок 22 Угол проспекта К. Маркса и улицы Баррикадной.

А те, царские стражи порядка, пытались силой оружия сберечь пошатнувшуюся власть.

Тут, на Кудашевской, собрались больше молодые. Подмастерья и ученики близлежащих мастерских, литейщики с завода Заславского, старшеклассники гимназий и училищ и, конечно, студенты-горняки. Этих, вот уже шестой год — со времени открытия Высшего горного училища, «осинового гнезда крамолы» — держали где надо на примете.

Как возникла баррикада? Это слово переходило из уст в уста. Борьба была неизбежной — это сознавал каждый. Наверное, кто-нибудь из тех, которые первыми ухватились за посеревшие рейки бульварной ограды, вывернули из мостовой тяжелые глыбы булыжника, слышал о парижских коммунарах семьдесят первого года, о жестоких боях на улицах французской столицы в том кровавом героическом мае, хоть всякое упоминание о Коммуне было в царской России под строжайшим запретом.

Сохранился редкий снимок баррикады на Кудашевской. Она как бы выпирала из устья улицы, перегораживая проезд четной стороны проспекта. Построенная наспех, невысокая, неплотная, она представляла собою малонадежную защиту. И всё же солдаты Симферопольского полка, выстроившиеся вдоль трамвайной линии и посылавшие залп за залпом по команде своих офицеров, не в силах были сломить упорство защитников баррикады, у которых не было никакого оружия, кроме камней да двух или трех стареньких револьверов. Но за ними стояла правда, и она удесятирала силы.

Два часа длился неравный бой. Два часа самим своим существованием Кудашевская баррикада бросала смелый вызов полицейскому управлению, помещавшемуся напротив, во дворе городской управы. Пролилась кровь молодых, которым бы жить и жить. Когда унесли убитых и дюжие городовые растащили завал, молчаливые людские группы собирались вокруг присыпанных песком кровавых потеков на месте баррикады, во дворе особняка № 5 по Кудашевской, где оказывали первую помощь раненым дружинникам.

Давно всё это было. Кому из молодых знакомо старое название — Кудашевская? А каменная книга города умеет подчас уберечь свои страницы от разрушительной силы времени. Сохранился почти в неприкосновенности весь архитектурный комплекс устья нынешней Баррикадной, каким он был в девятьсот пятом. Совсем недавно снесли за ветхостью только одного древнего «старичка» — приземистый двухэтажный домишко с непомерно большим фронтоном, тут, по преданию, жили в начале прошлого столетия екатеринославские вице-губернаторы...

Прочтите надпись на невысоком обелиске, стоящем на углу проспекта Карла Маркса и Баррикадной (бывшей Кудашевской) улицы — и события первой русской революции предстанут перед вашим уважительным взором.

И, может, вспомнится вам горьковская строка: «Безумству храбрых поем мы песню!..»

РУБЕЖ КРАСНОЙ ЧЕЧЕЛЕВКИ

Где она, эта площадь? Спросите сотню днепропетровцев — ответят, может быть, двое-трое из тех, кто уже в солидных летах. «Нет теперь такой. Там Дворец культуры Ильича».

И верно. Уже более сорока лет нет Брянской площади, как нет и Ярмарочной, Тюремной, Александро-Невской. Давно уже оккупировали их пыльный простор строгие шеренги новых многоэтажных зданий. И жалеть об этом не приходится, потому что в старом Екатеринославе под многими «площадями» разумели обычные пустыри.

В числе этих площадей Брянская стояла особняком. Само ее возникновение было следствием непримиримой вражды и острой классовой борьбы между здешним трудовым людом и теми, кто эксплуатировал его.

Тут пролег рубеж между пролетарской Чечелевкой и Брянской Колонией, местожительством заводской администрации, иностранных инженеров, старших служащих Брянской конторы. Размеры этой «ничейной полосы» установили городские власти, определив западным рубежом чечелевских улочек поперечную Орловскую. Так возник огромный, переходивший в степь пустырь, и долго единственным зданием, маячившим здесь среди невысокого кустарника и зарослей бурьяна, были пресловутые рабочие «казармы» подрядчика Мины Копылова, в сравнении с которыми ночлежка из горьковского «На дне» могла бы показаться первоклассной гостиницей.

Потом посадили в южной части пустыря аллеи молодых деревьев и образовался скверик, прозванный по-московскому — Сокольниками. Рядом расположились рундуки и столики небольшого базара. А тот участок, что ближе к железнодорожным путям,— сюда вливалась старшая, Первая Чечелевка,— оставался площадью, широкой, обычно пустынной, где разгуливали пыльные вихри.

Немало хлопот доставляло это место городским шестой полицейской части, помещавшейся неподалеку от проходных Брянского завода.

В начале века на площади часто созывались «летучки». Это была особо подвижная, продиктованная обстановкой форма революционных митингов. Оповещенная заранее, сходилась к точно назначенному времени надежная аудитория, расставляли дозорных. Оратор-большевик успевал за десяток минут изложить всё главное, каждое слово било в цель... И пока разузнают о митинге и успеют домчаться, запыхавшись, конные и пешие «фараоны», — всё кончено, некого хватать...

В октябре 1905 года противники поменялись местами. Стороной обходили городские мятежную площадь, поглядывали искоса на густую толпу, в которую лучше не соваться — бока намнут. Конные казаки действовали нахрапом. Разъезд их утром одиннадцатого октября издали обстрелял на Брянской площади участников большого митинга, убил и ранил нескольких и трусливо ускакал, не приняв боя. Тем временем разгневанные брянцы узнали о расстреле колонны железнодорожников на углу Философской, о жертвах Кудашевской баррикады.

Всем миром начали строить свои баррикады: возле Фабричного кладбища, в начале Второй и Третьей Чечелевок, общим счетом — шесть. Главная надежда — на самую большую, что запирала на перекрестке Орловской выход с Чечелевки на Брянскую площадь.

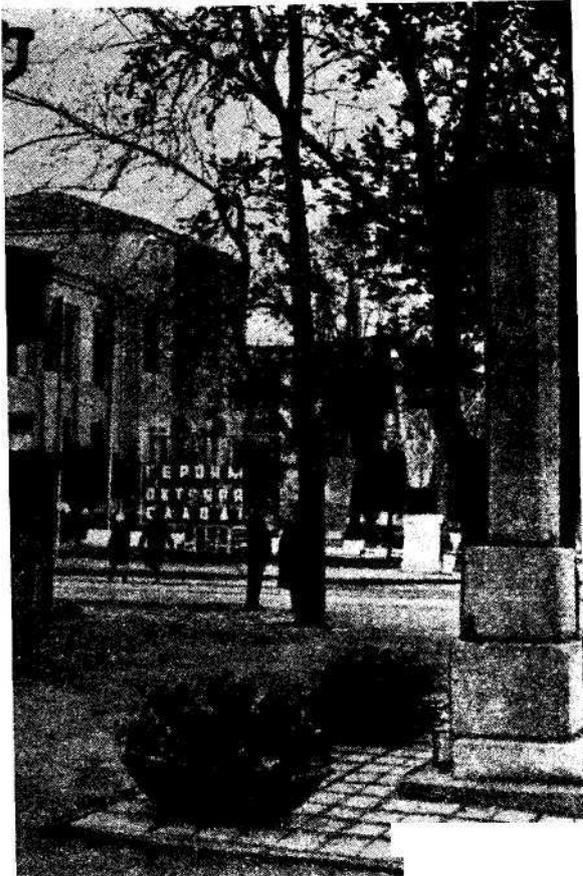


Рисунок 23 Рубеж «Красной Чечелевки».

Сооружали ее не зеленая, неискушенная молодежь, как на Кудашевской, а опытные мастеровые люди со сноровистыми руками. Клали прочно, основательно телеграфные столбы, рельсы, шпалы с железной дороги, промежутки закладывали булыжником, всякой подручной домашней рухлядью, которую тащили из дворов сотни добровольных помощников. Отрыли на подступах к баррикаде рвы. Ребятишки натаскали бутылок и били о мостовую, делая ее непроходимой. Заготовили запас камней — грозного в сильных руках оружия пролетариев.

Два красных полотнища на высоких шестах реяли по краям баррикады, вдохновляя ее защитников. Постройкой баррикады и боем с войсками до последних минут руководили большевики во главе с Григорием Петровским, Захаренко, Большуновым, Меренковым.

Несколько часов длилось сражение на Первой Чечелевке, одна за другой следовали атаки... С одной стороны — регулярная царская армия: пехота, казаки; с другой — рабочий люд, почти безоружный — охотничьи ружья, самодельные бомбы, револьверы были только у немногих. И все-таки взять с фронта Большую баррикаду войскам не удалось. Лишь поздно вечером, зайдя с тыла — со стороны железнодорожных путей, они изготовились нанести «бунтовщикам» удар в спину. Но к этому времени

баррикада, по решению Екатеринославского комитета большинства РСДРП, уже обезлюдела. Ее защитники вынесли раненых и убитых, спасли боевые знамена. Они сберегли силы для новых боев с самодержавием.

«В Екатеринославе строятся баррикады и льется кровь»,— писал тогда Владимир Ильич. Генеральной репетицией будущих боев семнадцатого года был тот октябрьский день в Екатеринославе как и во многих других городах России.

Вот здесь, у нового мемориального монумента, установленного на углу проспекта Калинина и Орловской улицы к полувековому юбилею Октября, высилась в те героические дни Большая баррикада. Всмотритесь в эту незримую черту, и прошлое овеществится перед вами в своей революционной героике.

КАМЕНЬ-Трибуна

Лежит она на обочине проезжей части улицы, называвшейся когда-то Второй Фабричной или Второй Фабрикой. Большая, тяжелая гранитная глыба. Давно она здесь? Может быть, с незапамятных времен, когда не было не только этой улицы, но и самого города, слободки, прозванной Фабричной потому, что первыми жителями ее были крепостные ткачи основанной Потемкиным суконной фабрики-мануфактуры.

Коротка подчас людская память. Но гранитная глыба — в почете. Рассказывали о ней старые, заслуженные люди, те кто в партии со времен первой русской революции. Многих из них теперь уже нет на свете.

Побелили глыбу, подъемный кран поднял и бережно уложил ее на плоский постамент, огороженный металлической цепью на четырех невысоких литых столбиках. Вот только мемориальную надпись на камне, выбитую задолго до Великой Отечественной войны, трудно теперь разобрать. Надо обновить ее, чтобы молодые современники пятидесятилетия Советской власти знали о том, чего не расскажет холодный гранит.

...Настал тысяча девятьсот пятый год. В Екатеринославе, как и в других крупных промышленных городах России, волновались рабочие окраины. Назревали большие революционные события.

Неспокойно на Чечелевке, в Кайдаках, на Фабричной слободке. На средней ее улице — Второй Фабрике в летнюю пору что ни день, то митинги, толпы взбудораженного народа. Тут, как и в центре Екатеринослава, на бульварах проспекта, — своя «партийная биржа» пролетарского правобережья. Открыто раздают «недозволенную» литературу, брошюры, листовки, слушают ораторов. Разгораются бурные политические споры.

В те летние дни и вошла в историю гранитная глыба, о которой тут идет речь. Стала она излюбленной трибуной, с которой ежедневно выступали большевики. Тесным кольцом окружала ее густая толпа.

Не раз с юношеской легкостью вскакивал на камень стройный рабочий парень с тонкими, одухотворенными чертами лица. И всякий раз гул одобрения проносился по толпе. Любили слушать Андрюшу Булыгина. Даром что молод еще совсем — только двадцать один годок недавно минул,

а говорил всегда дело, с толком, о том, что наболело, на сердце накипело у каждого. Звал к борьбе за рабочие права, против заводчиков, против царского строя. Не так, как иные сладкопевцы, уговаривавшие довольствоваться пяточковой прибавкой.

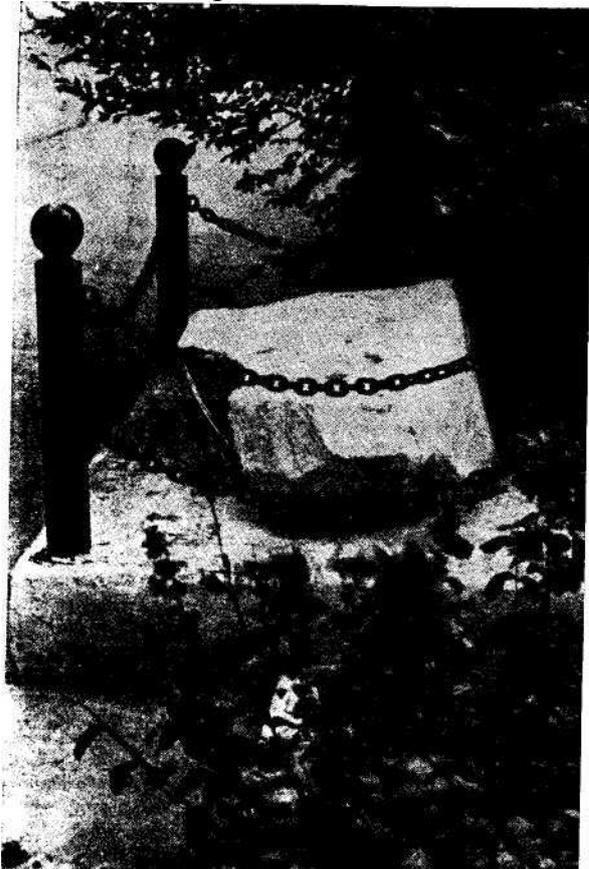


Рисунок 24 Камень-трибуна

Хорошо знали на Фабрике Андрея Булыгина. Жил он здесь же неподалеку, работал на Брянке модельщиком, как и отец его.

Давно прослышали об опасном бунтовщике и в полицейском ведомстве. Шныряли в толпе филерские шавки, в отдалении прохаживался околоточный надзиратель. Только — видит око да зуб неймет. В том черном для царских властей году вынуждены они были отказаться от своего излюбленного «тащить, не пущать». Однажды, вскоре после девятого января, попробовали было схватить Андрея Булыгина по дороге на завод. Уже и «черного ворона» подали. Но рабочие, оказавшиеся на пути полицейской засады, отбили своего Андрюшу, а незадачливые «фараоны» еле ноги унесли.

Когда после двух легендарных недель существования «Чечелевской республики» в конце декабря рабочие предместья Екатеринослава, и в их числе и Фабрика, были заняты царскими войсками, Андрею Булыгину пришлось покинуть родной город, иначе сгноили бы молодого большевика в тюрьме. Уехал в Москву, но северный климат был не для его легких, разрушенных злой чахоткой. Подался на юг, в Мариуполь. Там и умер спустя несколько месяцев, двадцати двух лет отроду.

Двадцати двух лет! Сколько еще мог бы сделать для революции, для Советской власти этот талантливый человек, сгоревший, как факел, на

революционном посту, — ему бы в семнадцатом только тридцать три года исполнилось.

Таким людям, как он, суждена вечная молодость. Выйдите к началу бульвара на бывшей Второй Фабричной, носящей теперь имя Андрея Булыгина, и скромный памятник с датами рождения и смерти: «1884—1906» на постаменте поможет вам представить привлекательный облик рабочего-большевика. А кварталом дальше вы увидите и памятную гранитную глыбу, хранящую незримые его следы.

БРЯНСКАЯ ШКОЛА

Еще одно школьное здание. Первые два, о которых мы рассказывали, — классической и Мариинской гимназий, — расположены в центральных, «добропорядочных» частях старого Екатеринослава. «Брянская школа» — о ней речь сейчас — на Колонии, в тогдашнем заводском предместье.

Впрочем, Колония, как назывался прежде этот район, где жило заводское начальство, была особой, привилегированной зоной. Этим и объясняется ее удобная, просторная планировка, о которой и мечтать не могла соседняя пролетарская Чечелевка. Здесь в последних годах прошлого века и было открыто «Александровское двухклассное министерства народного просвещения училище при Брянском заводе». Титул длинный, учеба короткая, как и явствовало из названия. Постиг начальные премудрости грамоты, научился считать-писать, и — окончено твое образование. Впрягайся в рабочую лямку, как и батька твой, старший брат...

Не этим, конечно, знаменательно здание на проспекте Калинина, где ныне школа № 36. Тут, как гласит одна из двух мемориальных досок на фасаде, в 1897—1899 годах не раз бывал Иван Васильевич Бабушкин. В одном из Дальних классов в поздние вечерние часы, соблюдая жесткие правила конспирации, собиралась группа брянских рабочих на занятия созданного Иваном Васильевичем марксистского кружка. И уже это узаконивает Брянскую школу в списке памятных мест города. Но главное событие, связанное с домом на проспекте Калинина, относится к ранней весне легендарного 1917-го.

Пало самодержавие, ликует народ, сбросивший оковы монархии. Свершившееся — только начало грядущих великих перемен, которые преобразят судьбы страны и ее многомиллионной армии труда. Еще не вернулся в Россию Ленин, не опубликованы Апрельские тезисы, до них больше месяца. Какими путями пойдет дальше локомотив истории?

Пятого марта людно было у входа в Брянскую школу. Собирались группами старые друзья-единомышленники: брянцы, шодуаровцы, вагонщики, деповцы... Они дружно приветствовали каждого нового появившегося. Еще нашего полку прибыло!

Всего месяц назад, в ночь на второе февраля, полицейское ведомство произвело по всему городу «изъятие ненадежных элементов». Главный удар — по большевикам. Брошено за решетку большинство членов Екатеринославского комитета. Думали ли узники арестантских рот и

хмурого, похожего на средневековую крепость тюремного замка, что их освободит так скоро Февральская революция?

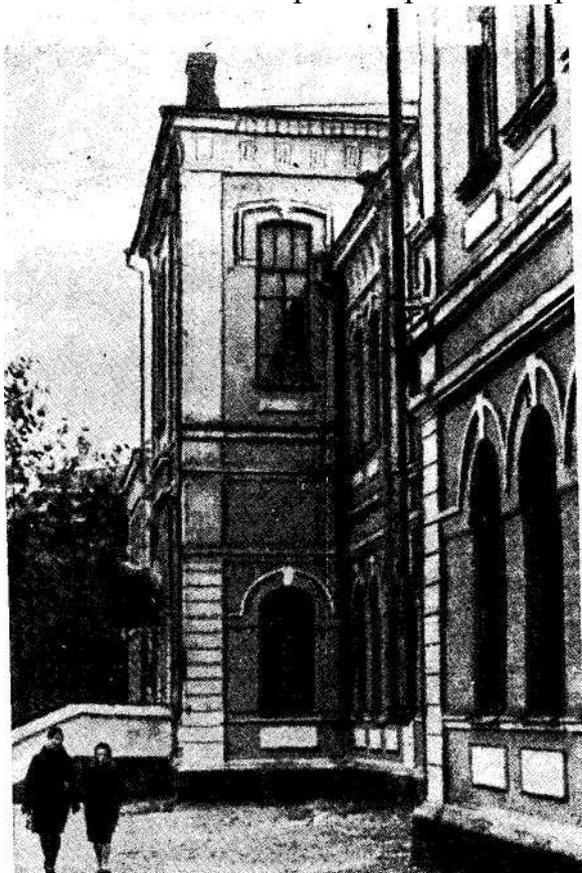


Рисунок 25 Школа № 36.

А скольких еще нет! Одни на западе, в мясорубке империалистической войны, другие в снегах Якутии, Красноярского края. Где-то там, на севере, Петровский, Квиринг, Аверин...

Но неистребимо большевистское племя! Тридцать шесть социал-демократов ленинцев сели на скамьи своей первой легальной екатеринославской партийной конференции. Не нужны больше пароли, дозоры, запасные выходы на случай полицейской облавы. Не рыскали поблизости «гороховые пальто». Партия вышла из подполья.

Президиум конференции произвел опрос делегатов. Каждый представлял кто восемь, кто десять, кто пятнадцать членов партии. Представитель, прибывший из Юзовки, доложил: в Донецком бассейне в строю более полутысячи большевиков. А по Екатеринославу триста тридцать четыре — цифра немалая по тем временам.

В таком составе вступила коммунистическая организация города в преддверие Великого Октября. На первой своей легальной конференции большевики решили активно участвовать в выборах Советов, сделать их цитаделями грядущей пролетарской революции.

В Брянской школе был избран первый после Февральской революции Екатеринославский комитет, в который вошли самые опытные, закаленные годами подполья товарищи: Бондарев, Гопнер, Яшин, Переславский, Варлен... Позднее, по возвращении из ссылки, влились в него Петровский, Квиринг, Аверин...

По воспоминаниям старых коммунистов, летом 1917 года в просторном дворе Брянской школы, как и неподалеку от нее в сквере Сокольники, шли учебно-боевые занятия отрядов Красной гвардии Брянского завода. Бывалые, понюхавшие пороху солдаты, такие, как большевик Самсонов, обучали молодежь обращению с винтовкой, «максимом», вгоняли в пот короткими перебежками и ползанием попластунски. Об этом напоминает еще одна мемориальная доска на старом здании школы.

Триста тридцать четыре екатеринославских большевика были представлены на конференции в Брянской школе. За полвека советские каждый из этого боевого отряда передал партийную эстафету двум сотням коммунистов новых поколений — правофланговым гражданской и Великой Отечественной войн, до- и послевоенных мирных строек. Более шестидесяти семи тысяч членом насчитывала к концу юбилейного 1967 года армия днепропетровских коммунистов. Эти красноречивые цифры вспоминаются при виде исторического здания на проспекте Калинина.

ДОМ ТРЕХ ЭПОХ

Страницу каменной книги города, посвященную двухэтажному белому дому на перекрестке улицы Ленина и проспекта Карла Маркса, хочется разбить на три главы, по числу эпох, которые пережило это историческое для днепропетровцев здание.

Первая эпоха — дооктябрьская — время его рождения и молодости. Построено оно в середине прошлого века — точной даты не сбереглось. Зайдите в вестибюль с беломраморной лестницей, в залы с высокими стрельчатыми окнами, в которых и после многочисленных перестроек и переделок витает еще дух его первых хозяев. Все говорит о претензии на роскошь, стремлении поразить посетителя, впервые перешагнувшего его порог. Мол, и у нас, в Екатеринославе, — под стать столицам.

И действовало. Действовало на воображение богатых купцов, чиновников здешних ведомств, провинциальных степных дворян, ни разу не выезжавших за пределы губернии, — немало было таких в эпоху трудных, утомительных путешествий на перекладных. Но даже люди, поездившие по России времен Николая Первого, побывавшие и в Санкт-Петербурге, отдавали должное екатеринославскому Английскому клубу, построившему это здание и владевшему им до восьмидесятых годов. Лестно отзывался о его благоустроенности в своих воспоминаниях городской архитектор А.М. Достоевский — уж он-то немало повидал на своем веку. Сражения за зелеными ломберными столами, отличный буфет, беседы с прочими «сильными» екатеринославского захолустного мирка...

О неоспоримых удобствах этого здания свидетельствует тот факт, что после переезда Английского клуба в новое, еще более просторное и комфортабельное помещение на Проточной (теперь улица Ленина), где в наши дни Дом офицера, прежнее клубное здание облюбовал под свою канцелярию сам его превосходительство «хозяин губернии». И стал бывший

Английский более чем на три десятилетия «губернаторским домом». В его комнатах обосновались правитель канцелярии со своими старшими и младшими помощниками, чиновники особых поручений и прочая титулованная и заурядная губернаторская челядь, а у главного входа, с Воскресенской (ныне тоже улица Ленина), — поставили полосатую будку с дежурным держимордой в дверях.

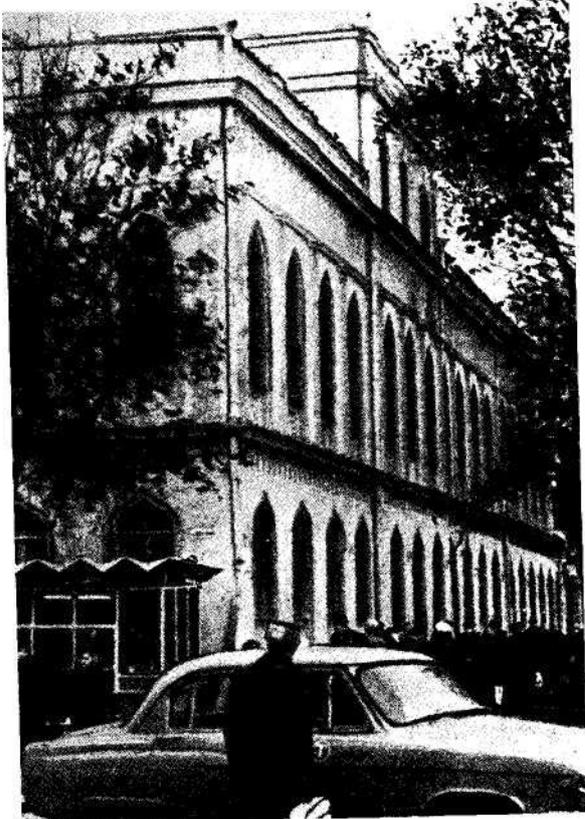


Рисунок 26 Здесь находился в 1917 году Совет рабочих и солдатских депутатов.

Конец первой главе истории дома положил семнадцатый год. Вскоре после февраля поспешно покинул свою резиденцию напуганный событиями благообразный старичок с французской бородкой, последний екатеринославский губернатор Чернявский. Некоторое время дом пустовал, пока не пришли сюда с Чечелевки, с заводов новые, законные хозяева.

Нелегко начиналась для них эта вторая глава: жестокие схватки большевиков со скрытыми и явными врагами революции, иудушками всех оттенков, пробравшимися в новый екатеринославский Совет рабочих депутатов; первый, как известно, возник за двенадцать лет до этого — осенью девятьсот пятого. Стены бывшего губернаторского дома слышали не раз в ту пору правдивое большевистское слово таких блестящих ораторов, как Василий Аверин, Эммануил Квиринг, Серафима Гопнер — их имена были на устах всего Екатеринослава.

Бывшему дому губернатора суждена была большая судьба. В декабрьские дни он стал здешним Смольным, в нем разместился екатеринославский Совет рабочих депутатов. Толстые стены, длинная каменная ограда губернаторского сада позволили большевикам

Екатеринослава превратить дом в цитадель, откуда велось наступление на последний оплот контрреволюции в городе. Почти трое суток не стихал бой в центре, и город умолк, прислушиваясь к треску винтовочных выстрелов и пулеметным очередям. Исход решили новые отряды брянцев, прорвавшиеся к осажденному Совету, боевая помощь московских красногвардейцев, спешивших со стороны вокзала. В ночь на 29 декабря над поседевшими от инея городскими крышами взвился в морозное небо алый штандарт новой, Советской власти.

Самой короткой из трех была славная вторая глава истории дома, озаренная багровыми сполохами революции и гражданской войны. С балкона его, выходявшего на проспект, выступали перед тысячами екатеринославцев Ворошилов и Буденный, пронесли на рысях мимо Совета полки Первой конной, поспешая на польский фронт. Видел дом в феврале двадцатого года колонны участников первого коммунистического субботника, шагавшие в сторону вокзала, а четыре года спустя — скорбное шествие Трудового Екатеринослава в день похорон Ильича.

Но мы заглянули уже в следующую главу дома, неотделимую от вечной молодости днепровского города, его заветного будущего. Так естественно и так логично, что перешел этот дом с середины тридцатых годов во владение именно тех, для счастья которых в декабре семнадцатого стояли насмерть защитники екатеринославского Совета. Когда передавали ключи от дома городской пионерии, уже ходила в школу простая московская девочка Зоя Космодемьянская, чьим именем после Великой Отечественной будет назван днепропетровский Дворец пионеров.

Может ли уместиться даже в таком удобном, красивом здании беспокойное племя юных со своими многочисленными пионерскими делами? Сначала «дотачали» к бывшему губернаторскому западное крыло. А когда убедились, что и этого мало, снесли примыкавшую к дому с юга приземистую кордергардию — бывшую казарму полицейской охраны его губернаторского превосходительства и возвели на ее месте новый, современной архитектуры, корпус Дворца пионеров. Он — на улице Ленина, и лучше не скажешь для характеристики третьей, нынешней главы истории старого дома на одном из центральных перекрестков Днепропетровска.

ПОЧТА

Двухэтажное здание постройки девятисотых годов, увенчанное башенкой со шпилем. Возле входа на стене медная табличка — «марка» местной строительной конторы («Фирма существует с 1875 года»). Строила она, надо отдать справедливость, добротню. Широкие гранитные ступеньки, гладкий красно-белый плиточный пол. Сколько тысяч, миллионов ног прошло по плиткам за шесть десятков лет существования этого дома, а они словно вчера положены. Дом был Сооружен специально для городского почтамта с претензией на комфорт. И действительно, куда удобнее он, чем приземистая старая почтовая контора рядом, в которой, по свидетельству екатеринославского старожила Машукова, в летнюю пору люди буквально

задыхались. А здесь, в высоком двухсветном, украшенном пышной лепкой зале, каждому найдется место даже в часы пик.

Если бы какой-нибудь местный филателист задался целью собрать образцы всех марок, продававшихся в разные времена на этом почтамте, получилась бы любопытная коллекция знаков почтовой оплаты, начиная с разнокалиберных двуглавых орлов со скипетром и державой в цепких лапах, портретов всех самодержцев всероссийских от Михаила Федоровича до последнего Николая в серии, выпущенной к трехсотлетию дома Романовых. А позже — «голый» орел периода Временного правительства, аляповатый трезубец «гетьмана» Скоропадского, конный Георгий Победоносец на марках белогвардейского безвременья. И — новая, знаменательная страница, начатая двумя скромными марками с рисунком меча, разрубающего цепи рабства,— первыми марками Советской власти!

Поднимаясь по каменным ступенькам главпочтамта, не раз возвращаешься в мыслях к историческим событиям, связанным с этим зданием,— к декабрьским дням 1917 года, когда для трудового днепровского города началась советская эра.

Если бывший губернаторский дом, стоящий наискось через проспект, можно назвать здешним Смольным, то здание почты невольно напрашивается на аналогию с Зимним. Дело ведь не в сопоставлении архитектуры, не в масштабах, а в сути событий, их исторической направленности. Почта была последним оплотом контрреволюции в Екатеринославе тех бурных решающих дней. И этот оплот пал по причине своей обреченности, великой жизненной силы нового строя, чьи посланцы поздним вечером 28 декабря подступили к наглухо запертым и забаррикадированным дверям главного входа. Боя не было, засевшие на почте гайдамаки сдались без сопротивления.



Рисунок 27 Почтамт.

Да кто же из тех, кто к исходу трехдневных схваток на проспекте находился в здании почты, был расположен к сопротивлению? Простодушные крестьянские парни в гайдамацких свитках и широченных штанах? Их общей заветной мечтой была земля, которой так не хватало отцам и дедам. Они, эти парни, получили ее вскоре от той самой власти, против которой повели их путем обмана и дезинформации. Их не преследовали, им не мстили — и в этом сущность нашего советского, социалистического гуманизма. Обезоружили и, некоторое время продержав в казармах на Лагерной, отпустили по домам, а часть по собственной воле влилась в Красную гвардию.

А те, кто науськивал их на рабочего брата, — офицеры, юнкера, чиновники, которых, по свидетельству очевидца-большевика, находившегося в плену на почте, было там немалое число, — куда они подевались? Улизнули, как крысы с тонущего корабля, наверное, через забор в глубине обширного двора почты, примыкавшего к саду Общественного собрания. Но оставили позорные улики — свою змеиную шкуру: офицерскую и чиновничью форму, сваленную грудой в одной из комнат. «Труссы переоделись, может, даже в платье предаваемых и презираемых ими кухарок», — писала в те дни «Звезда».

Все это не раз представляешь зримо, заходя на почту, в ее главный зал и другие помещения, сберегающие память о событиях, отделенных от нас полувеком. Путь нашей страны в эту величественную эпоху, как солнце в каплях воды, отражен на марках, которые продолжают и теперь продавать в почтовых окошках. Если тот филателист, о котором говорится в начале очерка, все еще отдает дань своему увлечению, новые страницы его «днепропетровского» альбома украшены портретами наших космонавтов,

рисунками «лунника», могучих гидростанций, о которых мечтал Ильич, советского павильона на выставке в Монреале, вызвавшего восхищение людей доброй воли всей планеты.

Город растет, его население приближается к миллиону. Для главного почтамта давно уже стало тесноватым старое здание по проспекту Карла Маркса. Но память о красном знамени победившего Октября, взвившемся на его шпилье в декабрьскую ночь 1917 года, надежно ограждает его от сноса. Пусть увидят его еще не рожденные поколения днепропетровцев!

«АСТОРИЯ»

Проидем по четной стороне проспекта Карла Маркса от улицы Ленина до улицы Серова. Пожалуй, это наиболее насыщенный эпохами, архитектурными стилями квартал Днепропетровска. В центре историческое здание почты, «дом Инзова» — памятка пушкинской поры, и рядом ультрасовременное кафе «Эхо» с его оригинальным скошенным в глубину фасадом и броской неоновой рекламой — сооружение нашей космической эры. А еще дальше — красивое пятиэтажное здание гостиницы «Днепр» в том известном стиле «модерн», который в период строительного ажиотажа, предшествовавшего первой мировой войне, оставил свои «памятники» в каждом большом городе нашей страны.

Прежде эта гостиница носила звучное, привлекательное для уха обывателя название «Астория», напоминавшее о сотнях других отелей с тем же именем, распахивавших свои двери для имущих постояльцев на западе по эту и ту сторону Атлантики. И, нужно сказать, дореволюционный владелец «Астории», решив «утереть нос» расположенным визави, на противоположной стороне проспекта, двум гостиницам-люкс: «Бристолю» и «Пальмире», предложил своим будущим клиентам весь комфорт, какой могла предоставить бытовая техника того времени.

Именно то, что «Астория», расположенная в центре города, была одним из самых видных и удобных зданий в этом районе, определило ее судьбу в годы революции и гражданской войны.

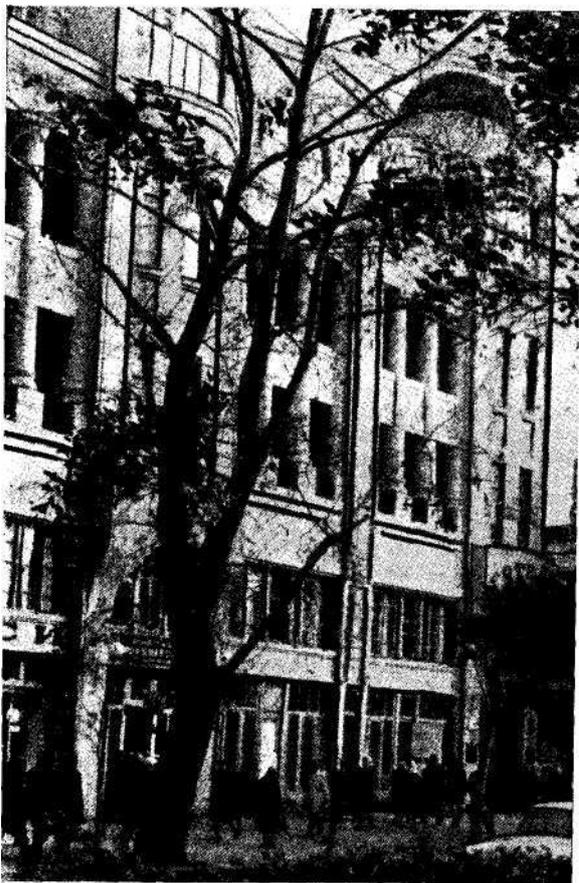


Рисунок 28 Бывшая гостиница «Астория».

Всего с полдесятка лет была эта гостиница частной собственностью. С января восемнадцатого она перешла во владение пролетарского государства. Исчезли золотоливрейный бородатый швейцар в вестибюле, нарядные горничные в кружевных наколках и передниках. Да и состав постояльцев неузнаваемо изменился. В бельэтаже расположились первые советские учреждения, сновали Люди в солдатских шинелях, доносился дробный перестук машинки «Ундервуд». Тут проходили заседания губревкома, у входа дежурили красногвардейцы с кумачовыми повязками на рукавах. Видела «Астория» часто появлявшихся тут руководителей екатеринославских большевиков Квирина, Аверина, Серафиму Гопнер, Эпштейна (Яковлева). А часть номеров третьего этажа отдали молодежи под клуб «Интернационал», которому стало тесно в первом его помещении по Клубной улице. Несмело поднимались по белым мраморным ступенькам пареньки, девчата с Кайдак и Чечелевки. Все было удивительным, непривычным: полированные поручни, ажурное кованое плетенье перил, бархатные дорожки на лестницах и в коридорах, на которые страшно было ступить. Но в оклеенных нарядными обоями комнатах с высокими потолками робость исчезала. Тут был свой, рабочий брат, царил дух доброжелательности и коллективизма. Разучивали песни, читали стихи, слушали рассказы старших товарищей-большевиков о революционном прошлом. Мечтали о будущем, каким рисовалось оно в горячем юношеском воображении.

Так было только два месяца. Весною на западе нависла черная туча кайзеровской интервенции; пришло время защищать с винтовкой в руках молодую власть Советов, и много членов клуба «Интернационал» ушло на фронт. В середине марта клуб свернул работу: в «Астории», как и в других гостиницах, нужно было разместить работников переехавшего в Екатеринослав ЦИКУК — Центрального Исполнительного Комитета Украины, делегатов Второго Всеукраинского съезда Советов.

К концу месяца враг находился уже недалеко от города. На дверях «Астории» появилось большое объявление: тут производилась запись добровольцев в Красную Армию. С утра и до позднего вечера толпился здесь рабочий народ. Комиссар труда Василий Новиков заносил имена желающих — их были сотни — в большую конторскую книгу и направлял отряды добровольцев в распоряжение Военно-революционного штаба, к Василию Аверину. В своих воспоминаниях об этих напряженных днях В. Новиков говорит об огромном энтузиазме, с которым рабочие Екатеринослава записывались в молодую Армию Советов.

В пору петлюровщины, принесенной в Екатеринослав на немецких штыках, в «Астории» расположился петлюровский штаб во главе с «паном комиссаром» Васильком, чинившим суд и расправу над всеми, кого обвиняли в сочувствии Советской власти. Но самое страшное, неопишное пришлось пережить «Астории» летом 1919 года, когда здесь обосновалась шкуровская контрразведка. Белогвардейские палачи ознаменовали свой приход расстрелом тут же во дворе десятка ни в чем не повинных служащих гостиницы, обвиненных в «большевизме». А на узловатых ветвях старых кленов бульвара напротив здания «Астории» несколько дней раскачивались на ветру тела трех повешенных деникинцами известных в Екатеринославе коммунистов.

Не надо вычеркивать из памяти и этого: изуверства орудовавших тут палачей, гордой стойкости тех, кто погиб во вражеских застенках с непоколебимой верой в торжество нашего дела; разгула «рыцарей анархии» во главе с «батшкой» Махно, избравшим «Асторию» осенью буревоего девятнадцатого своей штаб-квартирой; преступлений фашистского штадтскомиссара Клостермана, который устроил тут свою резиденцию во время оккупации гитлеровцами Днепропетровска...

И еще: увековечил «Асторию» в своей классической трилогии «Хождение по мукам» Алексей Толстой, как видно, проживавший здесь в дни остановки в Екатеринославе по дороге в Крым в 1919 году.

НА ЭТОМ МЕСТЕ...

Дом № 97 по проспекту Карла Маркса лишь отдаленно напоминает здание, которое видели на этом месте довоенные поколения днепропетровцев. И в то же время нынешнее помещение русского драматического театра им. Горького прочно связано с тем большим красивым домом. В него вписалась часть наружных стен, уцелевших от пожара, зажженного гитлеровскими факельщиками накануне отступления

фашистов из города в октябре 1943 года. Но внутренняя планировка здания совершенно изменилась, да и уютный зрительный зал раза в полтора меньше прежнего, связанного со многими историческими, культурными событиями городской жизни.

...Зимний театр, построенный за десяток лет до первой мировой войны, был долгое время самым большим и комфортабельным театральным помещением Екатеринослава. Мягкие кресла партера и бельэтажа заполняли «сливки» здешнего общества. Публика рангом пониже поднималась в яруса. Верхний, под самым куполообразным потолком, назывался галереей или, в просторечии, галеркой, откуда намного лучше были видны парики актеров, чем их лица. Туда ходили по дешевым, «ученическим» билетам студенты и гимназисты из семей попроще, — те, кого не поджидали у подъезда родительские чистых кровей рысаки или экипажи извозчиков-лихачей.

Лучшие артистические силы дореволюционной России, а позднее — советской страны видела сцена Зимнего театра, которому в начале двадцатых годов было присвоено имя А.В. Луначарского.

Тут потрясал любителей вокала могучий бас Шаляпина, звучали волшебные переливы колоратурного сопрано Антонины Неждановой, пели Собинов и Козловский, «громил» гуляку Карася — Паторжинского суровая Одарка — Литвиненко-Вольгемут. Да одни ли мастера вокала?.. В памяти старожилов долгие годы сберегались впечатления от проходивших в этом здании гастролей МХАТа, вахтанговцев, Театра Революции, когда длинные хвосты денно и ночью тянулись к театральным кассам. А во второй половине тридцатых годов добрую славу у зрителей не только Днепропетровска завоевала здешняя, обосновавшаяся в бывшем Зимнем театре, опера с ее первоклассными солистами, режиссурой, хором и оркестром.

В биографии Зимнего театра страницы высокого передового искусства перемежаются с яркими эпизодами общественно-политической истории города. Много больших событий было связано с емким, на тысячу с лишним мест, залом театра, и многое могли бы рассказать его стены, если бы умели говорить.

...Январский вечер 1918 года. Шестые сутки Советской власти в Екатеринославе. Битком набит зал Зимнего театра. Как непохожи собравшиеся здесь люди на тех разодетых дам и господ, которые красовались в этом партере и ложах в дни гастролей заезжих знаменитостей! Солдатские шинели, овчинные «кожушки», стеганые ватники... Скромная рабочая одежда брянцев, шодуаровцев. Настоящие хозяева только что победившего и здесь, в Приднепровье, нового мира, участники расширенного пленума Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Председательствует Эммануил Квириг. Неутомимый большевик еще весь в пылу недавних декабрьских боев за Советскую власть. Да разве не продолжают они и сейчас? Нужно отбить контратаки врагов, направить энергию трудового Екатеринослава в новое, мирное русло.

На дворе уже давно ночь, а прения не утихают. Дежурный красногвардеец на сцене о чем-то докладывает Квиригу, и тот торопливо

уходит за кулисы. Он возвращается вместе со стройным, подтянутым человеком в длинной шинели.

— Товарищи! К нам прямо с вокзала — товарищ Серго. Из Петрограда, от Ленина!

Гремит рукоплесканиями зал Зимнего театра. Екатеринославцы приветствуют посланца Ильича. Он поднимает руку. Просит слова.

Серго поздравил пролетариев города с победой. Но это только начало, предупредил он. Контрреволюция не сложит оружия. Ее надо добить. Екатеринославская Красная гвардия должна помочь донецким шахтерам. Совет Народных Комиссаров верит, что эта помощь будет оказана!

Было это 4 января. А 17 марта того же 1918 года, когда бронепоезда, ушедшие с заводских путей пролетарской Брянки, уже воевали с врагами Октября на восточных и западных магистралях, в Зимнем театре собрался еще один, особо представительный форум. Съехались в Екатеринослав делегаты Второго Всеукраинского съезда Советов. С Киевщины и Херсонщины, с черноморских берегов, из городов и сел Приднепровья и шахтерских местечек Донецкого бассейна... В эти тревожные дни, когда на западе героические, но плохо вооруженные отряды Красной гвардии отбивали натиск австро-германских полчищ и враг уже захватил Киев, в Екатеринославе находилось Советское правительство Украины во главе с членами Народного Секретариата.

Только около половины из 964 делегатов съезда, проходившего в Зимнем театре, составляли большевики и сочувствующие им. Но такова была сила ленинской правды, слово которой прозвучало во многих выступлениях, что съезд одобрил ратификацию Брестского договора и это было большой победой украинских большевиков, победой, которую высоко оценил Владимир Ильич. В связи с Брестским миром съезд Советов в Екатеринославе объявил Украину независимой Советской Республикой и призвал ее трудящихся к единому отпору австро-германским интервентам и Центральной раде, к созданию могучей рабоче-крестьянской Красной Армии.

Об этом историческом съезде и напоминает белая мемориальная табличка на здании театра имени Горького.

Расскажем в заключение еще об одном памятном событии, связанном с Зимним театром.

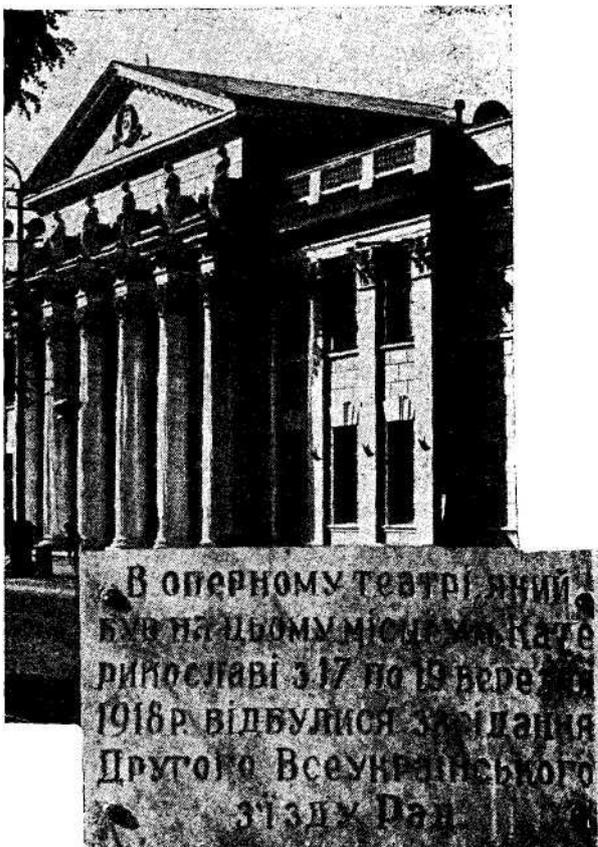


Рисунок 29 На этом месте находился Зимний театр.

Было это в мае 1926 года. Здесь собрался Третий окружной съезд Советов. Зал Зимнего снова заполнили рабочий, крестьянский люд, представители советской интеллигенции, ветераны большевистской гвардии, участники боев за победу Октября в Екатеринославе, герои гражданской войны.

...Поднялся с места председатель окрисполкома старый большевик Гаврилов. Бурными аплодисментами было встречено его предложение: обратиться к правительству с просьбой о переименовании Екатеринослава. Пусть новое название города черного металла будет включать имя великой украинской реки, на берегах которой он стрит, и имя верного ленинца, Всеукраинского старосты, чьи многие годы жизни светлыми страницами вошли в революционную летопись местного рабочего класса, — Григория Ивановича Петровского.

Приглашенный на съезд, он присутствовал на заседании. И буря рукоплесканий снова разразилась, когда поднялся из-за стола президиума Григорий Иванович и низко поклонился землякам. С достоинством и еле сдерживаемым волнением благодарил он их за оказанную ему высокую честь, хоть с присущей ему скромностью не считал себя достойным ее. Обещал не жалеть сил и времени в борьбе за выполнение великих исторических задач, стоящих перед советским народом, и призвал к тому же земляков.

Прошло около двух месяцев, и 20 июля 1926 года постановлением правительства новое название города — Днепропетровск, впервые прозвучавшее под сводами Зимнего театра, было утверждено.

АВЕРИНСКИЕ МЕСТА

Теперь это улица Аверина, а тогда, в семнадцатом, называлась Четвертой Кайдакской. В доме под номером 48, у Трофимовых, жил с августа 1917-го по конец марта 1918-го, затем в первой половине 1919 года со своей семьей человек, имя которого в ту пору знал чуть ли не каждый здешний. Большим, законным уважением пользовался Василий Кузьмич Аверин в среде екатеринославских рабочих. Пройдет слух: сейчас Кузьмич здесь выступать будет, и через несколько минут вокруг того места яблоку негде упасть. До самой души доходило его простое, понятное слово о мире, о войне, о восьмичасовом рабочем дне, о том, каким путем добывать свое счастье трудовому человеку. А путь этот большевиками, Лениным определен, имя ему пролетарская революция.

Верили Аверину потому, что знали — слово и дело его едины и отданы они трудовому народу.

Революция освободила Аверина, члена большевистской партии с 1903 года, из далекой ссылки в Верхоленском уезде Иркутской губернии, на которую он был осужден осенью 1915 года после трехмесячного тюремного заключения. И вот в начале апреля 1917 года — долгожданное свидание с семьей, высланной после его ареста по приказу губернатора из Екатеринослава в калужское село. Казалось бы — теперь отдохнуть после тяжелейших сибирских испытаний, набраться сил, приласкать жену, ребятишек.

На все это — только два дня! Девизом Аверина было: личному считанные часы, вся жизнь — пролетариату, революции. И вот уже снова прощание. Партийное дело зовет Василия Кузьмича в революционный Питер, в ЦК. Оттуда — в родной Екатеринослав.

В июле Аверины вновь поселились в рабочих Кайдаках — колыбели доброго их рода. Здесь, в дальнем уголке, носившем у кайдачан название Папаев переулочек, одиннадцать лет до этого была создана прочная аверинская семья, выдержавшая многие тяжелые испытания.

Первые свои семейные полгода прожили молодожены под кровом Настиного отца — Самсонова. Тяжелым человеком был тесть Василия — еле сносил последний его религиозное ханжество, тесную дружбу с попами, монахами — частыми гостями в здешнем доме. Захаживал сюда и местный урядник. Он-то и «разоблачил» Аверина, сообщив Самсонову о «неблагонадежности» зятя. Разгневанный домовладелец выгнал Василия и родную, уже беременную дочь. Молодые несколько дней перебивались по соседям, пока не подыскали комнату в доме Ивана Чеботкова — в Гречишниковом переулочке, тоже в Кайдаках, против Брянского завода.



Рисунок 30 Дом, где жил В. К. Аверин.

У Чеботкова квартировали почти четыре года. Это самый долговременный екатеринославский адрес Василия Кузьмича. Удобна была чеботковская хата: стояла на самой круче, на краю глубокой балки, по которой легко добраться скрытно до самых дверей. Собирались тут люди прочесть только что добытую Кузьмичом нелегальную брошюрку, обсудить свои большевистские дела. Бывало, хозяин Чеботков, трубник с Шодуара, дежурит возле дома, оберегая гостей от чужого глаза, а когда сменят, тоже подсаживается послушать. Добрый был человек, сочувствовал делу революции, хоть и не примыкал к подполью. И своим постояльцам помогал, видя тяжелое их житье. Иной раз вернет Кузьмичу тайком от сварливой жены трехрублевку, полученную за квартиру. Если бы не та несносная баба — и дальше жили бы Аверины в домике на круче. Но пришлось переехать в 1911 году на другую, негостеприимную, квартиру — снова в Папаев переулок. Новый хозяин, Федор Тихомиров, был груб, прижимист, брал высокую плату: «Скажи спасибо, что и за такие деньги висельника с выводком к себе принимаю!» О нелегальных собраниях в этом доме и помышлять не приходилось... Что подделаешь — трудно подыскать квартиру семье с двумя малыми ребятишками. А когда невтерпеж стало — хоть зубы на полку клади, львиную долю заработка отнимала квартира, — переехали в 1913-м на другую, хоть и тоже недешевую, на Куленковке — в другом районе Кайдак. Хозяин дома Киселев — под стать Тихомирову. Был он в сговоре с полицией и неусыпно следил за постояльцем. Но и в этих тяжелейших условиях Василий Кузьмич не оставался в стороне от дела

партии, был активным ее борцом. У Киселева его и схватила в 1914 году полиция.

На этот раз из-за отсутствия улик Аверина вынуждены были освободить. Некоторое время он работал в Каменском, затем вернулся домой, в Екатеринослав, и снял квартиру в левобережном поселке Бараф. Ненадолго. В июньский день 1915 года Василий Кузьмич был арестован на Брянском заводе, долго томился в тюрьме, а оттуда — в путь сибирский дальний... А теперь, после краткого обзора «аверинских мест» дооктябрьских лет, вернемся на Четвертую Кайдакскую, с которой начат рассказ.

Василий Кузьмич оставался самим собой. Никогда не думал он о собственных удобствах, и семья привыкла к этому. В своих обжитых Кайдаках, когда вернулись жена с детьми из Калужской губернии, поселились сначала в Гречишниковом переулке у Павла Антипова, снимавшего комнату и кухню в доме Смелого. У Павла семья восемь душ, Авериных — шесть. В тесноте, да не в обиде прожили больше месяца, пока не перебрались на Четвертую Кайдакскую в дом Трофимова.

Эта квартира, в ряду перечисленных выше, особенно памятна. Здесь жил Василий Кузьмич в один из самых ярких, «узловых» периодов своей жизни, когда вместе с другими большевиками-руководителями рабочей армии Екатеринослава боролся за победу Советской власти в городе, стоял у ее колыбели в первые три месяца тяжелого 1918 года. Конечно, понятие «жил» в данном случае не очень применимо. По воспоминаниям членов семьи, в те предельно напряженные недели и месяцы редко, очень редко забегал Кузьмич повидаться с семьей. Он весь отдавался борьбе. Таким остался он в памяти родных, товарищей, друзей и соратников.

После восстановления Советской власти в Екатеринославе в январе 1919 года Аверины возвратились в дом 48 по Четвертой Кайдакской. Потом переехали в центр города — в дом № 4 по Гоголевской: трудно было главе семьи добираться к своим в далекие Кайдаки...

Домик по улице Гоголя и особнячок на улице Аверина вы можете увидеть и сейчас. Прочтите надпись на мемориальной доске, установленной на стене этого особняка, отдайте долг уважения памяти славного большевика, чье имя вписалось в революционное прошлое Екатеринослава.

УЛИЦА ГОПНЕР, ДВА

Харьковская улица, уходя от проспекта Карла Маркса в сторону Днепра, принимает в свое недлинное русло совсем коротенькую, всего в один квартал, улицу Гостиную, переименованную недавно в улицу Гопнер. В месте слияния этих улиц стоит красный трехэтажный дом с аляповатым, щедро разукрашенным накладными завитушками фасадом. В этом доме до революции помещались местные контора и магазин российской резиновой фирмы «Треугольник». Мемориальная доска напоминает прохожим, что здесь в 1917 году жил хорошо известный в Екатеринославе деятель большевистской партии Эммануил Ионович Квиринг.

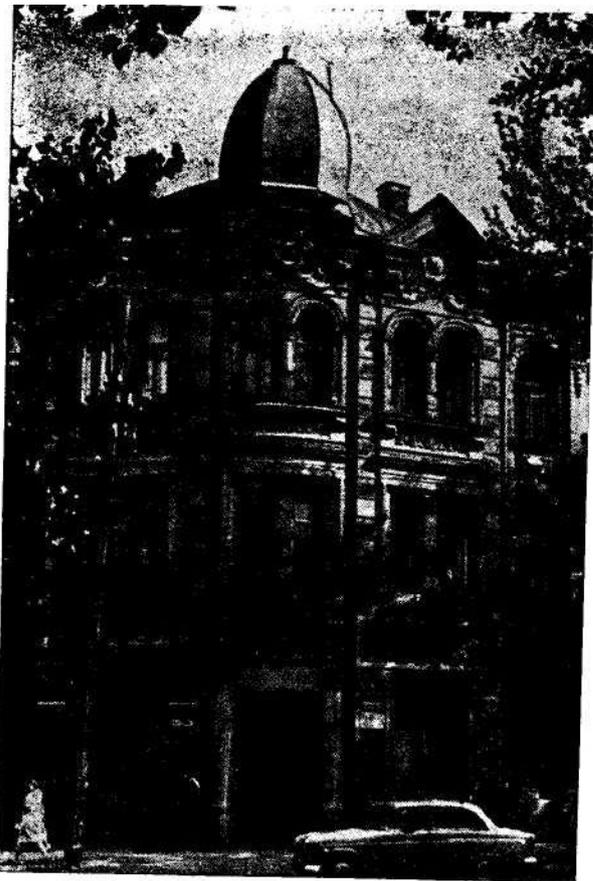


Рисунок 31 В этом доме жил Э.И. Квиринг.

Всего около шести лет, притом с двумя значительными перерывами — сибирская ссылка и период австро-немецкой оккупации Екатеринослава, петлюровщины, белогвардейщины, — был связан Квиринг с днепровским рабочим городом. Но как прочно, органически вошел он в среду екатеринославских большевиков, став в решающие дни 1917 года вместе с несколькими другими испытанными революционерами ленинской школы у кормила местной большевистской организации.

В Екатеринослав Квиринг, высланный из столицы после отсидки в пресловутых «Крестах» по делу Петербургского комитета партии, приехал осенью 1914 года (некоторое время он работал в Каменском) и занял нелегкий пост секретаря Брянской больничной кассы. Первым местом его жительства была Вторая Чечелевка (ныне улица Бабушкина). Здесь, в двухэтажном дворовом флигеле домовладения № 47, он снимал «угол-койку» у солдатки Марины Городько. Дом принадлежал какому-то жандармскому чину, помыкавшему жильцами (он запретил, например, пробить в темной комнатке окно во двор). Но жизнь под таким «крылышком» имела для квартиранта немалые выгоды из конспиративных соображений. Впрочем, через некоторое время, после приезда из Саратова семьи — жены и сынишки Вити, Эммануилу Ионовичу пришлось сменить квартиру. Обосновался он на Четвертой Чечелевке в доме № 40. Две комнатки и дворовая веранда на первом этаже, вернее — на полуторном: внизу, в полуподвале тоже ютились жильцы. На веранду вела скрипучая лесенка. Тут же, во дворе, — «зеленая беседка». Вот и все, что запомнилось Вите (ныне Виктор Эммануилович

Квириг проживает в Свердловске). Он был тогда еще слишком мал, чтобы разобраться в том, почему вокруг дома часто слоняются без дела какие-то дядьки, заглядывают во двор.

...Екатеринославских жандармов беспокоило прибытие опасного большевика по кличке «Моховой». По поводу его развернулась оживленная переписка с петербургской и саратовской охранками.

Необходима была строжайшая конспирация. В сарайчике под грудой антрацита сберегаются холщовые мешочки со шрифтом — готовится выход первого номера местной большевистской газеты «Южная правда», и опыт работы Эммануила Ионовича в ленинской «Правде» как нельзя более кстати.

Но летним вечером 1915 года во время массового «изъятия антиправительственных элементов» полиция наведальась и в дом на Четвертой Чечелевке. Квириг был арестован и сослан в Иркутскую губернию. Из сибирской ссылки Эммануила Ионовича освободила Февральская революция. И путь его — снова в город, с которым в короткий срок он успел прочно сродниться. Вместе с Василием Авериным, Серафимой Гопнер и другими руководителями местного партийного коллектива, к которым вскоре присоединился вернувшийся из ссылки Григорий Иванович Петровский, он прокладывает дорогу Октябрю на приднепровской земле. Тогда и поселился он в доме № 2 по Гостиной.

Впрочем, мало бывал Эммануил Ионович под этой крышей. Он забегал повидаться с женой и сыном в скупые ночные часы, а иногда по несколько дней не являлся домой — революция безраздельно владела им, его силами, временем. А время было напряженное. Митинги, собрания на заводах, в воинских казармах, в садах, на площадях. Ясное и доказательное ленинское слово — против демагогии соглашателей, злобной клеветы украинских буржуазных националистов. Особенно яростная борьба разгорелась в октябре, когда гром выстрела «Авроры» донесся до берегов Днепра.

Местные большевики, руководимые Екатеринославским комитетом партии, готовятся к боям за Октябрь. Эммануил Ионович поспевает всюду. Он — председатель ревкома, принимает участие в трехдневных уличных сражениях 26—28 декабря, в результате которых при поддержке подоспевшего на помощь екатеринославцам отряда московской Красной гвардии побеждает Советская власть.

Как счастливы были двое в доме по Гостиной улице — жена и сын, когда на рассвете 29 декабря забежал на часок домой с радостной вестью глава семьи. И снова нет его. Время председателя Екатеринославского Совета рабочих и солдатских депутатов Эммануила Квирига не принадлежит ему. Оно без остатка отдано строительству новой жизни, созданию органов молодой Советской власти в Екатеринославе, а в конце марта — начале апреля 1918 года — обороне города от австро-германских полчищ.

За сутки до захвата Екатеринослава кайзеровскими войсками семья Эммануила Ионовича покинула квартиру на Гостиной. А сам он вместе с Василием Авериным оставался в городе до последнего часа на своем

ответственном партийном посту. Броневик доставил Квиринга и Аверина на левый берег уже тогда, когда немцы вплотную подошли к вокзалу.

Мемориальная доска на красном доме напоминает о человеке, чье имя прочно вошло в историю борьбы за победу и укрепление Советской власти в пролетарском Екатеринославе. Да только ли в нашем городе? Квиринг занимал в дальнейшем ряд руководящих постов на Украине, в Москве, в 1923—1925 гг. был секретарем ЦК КП(б)У.

НА БЫВШЕЙ ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ

Теперь Ульяновскую можно причислить к городскому центру. А в начале века эта коротенькая, на два квартала, улица прилежала к южной окраине Екатеринослава. Район в основном не рабочий. Заводские люди селились на Чечелевке, в Новых Кайдаках, на Фабрике, на Амуре. А здесь другой, но тоже трудовой народ: ремесленники, мелкие кустари, огородники. Появились уже и тут доходные дома, но ни в какое сравнение не шли они с солидными трех-четырёхэтажными зданиями, выроставшими в центре, потому что снимали квартиры на Ульяновской, на Скаковой люди небольших достатков, экономившие копейку за счет дальних хождений «на своих двоих».

В 1904 году в доме № 4 по Ульяновской поселилась молодая учительница, одесситка, переехавшая на жительство в Екатеринослав. Скромная, приветливая, она пришлась по душе соседям. Где работает — никто не интересовался. Уходила утром, возвращалась нередко поздно вечером.

Не знал домохозяин Манухин, что его квартирантка — член РСДРП, большевичка с подпольной кличкой «Наташа».

То была далекая революционная юность Серафимы Ильиничны Гопнер, вступившей в партию незадолго до этого, в 1903-м. Начало шестидесятилетнего многотрудного пути коммуниста. Тюрьмы, эмиграция, участие в трех революциях. Она умерла в глубокой старости, в 1966 году, и долгая ее жизнь, увенчанная высоким званием Героя Социалистического Труда, — пример непоколебимой верности делу Ленина, с которым Гопнер не раз встречалась.

Надо полагать, не случайно избрала товарищ Наташа для жительства дом № 4 по Ульяновской. Он представлял немалые удобства для того дела, ради которого партия прислала ее в Екатеринослав.

Если не считать лачужки под № 2, дом Манухина был крайним на Ульяновской. Прямо со двора можно пройти на территорию старообрядческого кладбища с его покосившимися крестами. Рядом, перебежать только узкую Херсонскую улицу, — другое, старое городское «православное» кладбище, запущенное, без ограды. Густые заросли кустарника, небольшие рощицы, заброшенные мавзолеи, частокол разнокалиберных памятников... Отличное место, где можно «бесследно исчезнуть» в случае чего...

А «случай» мог произойти ежечасно. Комната Серафимы Ильиничны после основательной проверки соседней стала в 1904—1905 годах одной из главных явочных квартир Екатеринославского комитета большинства РСДРП. Здесь писались тексты листовок, разрабатывались планы проведения митингов, демонстраций, тактика борьбы против местных меньшевистских иудушек.

Домовладелец Манухин кое о чем уже догадывался, но помалкивал. Больше того, он однажды сознательно выручил свою жилищу. Ввалились околоточный с городскими — обыск. Хозяин выставил закуску, бутылку «орластой». Пока непрощенные гости угощались, кто-то из домашних предупредил Наташу и некоторые «вещественные доказательства», и до того неплохо припрятанные, были переправлены в тайник на чердаке.

Вообще Серафиме Ильиничне везло. Выручали хладнокровие, изобретательность, знание правил конспирации.

После организованной большевиками июньской забастовки 1905 года полицейский кулак с яростью обрушился на местный комитет большинства. Наведалась полиция и в дом на Ульяновской: охранка была осведомлена о «зловредной» деятельности Гопнер. Заметив издали наряд городских, сосед Серафимы Ильиничны, мастеровой, по карнизу второго этажа пробрался на балкон комнаты Гопнер и предупредил ее об опасности.

Дом был уже окружен, когда из парадного подъезда вынырнула сгорбленная фигурка старушечки, до носа укутанной не по летнему времени в шерстяной платок, с кошелкой в руках. Видно, заспалась и торопилась на рынок... Дебелые фараоны перемигивались, снисходительно поглядывая вслед проворно ковылявшей смешной бабке. Знали бы они, кого упустили...

По решению комитета Гопнер на время выехала из Екатеринослава. Она возвращалась сюда еще дважды до Октября. В 1916 году товарищ Наташа, ступив на родную землю после нескольких лет эмиграции, где она работала под руководством Ильича, снова в днепровском городе, с которым были связаны самые яркие, незабываемые годы ее революционного труда. И опять старый добрый знакомец — дом № 4 по Ульяновской. В октябре 1905 года, вскоре после отъезда Серафимы Ильиничны, его сожгла во время погрома черносотенная банда, потом здание восстановили.

Но недолго довелось пожить товарищу Наташе на прежнем месте. В начале февраля 1917 года — новый арест, камера Екатеринославского тюремного замка, откуда ее вместе с несколькими другими большевиками освободила Февральская революция.

После февраля товарищ Наташа перебралась в центр города и поселилась в маленьком особнячке на Гостиной улице, носящей теперь ее имя. Этот домик, в середине квартала по четной стороне, рядом с швейной фабрикой имени Володарского, можно увидеть и сейчас. Он памятен тем, что именно здесь в марте 1917 года на квартире Серафимы Ильиничны собрались члены Екатеринославского комитета РСДРП(б), чтобы обсудить вопрос о предстоящем выходе большевистской «Звезды».

К осени 1917 года Серафима Ильинична переехала в соседний дом № 2 по Гостиной, где проживал ее друг и товарищ по оружию Э.И. Квириг. Этот ее адрес упоминается в датированном 17 октября списке местных большевиков, кандидатов в Учредительное собрание по Екатеринославской губернии, в число которых она была выдвинута вместе с Г.И. Петровским, Э.И. Квиригом, В.К. Авериным, С.Н. Власенко и рядом других.

В доме по Ульяновской (теперь — Кавалерийская ул.) в наши дни расположен областной отдел народного образования. А старые стены хранят память о далеких днях, о славной женщине-коммунистке, боровшейся за будущее, близившей его в революционных боях.

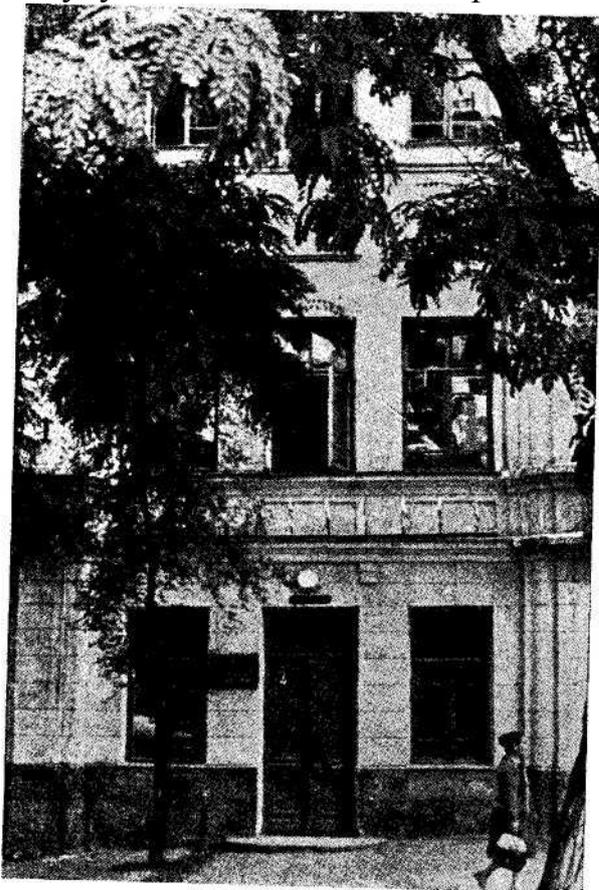


Рисунок 32 Тут жила С.И. Гопнер.

СТРАНИЦЫ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ



83

Кодак

85

Возле Старой Игрени

88

Слава Севастополя

90

Памятник на колесах

92

Героям огненных лет

93

Штаб Первой Конной

95

Другой Пушкин

97

Крыло, вонзенное в землю

100

Студентам-воинам

102

В огне революции, в пламени боев

104

Через Днепр широкий

106

В небесах и на земле

110

Жил коммунистом, умер коммунистом

112

Вместо меня будут тысячи!

114
Ее расстреляли на рассвете...
116
Остановись, склони голову!
118
На улице Успенских
120
У Победы — своя память

КОДАК

Короткое, но много говорящее уму и сердцу слово. В наше время — лишь слегка измененное название пригородной местности за Лоцманской Каменкой — здесь было вошедшее теперь в городскую черту днепровское село Старые Кайдаки, лежавшее против первого порога.

Высокий правый берег, господствующий над Днепром, скошен обрывом гранитного карьера. Полустертые временем очертания земляных валов да мемориальный обелиск на возвышенности — вот и всё, что напоминает современникам о славных делах предков, которым более чем три века.

Первая половина семнадцатого столетия. Какое безлюдье вокруг! Рука человечья не прикасалась к зеленым, поросшим глухими дубравами берегам. Бурлит Кодацкий порог, неумолчный гул днепровских вод, вскипающих между скал и каменных забор, наполняет окрестности.

Сюда, немного выше порога, пристали тяжелые челны короля Сигизмунда. Возглавлял военную экспедицию Гийом Левассер де Боплан, старший капитан артиллерии Войска Польского.

Семнадцать лет за щедрые червонцы служил французский инженер королям Сигизмунду и Владиславу. Слыл он знатоком нашего края. От Киева до Хортицы, преодолев грозные пороги, проплыла возглавленная им экспедиция, побывала на Орели, на Самаре... И всюду, где ступала его нога, делал обмеры дотошный чужестранец, составляя карту бассейна Днепра. Вернувшись на родину, издал он книгу об Украине, рассказал о людях, о природе этой всем изобильной страны.

Рассечь мечом великий днепровский путь, преградить непокорным холопам дорогу на вольнолюбивую Сечь — вот к чему стремилась польская шляхта, посылая Боплана подыскать место для крепости.

Место, предложенное французом, подошло. Много натесали тяжелых дубовых колод. И гранитных глыб вокруг хватало. Но главным строительным материалом было дерево.

Предоставим слово самому Боплану:

«На Койдаке в июле 1635 года был заложен мною замок; но после моего отъезда в августе месяце некий Солиман (Сулима — М. Ш.), предводитель мятежных казаков, возвращаясь с моря и видя, что замок преграждает ему путь, напал на оный врасплох и изрубил двухсотый гарнизон, состоявший под начальством полковника Мариона, родом

француза. Взяв и разграбив сию крепость, Солиман возвратился в Запорожье. Но казаки недолго владели Кодаком: по распоряжению Конецпольского, кастеляна Краковского, они были осаждены... и взяты в плен...»



Рисунок 33 Обелиск на территории бывшей крепости Кодак.

Покатилась под секирой варшавского палача голова храброго Сулимы. Отгремела война 1637—1638 годов с восставшим Запорожьем. И снова пришло к верхнему порогу теперь уже четырехтысячное польское войско и стояло тут месяц, пока сноровисто укреплял Боплан разгромленный сечевиками замок. Конецпольский оставил в нем мощный двухтысячный гарнизон. Еще выше поднялись над Днепром крепостные валы, грозно глядели со стен пушечные жерла. Не тогда ли затребовал хвастливый Конецпольский в Кодак запорожскую старшину, чтобы припугнуть ее видом неприступной твердыни. И бросил ему в лицо Чигиринский сотник Хмельницкий знаменательные, по-латыни произнесенные четыре слова: «ману факта — ману деструа»: созданное руками — руками и разрушается.

Пророческими оказались эти слова. Прошло десять лет, и в пору освободительной войны 1648—1654 годов отряд казаков из войска Богдана Хмельницкого овладел Кодаком, навсегда положив конец господству польской шляхты в этих краях.

Сохранившиеся и донныне следы земляных укреплений крепости Кодак напоминают современнику о кровавых боях, отбушевавших здесь в далекую пору, о воинской доблести запорожцев, о тщетности всех попыток чужеземцев закрепиться на нашей земле.

А знаете ли вы, что именно в Кодаке во времена Петра I кинул клич, собирая свое новое войско, донской казак Кондратий Булавин и пошли под

его боевые знамена сотни запорожцев, отстаивая вместе с русскими братьями право на свободную жизнь, без помещичьей кабалы.

Не только о седой старине напоминают здешние места, но и о могучей творческой силе нашей советской эпохи. Гляньте через Днепр, на котором давно уже отшумели свое буруны Кодацкого порога. В легкой речной дымке высятся трубы, величественные сооружения одной из мощнейших в мире Приднепровской ГРЭС, равной четырем Днепрогэсам, кварталы социалистического города Приднепровска, выросшего в наши дни, уже после Великой Отечественной войны, возле некогда нищего, а теперь зажиточного колхозного села Чапли.

ВОЗЛЕ СТАРОЙ ИГРЕНИ

С возвышенной точки парка Шевченко в ясную летнюю погоду, чуть в стороне от высоких труб Приднепровской ГРЭС, вы ясно разглядите россыпь домишек Старой Игрени и белую церковную колоколенку. Пусть будет она ориентиром для нахождения места, расположенного неподалеку от нее, возле устья Самары и называемого в местном обиходе Игрениским полуостровом.

Местами пологий, местами обрывистый берег, поросший камышом и осокой... Казалось бы, ничем не выдающееся, малопримечательное место. Но почему же здесь, особенно после весеннего половодья, часто встретишь неутомимых школьных следопытов; да и взрослые «дяди» и «тети», работники Днепропетровского исторического музея, — тут нередкие гости. Впрочем — они ли только? Небольшой Игрениский полуостров — широко известное, притягательное место для археологов всей Украины.

Что же произошло на этом «пяточке», чем знаменателен он не только для людей науки?

Перенесемся на три века с небольшим в глубь времен, точнее — в год 1660-й. Вот как видятся сейчас события одного дня в далеком семнадцатом веке.

...Было это, вероятно, в конце лета. Хищная десятитысячная татарская орда, вдоволь «погуляв» на зеленых просторах украинского правобережья, предав огню и разграблению десятки мирных городков и сел, возвращалась с богатым «ясырем» — добычей домой, в Крым. Место для переправы через Днепр на левый берег выбрали с умыслом — решили наведаться на обратном пути в урочище Самарской па-ланки в расчете на то, что запорожских лыцарей, с которыми лучше не встречаться, в эту пору года дома нет. Да и удобным было это безлюдное место в районе нынешнего Днепропетровска. Густой, подступавший к самому берегу лес — обилие материала для плотов; острова, на которых можно было остановиться для передышки. Прикинув скорость течения, можно уверенно предполагать, что именно отсюда началась роковая для крымчаков переправа.

Да, роковая. За ними уже следили из укромных уголков зоркие, ненавидящие глаза. Занятые вязкой плотов для пленников и другой подготовкой, не видели татары черного дыма, поднявшегося столбом на

крутой горе над Днепром. Еще один столб встал ниже, в районе курганов Близнецы...



Рисунок 34 Место битвы запорожцев Ивана Сирко с татарами в 1660 году.

Тысячи коней, погоняемых гортанными криками, ринулись вплавь. Татарские воины держались за их хвосты. Одежда и оружие каждого — на особом плотике из жердей и вязок камыша... На плотках, также влекомых лошадьми, — заплаканные девчата, прочно связанные парубки и совсем еще ребятишки — «товар», особенно ценимый на невольничьих рынках Смирны и Стамбула. Стариков, пожилых женщин не брали — рубили кривыми ятаганами. Только на одном плоту — трое бородатых, уже в летах. На полном мужчине — подрванная, видимо, при пленении дорогая камчатная ферязь.

...Вот уже близок песчаный берег возле Самары. Еще несколько минут — и опасности днепровской переправы останутся позади. Коснулись речного дна копыта передних коней...

Но вдруг прокричал, совсем не ко времени, филин, ему отозвался еще один. И ринулись к берегу, словно на крыльях, десятки челнов — «чаек» запорожских, которые укрывались в густых зарослях камыша и лозы на изрезанных заливами берегах окрестных островов, в полумраке раскидистых крон старых, склонившихся над водою осокорей. Точный момент для внезапного нападения избрал запорожский полководец, кошевой атаман Иван Сирко!

Долго гремела кровавая сеча, звенела сталь о сталь, бухали запорожские самопалы, длинноствольные пистолеты... Кончился бой на

берегу лишь тогда, когда немногих уцелевших татар спасла всем известная резвость их низкорослых коней...

Сокрушительный разгром нанесли крымской орде возле устья Самары храбрые запорожцы, еще одну славную победу над степными разбойниками вписал в историю Сечи талантливый военачальник Иван Дмитриевич Сирко, слава о котором далеко шагнула через границы Украины и дошла даже до французской земли. Вернулись в родные места освобожденные отрядом Сирко молодые пленники и те трое бородатых — московский воевода Василий Шереметьев со своими людьми, плененный перед этим татарской ордой.

Три века прошло с тех пор. Многое изменилось вокруг. Только возвышенная «макушка» бывшего острова Старухи, где стояли когда-то в засаде запорожские «чайки» Сирко, осталась над водами Днепра. Ушла под его тихие волны и часть другого близлежащего острова, где, видимо, также находились в тот памятный день степные рыцари, по Боплану — Конского, у Самарского устья. Да и место сражения — частично на дне речном. Но и то, что открыто теперь нашему взору, щедро вознаграждает поиски энтузиастов истории. Много интереснейших памятков прошлого, немых свидетелей кровавой битвы, хранится в Днепропетровском историческом музее, в витринах музея юных краеведов школы № 11 города Приднепровска. Ржавые обломки холодного и огнестрельного оружия, старинные пули, пуговицы, глиняные запорожские люльки, подковы... Обо многом могли бы они порассказать. Каким был он, тот писарь Самарской паланки, чьи печать и походную чернильницу «каламарь» отдал недавно в руки краеведов днепровский песок. Или тот богатырского роста казак, скелет и даже лихой чуб «оселедец» которого откопали недавно школьные следопыты...

Много, много костей. Кости воинов. И тонкие хрупкие косточки украинских ребятишек семнадцатого века, которых, как видно, безжалостно прикончили их «владельцы», когда убедились, что не довести им «ясырь» до невольничьих рынков. Большое скопление детских костей найдено примерно в километре от берега, невдалеке от белой церковной колокольни.

Новая жизнь бурлит ныне на Игринском полуострове. Слышно, как гремят поезда в пролетах Самарского моста. Плещет днепровская волна, рассекаемая быстроходными «ракетами». Могуче дышит построенная совсем невдалеке отсюда Приднепровская ГРЭС. Почти рядом с местом давней битвы вырастают корпуса новых промышленных предприятий. Легендами и преданиями обросли славные подвиги запорожских рыцарей, чьи останки еще бережет чистый, давно отмытый от крови песок. Когда-то, по преданию, пропитала она его на аршин глубиной.

Игринский полуостров — свидетель давней славы запорожской. Славы талантливого полководца Ивана Сирко и его храброго войска, разбившего не числом, а умением огромную хищную орду. Тут была жаркая битва с разбойными захватчиками. Конец им всегда один.

СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ

Трамвай первого маршрута свернул с людного и широкого проспекта Гагарина на параллельную ему Севастопольскую улицу, застроенную уютными особняками. Остановка — парк. Старожилы помнят в этих местах старое кладбище на крутом днепровском склоне, чем-то напоминавшее по виду знаменитое левитановское полотно «Над вечным покоем». В отдалении маячила Лазаревская церковка, построенная в 60-х годах прошлого века и связанная с посещением Екатеринослава самодержцем-«освободителем» Александром II.

Вид этого кладбища всегда вызывал чувство высокого уважения к памяти многих тысяч российских воинов, кто лег здесь когда-то в приднепровскую землю.

Герои Малахова кургана, Корабельной стороны, сражений при Альме и Балаклаве... Как оказались они в Екатеринославе, отдаленном на полтысячи верст от крымского театра военных действий? Ответ на это связан с именем великого отечественного медика Николая Ивановича Пирогова.

Направляясь в Крым в самом начале войны, Пирогов проездом задержался в Екатеринославе. Он думал о тех уже принесенных и будущих жертвах, которые потребует она, о лечении раненых. У этого замечательного человека был государственный ум, он умел многое предвидеть.

Бои за Севастополь шли день и ночь. Перевязочные пункты не вмещали поступавших отовсюду раненых. Николая Ивановича, распорядителя переполненных госпиталей, не оставляла мысль о тех, кто может остаться без всякой врачебной помощи. Его решением было: взять наиболее транспортабельных, кто сможет вынести дальний путь на тряской подводе, в Екатеринослав, где в богоугодном заведении (теперь больница имени Мечникова) и в некоторых других общественных зданиях были уже по его указанию развернуты лазареты. Хорошо знал Пирогов: выживут не все, но другого выхода не виделось. Иначе могло погибнуть намного больше.

То был страшный конвейер смерти. По бездорожью в осеннее ненастье тянулись на север бесконечные обозы с ранеными, навстречу другие — порожняком. Сколько не доехало до места?.. Тысячи умерли в переполненных палатах богоугодного заведения от плохого ухода, от гангрены, от разных болезней. Каждое утро вывозили за версту на юг мертвецов. На зеленом склоне Днепра быстро росло кладбище, которое народная молва сразу окрестила Севастопольским. На каждом кресте можно было бы написать пятьдесят, семьдесят, сто имен... Но могилы оставались безымянными. Лазаретные писари не слишком точно вели свои конторские книги. Ведь дело шло о «серой», в значительной части крепостной «скотинке».

По дошедшим до нас сведениям, на Севастопольском кладбище во второй половине пятидесятых годов похоронено свыше сорока тысяч защитников черноморской твердыни. К началу Крымской войны, в 1853 году, маленький губернский городок Екатеринослав насчитывал 13011 жителей...

Шло время. Закрылись госпитали. На Севастопольском кладбище появились могилы «штатских» покойников, с юга примкнуло к нему военное кладбище, где хоронили умерших солдат стоявших в городе полков.

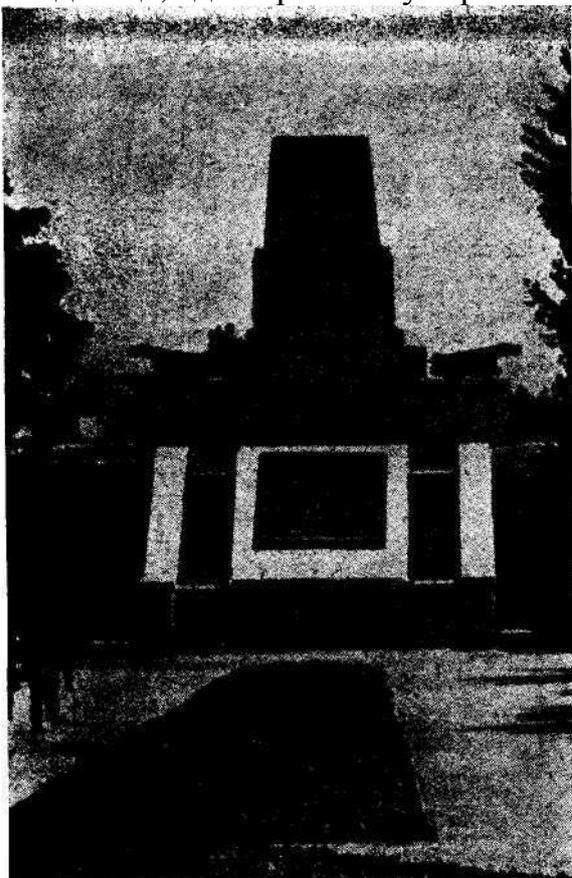


Рисунок 35 Севастопольский парк.

Здесь в майский день 1893 года было предано земле тело скончавшегося в земской больнице талантливого украинского поэта Ивана Ивановича Манжуры. Его могила осталась неизвестной. Старожилы помнят черное мраморное надгробие над могилой умершей в начале нашего века в Екатеринославе и похороненной рядом со своими героями известной детской писательницы Анны Петровны Валуевой-Мунт, одна из многочисленных книг которой посвящена Севастополю и его славному прошлому.

Трагической страницей вошла в историю кладбища огромная братская могила, вырытая здесь в апреле 1918 года. В ней похоронены тела сотен красногвардейцев, жертв зверской расправы австро-немецких оккупантов и петлюровцев на привокзальной площади после захвата ими Екатеринослава.

Неузнаваемо преобразился после Великой Отечественной войны этот уголок Днепропетровска. В ознаменование столетия героической обороны Севастополя на живописных склонах разбит красивый парк с чудесным видом на Днепр и Заднепровье. Центральная аллея ведет к невысокому, отлично спланированному монументу-кургану, лестница, парапеты, верхняя увенчанная обелиском часть которого построены из камня, добытого в Инкерманских, что под Севастополем, каменоломнях. Все напоминает здесь о славе отечественного оружия, о тех тысячах российских солдат, останки которых покоятся в Днепропетровске: портреты знаменитых руководителей

обороны Севастополя П.С. Нахимова и В.А. Корнилова, бесстрашного матроса Кошки, славного отечественного хирурга Н.И. Пирогова, не раз бывавшего в Екатеринославе и после окончания Крымской войны; старые чугунные пушки на лафетах — современницы Севастопольской кампании. И — лаконичная надпись на обелиске, относящаяся к тем, кто похоронен тут: «Вечная слава героям Севастопольской обороны!»

ПАМЯТНИК НА КОЛЕСАХ

Человек, впервые попавший на бывшую Брянскую площадь, где высится вот уже сорок лет здание старейшего в Днепропетровске рабочего Дворца культуры металлургов имени Ильича, обязательно остановится возле бронеплатформы.

Большая, массивная, с колесами на спицах, давно уже вышедшими из «моды», застыла она на рельсах, уложенных на невысоком постаменте. Добротнo приклепаны к бокам толстые броневые листы, впечатление надежности производит невысокая бронированная коробка, нечто вроде блиндажа, занимающая часть платформы. Из узких амбразур по углам выглядывают дула четырех пулеметов — испытанных «максимов» в рубчатых кожухах. На противоположной стороне чуть приподняла над бортом свое некогда грозное жерло старая, бывалая трехдюймовка. Словно веет еще пороховым дымом от этого ветерана на колесах, участника дальних походов и давно отгремевших боев.

О боевых делах екатеринославских пролетариев на первом году Советской власти — строки воспоминаний красногвардейца Павла Акимовича Козлова, члена партии большевиков с 1917 года, рабочего-трубника завода «Шодуар А»:

«В начале января на нашем заводе из железнодорожного пульмана спешно соорудили бронеплощадку. На ней установили трехдюймовое орудие, прорубили бойницы для четырех пулеметов. Такую же бронеплощадку построили у себя и наши соседи-брянцы.

По распоряжению губревкома 8 января 1918 года на станции Екатеринослав, в Церковном тупике был сформирован бронепоезд из восьми классных вагонов при двух бронеплощадках. Бронепоезд готовился для борьбы против генерала Каледина. Экипаж бронепоезда состоял из красногвардейцев. В составе этого экипажа выехал на фронт против банд Каледина и я. От нашего завода отправилось на фронт тогда 130 красногвардейцев, от Брянского — 150 человек».

Многое запомнилось ветерану екатеринославской Красной гвардии. И командиры бронеплощадки — шодуаровец Яковлев Демьян и брянец Никита Роботенко, всегда ходил он в матросской форме. И как умело действовал возле пушки другой Яковлев — Петро, родной брат командира, бывший артиллерист царской армии. А командиром всего бронепоезда был Сорокин из Брянского ревштаба.

И первый бой в Таганроге, плечом к плечу с донецкими шахтерами из Юзовки. Метким огнем ночью по вокзалу выкурили оттуда калединцев, а наутро в уличном бою вышибли их из города.

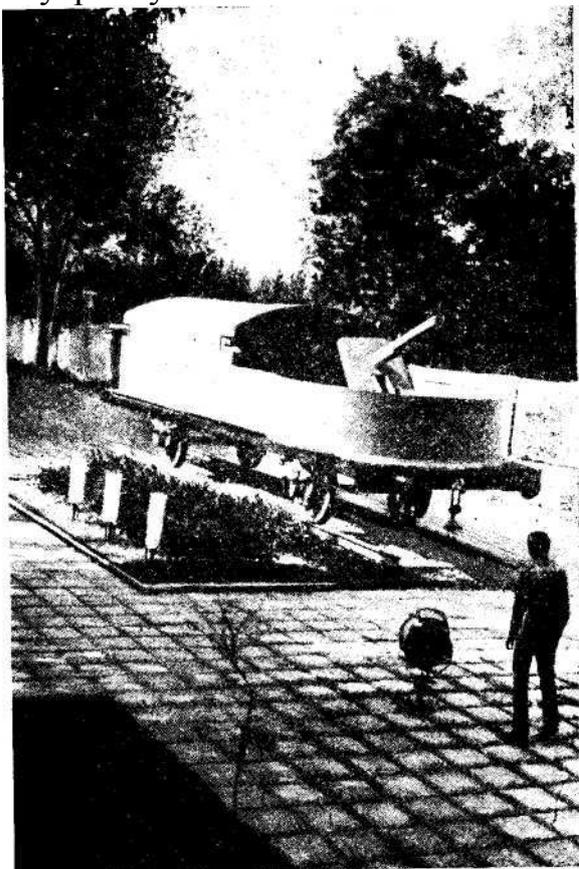


Рисунок 36 Бронеплатформа времен гражданской войны.

Много сотен верст отгремел по стальным путям екатеринославский бронепоезд. Не скоро довелось его экипажу увидеть родные места, многих побратимов не досчитались... В память о них, в память о тех героях, кто не вернулся четверть века спустя с фронтов Великой Отечественной, пылает неугасимый огонь возле двух мраморных плит у проходных ворот Петровки.

...Густая свежая краска скрыла еле заметные вмятины от пуль, щербинки от снарядных осколков. Карабкается по буферам, берет на abordаж бронеплатформу веселая, шумливая ребячья армия. Становятся на «пост» возле замолкшей трехдюймовки внуки тех, кого мы называем поколением семнадцатого года, заглядывают в черный глазок пулеметного дула, накалявшегося некогда от длинных яростных очередей... Пусть никогда не узнают войны ребятишки, чье раннее счастливое детство пришлось на великое пятидесятилетие. А старшие, проходя мимо бронеплатформы-ветерана, думают о том, что уже никогда не понадобится нам вот такая военная техника в эпоху сверхзвуковых самолетов и межконтинентальных ракет — современной несокрушимой брони мирного нашего труда. Но как символично звучат и сейчас высеченные на островерхой гранитной глыбе в двух шагах от бронеплатформы заключительные строки знаменитой «Песни о Каховке» нашего земляка Михаила Светлова:

*«Мы мирные люди,
Но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!»*

ГЕРОЯМ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Живописная скульптурная группа. Особенно хорошо смотрится она летом, на фоне густой сочной зелени. Фигура рабочего с полуразвернутым знаменем в руке, венчающая стройную композицию. На постаменте — вооруженные пролетарии. Крепко сжимают винтовку, рукоять шашки мозолистые руки.

Вот уже более десятка лет стоит на рабочем Амуре этот памятник мужеству, воинской отваге екатеринославцев — первых бойцов за власть Советов.

Не случайно его местоположение. Тут, рядом с памятником, спят вечным сном герои далеких огненных лет гражданской войны.

...Боевой восемнадцатый год. Шел жаркий бой за левобережный Екатеринослав. Петлюровцев — как саранчи. Слишком неравны были силы.

Девятнадцать красноармейцев, раненных в бою, попали в руки врагов. На них выместили они всю злобу на молодую власть рабочих и крестьян — недобитыми зарыли в общей могиле. Старые люди рассказывали: кровь героев, проступившая на поверхности, помогла людям обнаружить место страшного злодеяния.

Памятник героям гражданской войны на Амуре так же символичен, как и монумент Прометея в Днепродзержинске.

Возле тех, кто пал от рук кайзеровских прихвостней, было предано земле тело Вани Тульского, рабочего парня с Амура, героя сражения за екатеринославский железнодорожный мост в декабре того же 1918-го. И здесь желтоблакитное воинство взяло числом. Схватили петлюровцы Ваню и еще живым сбросили с моста на днепровский лед...

Свыше двадцати пяти раз менялась в Екатеринославе власть за годы гражданской войны... Летом 1919-го захватила город оголтелая шкуровская белогвардейщина. Чья-то подлая рука указала озверелому офицеру конспиративную квартиру оставленного на Амуре в большевистском подполье комиссара Кочкина. Его изуродованный труп люди похоронили тайком, в ночную пору, тоже там, возле тех девятнадцати. А год спустя уже после того, как навсегда изгнала из этих мест Красная Армия деникинскую нечисть, на маленьком братском кладбище выросли еще два могильных холмика: в 1920 году враг сразил из-за угла секретаря партийного райкома Александра Манкевича и чекиста Степана Шуклина, начальника районного угрозыска.

Как и «Прометей», памятник героям гражданской войны на Амуре стал величественным надгробием для первых поколений борцов, отдавших жизни за дело трудового народа.

Много их погибло в гражданскую войну на Амуре. Упорными были и бои в двадцатых числах января 1919 года, которые вели здесь против

петлюровцев наши наступающие части под командованием легендарного героя тех лет Павла Дыбенко. Красноармейская газета «Борец за свободу» рассказала на своих страницах о мужестве группы наших разведчиков, попавших в окружение и встретивших смерть как подобает советским воинам. А те сотни шодуаровцев, вагонников, которые вместе с брянцами и трубниками правого берега входили в команды красных бронепоездов, громивших белогвардейщину в Донбассе, в Приазовье и на Дону, и не все вернулись домой, — о них тоже вспоминаешь, глядя на этот памятник.



Рисунок 37 Памятник героям гражданской войны в Амур-Нижнеднепровске.

Стоит на Амуре скульптурная группа, овеществленная память о геройских подвигах отцов, не пожалевших жизни за молодую Советскую власть. Тех, кто передал как эстафету грядущим поколениям бессмертную славу и нестареющую боевую песню:

*...Смело мы в бой пойдём
За власть Советов
И как один умрём В борьбе за это!*

ШТАБ ПЕРВОЙ КОННОЙ

Шевченковская, пятьдесят девять. Теперь здесь один из корпусов Днепропетровского государственного университета. Когда-то, до революции, этот огромный трехэтажный корпус на углу улиц Шевченко и Карла Либкнехта называли коротко «дом Мизко».

Построил его и владел этим доминой один из представителей местного богатого дворянского рода, обладателя обширных земельных владений, известного на Екатеринославщине с конца XVIII века.

Были в нем жестокие помещики-крепостники, реакционные чиновники-самодуры, каким показал себя, например, первый директор Екатеринославской гимназии Д.Т. Мизко (1772—1847). Сын его, Николай Дмитриевич Мизко пошел по иному пути — стал известным в свое время литератором, автором многих статей и книг о выдающихся деятелях русской и украинской культуры. Но он явился, пожалуй, единственным исключением в нескольких поколениях рода богачей-стяжателей, отлично приспособившегося в конце прошлого века к новым, капиталистическим условиям. Зайдите во дворы этого дома, буквально стиснутые каменными стенами. Каждая квадратная сажень служила получению чистогана. В одном крыле, кроме многочисленных состоятельных жильцов, помещался одно время польский клуб «Огниско», в другом — частная женская гимназия Степановой, что приносило домовладельцу солидные доходы.

Кончилась гражданская война. В канун 1920 года Красная Армия вышвырнула из Екатеринослава белогвардейскую свору Деникина.

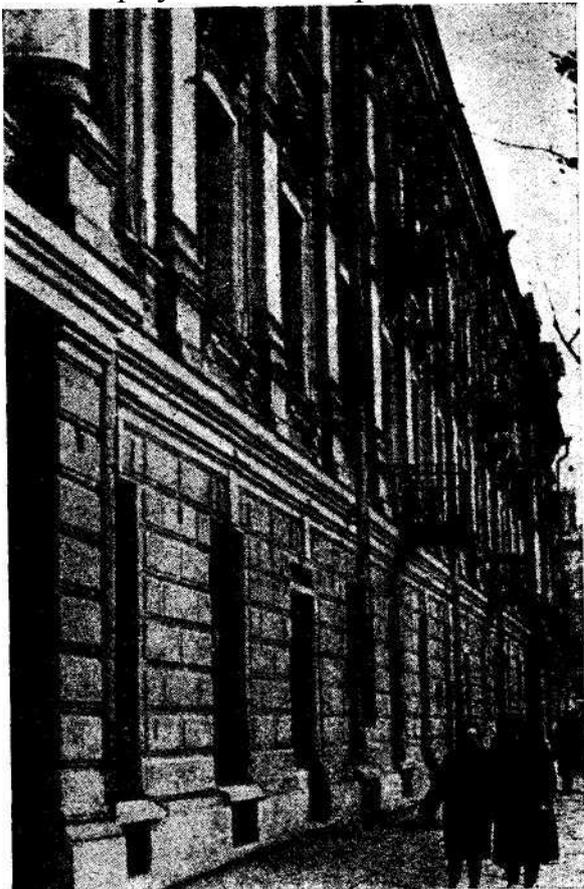


Рисунок 38 Здесь находился штаб Первой Конной.

Пятого мая 1920-го по железнодорожному мосту, взорванному махновцами и только что восстановленному героическим трудом екатеринославских металлистов и железнодорожников, прошли головные эшелоны Первой Конной, спешившей на новый, польский фронт.

Под самой Варшавой сверкали клинки наших кавалеристов. Овеянная воинской славой Первая Конная в 1921 году дислоцировалась в Екатеринославе и губернии. Тогда в национализированном государством бывшем доме Мизко расположился ее штаб. Он занял часть здания, выходящую на нынешнюю улицу Карла Либкнехта, тогда называвшуюся еще Казанской.

Людным и шумным был в те месяцы второй, считая от проспекта, квартал Казанской улицы. По бульжной мостовой гремели колеса тачанок, высекали искры подковы, спешивались и торопились к главному входу, охраняемому двумя часовыми в буденовках с высокими шишаками, связные из полков. По утрам и в послеобеденные часы люди, собиравшиеся возле штаба, шумно приветствовали популярных командиров Первой Конной, героев гражданской войны Семена Михайловича Буденного и Климента Ефремовича Ворошилова. Их знал в лицо после военного парада, состоявшегося в городе, чуть ли не каждый екатеринославец.

Жили Буденный и Ворошилов неподалеку от штаба, на следующем квартале Казанской, в особняке под номером шесть, где ныне народный суд Октябрьского района. И туда пролегла заветная дорожка. Немало было и в те годы юных добровольцев, мечтавших одеть досрочно заветную буденовскую форму, оседлать боевого коня.

В старое время существовало злое, досадливое слово «постой». На шее простого трудового человека, и не только в селе, сидели военнослужащие, расквартированные по домам. На них глядели отчужденно, их сторонились, ждали с нетерпением, когда уберутся подобру-поздорову.

Как разительно изменились отношения между армией и народом уже в первые послеоктябрьские годы! Не постояльцем-объедалой, а защитником мирного труда, его непосредственным участником была Красная Армия в местах ее дислокации. Так было и в Екатеринославе. Бойцы и командиры Первой Конной участвовали в восстановлении разрушенных во время войны зданий, в субботниках, из их скудных пайков выкраивалась доля для детдомовских ребятишек в ту тяжелую голодную пору. Немало потрудились политработники-конармейцы, работавшие плечом к плечу с коммунистами Екатеринослава. Не удивительно, что частыми посетителями штаба на Казанской были не только военные, но и штатские. Участники екатеринославских субботников 1920 года помнят, с каким энтузиазмом на этих субботниках вместе с людьми гражданскими трудились и подразделения красных конников, как Буденный и Ворошилов «на пару» тащили, взвалив на плечи, увесистые бревна.

Добрую память о себе оставила в Екатеринославе Первая Конная, носительница не только воинской, но и трудовой славы в самом начале мирного социалистического строительства. Ее преемницей в этом отношении явилась знаменитая 30-я Иркутская дивизия, многие годы связанная тесными узами дружбы с тружениками днепровского города.

После выезда штаба Первой Конной «дом Мизко» был отдан в распоряжение молодого поколения екатеринославцев и стал «Домом

пролетарского студенчества». Так расшифровываются три, наверное, непонятные современной молодежи литеры: «ДПС», до сих пор виднеющиеся на угловом фронтоне здания.

ДРУГОЙ ПУШКИН

«У нас два памятника Пушкину», — говорят в Днепропетровске.

Да, это так. На Пушкинском проспекте стоит вот уже шестьдесят восемь лет на гранитном пьедестале бюст поэта земли российской Александра Пушкина. А в нагорном районе города, на перекрестке проспектов Карла Маркса и Гагарина, взошел на покатый постамент и застыл на нем, чуть выдвинув вперед потускневшие звенья гусениц, боевой танк. Никогда уже не вырвется из черного дула его орудия молния меткого выстрела, не покажется из-за поднятой крышки люка в скудные минуты затишья закопченное лицо механика-водителя.

Это танк-памятник, танк-песня. Песня мужеству другого Пушкина, Ефима Григорьевича, замечательного советского военачальника, чья солдатская судьба прочно вписана в книгу истории Днепропетровска времен Великой Отечественной войны.

...Грозный август сорок первого года. Враг стремится к городу с нескольких направлений. Колонны приземистых бронированных машин, меченных черно-белыми крестами, движутся со стороны уже захваченного гитлеровцами Днепродзержинска. Кажется, нет силы, способной остановить эту стремительную стальную лавину, и она с ходу ворвется в Кайдаки, на центральные улицы Днепропетровска.

Но случилось неожиданное. Дрогнула земля, заволокло ее дымом яростных оружейных выстрелов. Точно, сокрушительно били из-за укрытий умело расположенные за буграми, в перелесках, замаскировавшиеся между зданиями советские танки, поддержанные нашей артиллерией. И не выдержал металл, отлитый на заводах фашистской Германии и оккупированных ею стран Европы. Поднялись к небу десятки черных дымов над пылающими гитлеровскими танками. Уцелевшие чудища в беспорядке разворачивались, подставляя под наш огонь следовавшую за танками на автомашинах серо-зеленую «инфантерии — пехоту.

Гитлеровцы повторили атаку, но лишь увеличили этим свои потери...

Через несколько дней после этого Совинформбюро сообщило о беспрецедентном сражении «на подступах к городу Д». По данным разведки, Гитлеровцы потеряли 99 танков, 100 автомашин, много различного вооружения, около тысячи солдат убитыми. Ночью после боя в наш тыл были отбуксированы два брошенных экипажами фашистских танка, а остальные взорваны советскими саперами.

Героями этого боя под Диевкой-Сухачевкой, где в 1918 году бесстрашно сражалось против кайзеровских полчищ первое поколение красноармейцев, были танкисты полковника Пушкина. На груди его вскоре засверкала «Золотая Звезда», награда Отечества за доблестную оборону Днепропетровска.

Красивую жизнь, оборвавшуюся на сорок пятом году, прожил этот кадровый военный человек, выходец из рабочей семьи. Одиннадцать лет было ему, когда определился на астраханские рыбные промыслы. В девятнадцать, в разгар гражданской войны, одел красноармейскую шинель. Был Ефим Григорьевич одним из тех одаренных полководцев, который, наверное, прошел бы классический путь от солдата до маршала, если бы не славная смерть на поле боя. Начав Великую Отечественную с четырьмя шпалами полковника, он за два года сменил их на полевые генеральские погоны. И снова свела генерал-лейтенанта Пушкина судьба с Днепропетровщиной. Теперь его танки уже не сдерживали врага, а гнали его неумолимо на запад. Освобождено Криворожье. Перед тридцатьчетверками танкового корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Пушкин, распахнулись просторы соседней Николаевской области. 11 марта 1944 года возле КП командующего корпусом разорвалась немецкая авиабомба. Ранение было смертельным...



Рисунок 39 Памятник генералу Е. Г. Пушкину.

Его могила — в Днепропетровске, на братском кладбище, рядом с прахом товарищей по оружию, которые пали, как и он, освобождая землю Приднепровья. Всего за квартал к востоку — тот танк на постаменте, с которого начат этот короткий рассказ о втором Пушкине. Память о нем, как и память о великом народном поэте, не изгладится на днепровских берегах.

КРЫЛО, ВОЗНЕННОЕ В ЗЕМЛЮ

Красивый парк имени Ленина в Кайдаках, тихий и просторный. Нет здесь каменистых круч, как в другом прибрежном парке Днепропетровска, в

восточной его части — парке имени Шевченко. Спокойно и размеренно спускается он по пологому склону к Днепру.

Направляясь к реке по центральной асфальтированной аллее, думаешь о том, что только при Советской власти мог возникнуть такой вот зеленый оазис при рабочем поселке. Был тут долгое время пустырь возле дымной Брянки. В первые годы существования завода невдалеке, на обрывах Крутого оврага, многие брянцы рыли землянки, не зря прозванные «волчьими норами». Существование, а вернее прозябание в них нельзя было назвать человеческой жизнью.

Сидят на скамейках с газетами в руках пенсионеры-ветераны, шалют ребятишки. Мирное время. Ничто не напоминает о том, что свершилось здесь более четверти века назад...

Заняв 25 августа 1941 года правобережную часть Днепропетровска, гитлеровцы с ходу попытались просочиться на левобережье. Они использовали некоторое время нашу понтонную переправу выше моста, которую не удалось полностью вывести из строя. А когда мы ее уничтожили, фашисты пытались навести новую, чтобы переправить через Днепр тяжелую боевую технику.

Можно представить себе, что творилось тогда в этих местах. Ревели тупорылые немецкие грузовики, груженные громоздкими понтонами, над головой — воздушные бои, почти непрерывный лай зениток, в голубом августовском небе медленно расплывались облачка снарядных разрывов.

А теперь — тишина, особенно в дальней части парка, возле самого Днепра. Там, где главная аллея уже почти спустилась к воде, выходишь на устланную бетонными плитами и обрамленную гранитом площадку. В центре ее — монумент необычной формы, видный издалека, из верхней части парка и с Днепра. Не сразу можно понять, что он изображает. Но, взглядевшись, каждый скажет: отлитое из нержавеющей стали крыло самолета, врезавшееся торчком в прибрежную землю. На верхней части крыла — большой барельеф. Лицо воина, напряженное, суровое, с бровями, сведенными к переносице, со стиснутыми губами. Непокколебимая решимость — в каждой черте его. Выше — еще три таких же мужественных лица, показанные вторым планом в космах бушующего огня.

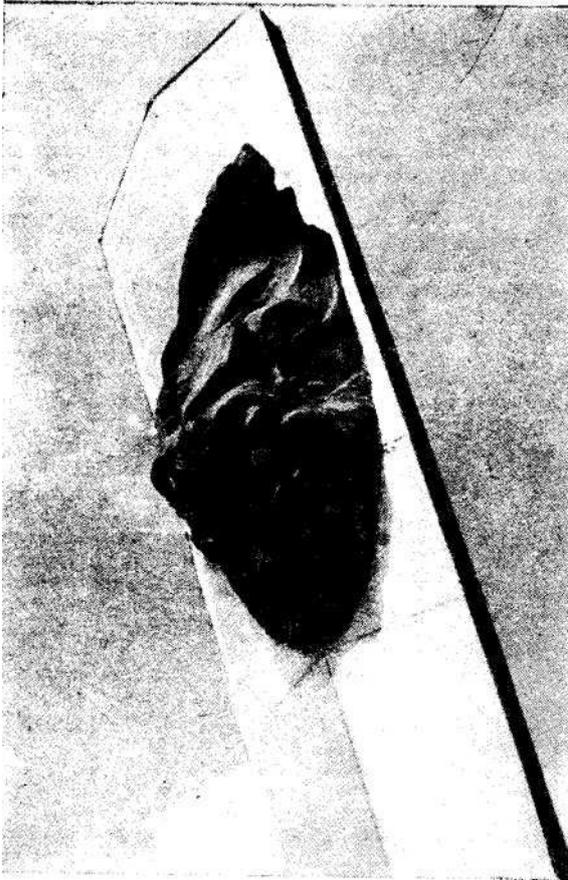


Рисунок 40 Памятник героям-летчикам.

Не вверх, а вниз устремлены взгляды этой четверки, туда же нацелена вся динамическая скульптурная композиция, созданная нашими земляками скульпторами А. и Ю. Жирадковыми при участии архитектора Д. Щербакова и умельцев трех заводов: имени Петровского, имени Бабушкина и ДЗМО.

Этот замысел художников исходит из самого события, положенного в основу их удачного, отлично решенного произведения. Не в небе, а на земле находилась последняя цель крылатых героев,

...Любой ценой надо было уничтожить фашистскую переправу. Девятка наших бомбардировщиков утром 28 августа вылетела на боевое задание. Один заход, второй... Неистовствуют гитлеровские зенитки, но советские пилоты не страшатся плотной огневой завесы над понтонным мостом. Его не должно быть! — таков приказ Родины.

— Одного нашего подбили! — крикнул радист командирской машины, и болью сжалось сердце у штурмана Якова Штанева. Да, языки пламени уже лизали крыло и фюзеляж краснозвездной машины. Штанев знал: на ней его боевые друзья — летчик Иван Вдовенко, штурман Никита Гомоненко... Еще оставалась надежда, что экипажу самолета удастся долететь до левого берега и посадить горящую машину на занятой нашими войсками территории.

Но не в сторону нашего тыла устремился пылающий бомбардировщик. Твердая рука командира направила его на понтонный мост врага. Взрыв огромной силы потряс окрестности, высоко над Днепром встал столб бурлящей воды, разлетелись во все стороны искореженные обломки понтонов, балки, расщепленное дерево и то, что осталось от сотен

строителей моста. Переправа перестала существовать, а мощный бомбовый удар остальных самолетов нашей девятки довершил разгром саперной части гитлеровцев, строившей мост, вражеской техники, скопившейся в районе переправы.

Комсомольский экипаж самолета Ивана Вдовенко повторил легендарный подвиг Гастелло. Об этом из сводки Совинформбюро три дня спустя узнала вся страна. Самым старшим в экипаже был Гомоненко — двадцать два года. А радисту Карпову, стрелку Пулатову — тем только двадцать исполнилось...

Четыре имени отлиты на памятной доске: двух Героев Советского Союза — И.Т. Вдовенко и Н.В. Гомоненко; М. Пулатова и В.П. Карпова, награжденных посмертно боевыми орденами.

Нет братской могилы героев на мемориальном кладбище. Их прах стал частью родной нашей земли. И дань великого уважения к их памяти воплощена в скульптурном символе — крыле самолета на главной аллее парка имени Ленина в Кайдаках, там, где свершили они свой бессмертный подвиг.

СТУДЕНТАМ-ВОИНАМ

Стоит возле старинного, юностью живущего здания Дворца культуры студентов молодая скорбящая мать. Застыла как молчаливое напоминание о далеких грозных днях, когда стали на ее защиту и отдали жизнь сотни дорогих сердцу, милых сынов. Родина — имя той нестареющей Матери.

Полон особого глубокого смысла этот памятник, один из тех, которыми обогатился Днепропетровск к полувековому юбилею Советской власти.

Много в нашей стране больших вузовских городов с многотысячным студенческим населением. В незабываемом сорок первом сменила молодежь легкие белые рубашки и летние пиджаки на солдатские гимнастерки, двинулась эшелонами далеко на юг, на север, на запад, где пролегли огневые фронты Великой Отечественной.

Многим днепропетровским студентам выпала в то лето особая судьба. Став солдатами, остались они в городе, грудью заслонили от врага родной Днепропетровск. Первокурсники и дипломанты, чей мирный путь должен был пролечь к мартенам и домнам, в цеха химических комбинатов, на шахты Донбасса, Криворожья, Сибири, на стальные магистрали страны, стали курсантами Днепропетровского артиллерийского училища, с «пушечками» в петлицах.



Рисунок 41 *Монумент «Скорбящая мать».*

Первые бои — на правом берегу, в приднепровской степи южнее Днепропетровска, на занятом училищем рубеже возле балки Фабричной, Монастырского леса, высоты Острой. Уже тут студенты-красноармейцы проявили стойкость и мужество, отражая вражеские атаки. Но главный их подвиг был свершен в левобережной части города, где около трех недель гремела яростная битва в районе Ломовки, заводов имени Коминтерна и Карла Либкнехта, в песках Амура.

Прочтите воспоминания Р.Я. Малиновского, командовавшего тогда Шестой армией, оборонявшей Амур-Нижнеднепровск, и вы найдете строки, полные глубокого уважения к коллективному ратному подвигу курсантов артучилища. В жестоких боях оттачивалось их воинское мастерство, закалялся характер, становились известными новые и новые имена молодых героев.

Среди руин завода имени Карла Либкнехта отважно действовал студент-горняк комсомолец Виктор Скоробогатько. Это он в напряженный момент первым бросился в атаку с гранатой в руке, и его героическому примеру последовала вся батарея. Враг не выдержал и отхлынул назад. Несколько дней спустя Скоробогатько пал в бою смертью храбрых, подкошенный осколком вражеской мины. Он навечно в строю краснознаменного артучилища, где, как святыня, сберегается комсомольский его билет.

Или подвиг курсантов Изотова и Малышенко, захвативших немецкую пулеметную огневую точку, мешавшую нашему продвижению, и открывших по врагу огонь из своего боевого трофея.

В числе героев, обессмертивших свои имена в сентябрьских боях на левобережье, — питомцы горного, металлургического, транспортного и других технических вузов Днепропетровска. Но их бессмертным подвигом не исчерпывается, конечно, вклад студентов города в дело Победы. Вспомним хотя бы солдатский путь воспитанника университета талантливого поэта Владимира Булаенко, отдавшего жизнь за Родину в боях 1944 года на прибалтийской земле.

Авторы памятника, его инициаторы отлично выбрали место, где отныне стоять ему скульптурным гимном подвигу тех, кому суждена вечная юность. Его, памятник павшим, озаряют огни Дворца живых, Дворца новых студенческих поколений, которым не знать ужасов войны. Пусть облик скорбящей матери напоминает молодым нашим современникам, детям их и внукам о великом долге перед павшими — долге, который оплачивать и оплачивать им неустанным творческим трудом!

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ, В ПЛАМЕНИ БОЕВ

Коротенький квартал, отделяющий проспект Калинина от проходных ворот завода имени Петровского. Не так давно тут сворачивала к заводу трамвайная линия, шли автомашины. Теперь здесь торжественная тишина, квартал отдан пешеходам и посвящен памяти о прошлом.

Пылает вечный огонь возле двух мраморных досок, установленных на металлических постаментах. Надписи на них посвящены воинам-петровцам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны, и брянцам старшего поколения, погибшим в боях за победу Великого Октября.

Сотни и сотни славных имен озаряет вечный огонь у проходных старейшего металлургического завода Приднепровья. Каждое достойно отдельного рассказа. Их не вместил бы и большой, толстый том. А сейчас вспомним хотя бы несколько героев-петровцев двух поколений, чьи подвиги, чья доблесть воинов и революционеров особенно врезались в память.

Первым в этом списке бессмертных по праву — имя Ивана Бабушкина, верного ученика Ленина, слесаря мостового цеха Брянки. Как весомо и зримо все, что свершил он за три года своей ссылки на юг — от первых марксистских кружков до екатеринославского «Союза борьбы», позднее — Екатеринославского комитета РСДРП... Одиннадцать лет не дожил Иван Васильевич до победы великого дела, которому без остатка отдал короткую свою жизнь. А как много сделал он для этой победы!

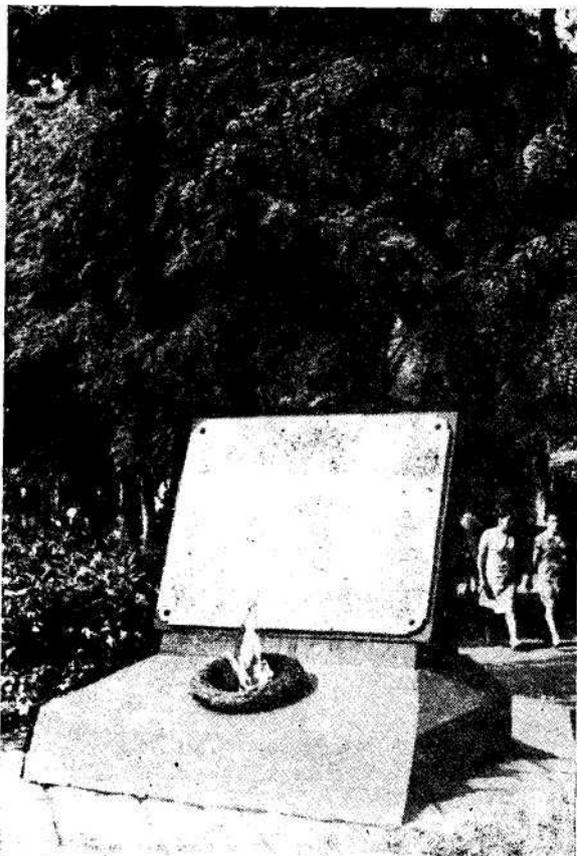


Рисунок 42 Вечный огонь у проходных ворот Петровки.

Далее — другие имена... Много их, брянцев, сосланных в сибирские дебри за революционное дело после первой массовой жандармской облавы в августе 1895 года и не доживших до освобождения; повешенных, расстрелянных по приговору военно-полевых судов в 1906, 1907, 1908 годах, скошенных пулями тюремщиков в день кровавой расправы, учиненной в екатеринославских тюремных казематах весной 1908-го. Солдаты революции, они пали во имя торжества ее.

Еще одно поколение — легендарного семнадцатого, брянские красногвардейцы, погибшие в декабрьских боях за Советскую власть в Екатеринославе. И те, кто по призыву Ленина воевал за власть Советов далеко от родного дома, на Дону, на Кубани, в Приазовье в огневые годы гражданской войны, бил белых атаманов, оборонял Царицын... Сколько их, горновых, каталей, токарей, — бойцов и командиров брянских бронепоездов, которые легли в сырую землю за много сотен верст от седого Днепра.

Минуло два десятилетия, заполненных большими мирными свершениями, и снова — военная страда.

«Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!». Вместе со всем народом в ряды защитников Родины встали петровцы.

Слышали вы о Максиме Евсеевиче Козыре, командире Второго Брянского отряда Красной Гвардии? Сражался он в восемнадцатом против гайдамаков, оборонял Екатеринослав от австро-германских оккупантов. Кончилась гражданская война, и стал Козырь кадровым командиром Красной Армии. В Отечественную в звании генерал-майора командовал 232-й стрелковой Сумско-Киевской Краснознаменной дивизией. Родина удостоила

его Золотой Звезды Героя. Талантливый полководец Козырь не дожидаясь Победы. Погиб он в боях на братской земле Чехословакии 23 апреля 1945 года.

В боевом 1918-м, когда командовал бывший батрак Козырь Вторым Брянским отрядом, родился Саша Анискин. Рос Саша в семье кадрового брянца на Второй Чечелевке. Вырос — пошел отцовской дорогой. Стал у станка в новотокарном цехе Петровки. После смены — Днепропетровский аэроклуб...

Бесстрашный пилот-истребитель Александр Анискин сбил в небе Родины десять фашистских стервятников, участвовал в ста десяти воздушных боях. Он не вернулся с задания 20 февраля 1943 года. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему посмертно, два дня спустя...

Был фронтом Великой Отечественной и вражеский тыл, временно оккупированная фашистами советская земля. Гордятся на Петровке тем, что на их заводе по окончании школы ФЗО работал электромонтером секретарь Днепропетровского подпольного горкома партии Георгий Савченко, что в отделе заводской охраны трудилась машинистка Дуся Кулакова — отважная участница днепропетровского партийного подполья... Они погибли в 1942-м.

Горит вечный огонь у проходной Петровки. Завода-революционера, завода-труженика, завода-воина. Человеческие судьбы сотен брянцев, сотен петровцев — тому свидетельство.

ЧЕРЕЗ ДНЕПР ШИРОКИЙ

На днепровском левом берегу у западной окраины Приднепровска стоит обелиск. И тот, кто прочтет недлинную надпись на нем, невольно глянет затем на ширь великой реки, пытаясь воссоздать в воображении картину коллективного подвига, свершенного в этих местах.

Много на Днепре таких памятников. В десятках мест форсировали его наши воины в незабываемую осень 1943 года, которую хочется назвать весной освобождения. Днепропетровцы особенно бережно хранят воспоминания о двух эпических по размаху и героике боевых переправах: в районе Лоцманской Каменки и в районе Диевки, победное завершение которых, создав для гитлеровцев в Днепропетровске угрозу окружения, вынудило их в паническом страхе бежать из города. Вот что произошло в те дни.

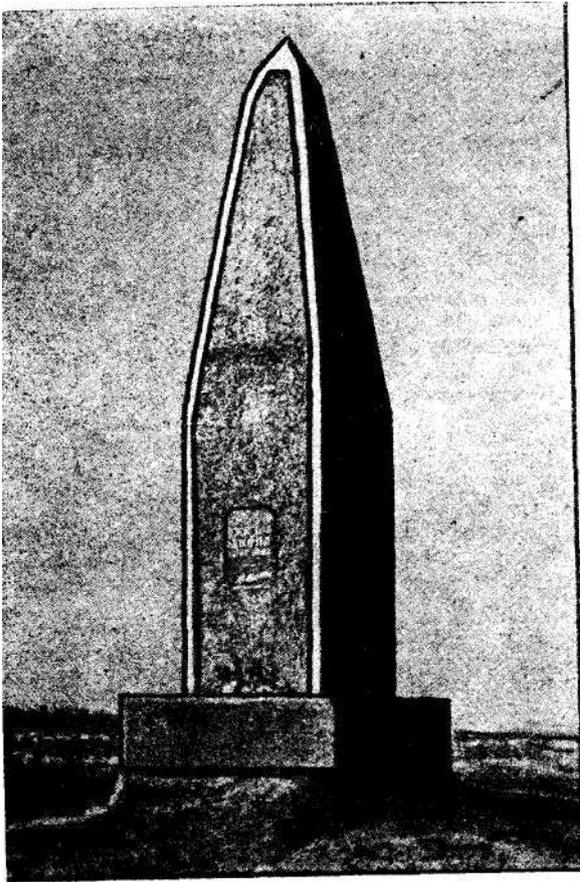


Рисунок 43 Обелиск в честь форсирования Днепра у г. Приднепровска.

Тридцать девятая гвардейская Барвенковская дивизия в упорных наступательных боях вышла на левый днепровский берег в районе села Чапли. И почти сразу — боевой приказ комдива генерала Лещина: сто двадцатому гвардейскому полку форсировать Днепр, овладеть Лоцманской Каменкой и Старыми Кайдаками, отрезать гитлеровцам, засевшим в правобережной части Днепропетровска, пути отхода и уничтожить их.

Говоря о битве за Днепр в сентябре-октябре 1943 года, авторы многих книг и статей, написанных на эту тему, касаются лишь военно-тактической стороны операции. А хочется ощутить чувства и мысли воинов, уходивших в ночную темень навстречу суровому неведению. Под тонкими днищами лодок — холодная глубина реки, а ведь многие из бойцов не умели плавать. Впереди — враг, яростный, ожесточенный, получивший приказ самого фюрера удержать любой ценой правый берег, изрезанный в три эшелона окопами, ошестинившийся пулеметными дулами. Не только слово командира двигало людьми — всепобеждающая сила патриотического долга вела их вперед.

Станьте возле обелиска и прикиньте, где, примерно, с учетом течения, высадилась первая десантная группа, в одну из лодок которой легко вскочил Иван Рудниченко, агитатор полка. В ясный солнечный день нетрудно охватить взглядом этот участок реки. А тогда была осенняя полночь, разбушевавшийся Днепр, и немецкие ракеты над рекой, и огненные трассы вражеских пуль. Гвардии капитан Рудниченко с боем шел к отчому дому в Вольных Хуторах Верхнеднепровского района. За спиной — долгий

фронтовой путь. Сталинград, Донбасс, Харьковщина, левобережье родной области...

Они доплыли, в короткой яростной схватке выбили гитлеровцев из первой линии траншей. Отразили под утро контратаку, еще одну, еще... Из семнадцати мужественных в строю осталось восемь. Пал смертью храбрых командир десантников капитан Владимир Беляев. Рудниченко занял его место. У него была одна из самых благородных мирных профессий — профессия учителя. Он находил дорогу к людским душам: до войны — детей, на войне — солдат.

Отважные выстояли, удержали правобережный «пяточок» до подхода основных наших сил. Иван Рудниченко не увидел нового могучего броска родной гвардейской части, одной из освободительниц Днепропетровска. И Золотой Звездой Героя награжден был посмертно. Было ему двадцать шесть лет, как и Великому Октябрю, его ровеснику.

Четырнадцать воинов 39-й гвардейской дивизии, прибавившей к своему названию «Барвенковская» еще одно — «Днепропетровская», были удостоены звания Героя Советского Союза. Санинструктор Вера Кащеева, гвардии лейтенант Василий Сироткин, гвардии рядовой Александр Оленин, гвардии лейтенант Жангазы Молдагалиев... Каждому из них было тогда немногим больше двадцати. Стал Героем Советского Союза и командир 120-го гвардейского полка гвардии подполковник Юрий Мазный, кадровый воин Красной Армии. Их имена с любовью вписаны в историю Днепропетровска. Место им — на гранях обелиска, с которого мы начали этот рассказ. Стоит этот обелиск в знаменательном месте, связанном не только с коллективным подвигом гвардейской Барвенковско-Днепропетровской дивизии. Не зная того, ее солдаты и офицеры повторили путь отцов — красноармейцев Второй Украинской дивизии, форсировавшей именно здесь под водительством легендарного Павла Дыбенко зимний Днепр в январе 1919 года, чтобы освободить Екатеринослав от петлюровской нечисти. За это свершение Второй Украинской дивизии было присвоено звание Заднепровской.

А если углубиться в далекое прошлое этих мест, то следует вспомнить, что была тут совсем неподалеку кровавая сеча, в которой Иван Сирко разгромил татарских хищников и освободил множество тех, кого хотели угнать они в страшную крымскую неволю. Напротив — на правом берегу, где теперь гранитный карьер, остатки бывшей польской крепости Кодак, двукратный разгром которой казаками Сечи Запорожской — один из ярких эпизодов военного прошлого украинского народа.

Так наслаивается героика истории. У воинских подвигов — своя преемственность, и знать ее — долг нынешних и грядущих поколений.

В НЕБЕСАХ И НА ЗЕМЛЕ

Памятник при жизни. Прежде об этом говорили, как о чем-то невероятном. В наше, советское время и это стало возможным. И ставят у нас такие памятники по месту рождения людям, чья мера храбрости и геройства,

как и мера самозабвенного труда, особенно высока, чьи подвиги в дни войны и в дни мира поистине непревзойденны и достойны памяти народной.

Шесть бронзовых бюстов на гранитных постаментах высятся в городах и селах Днепропетровщины. Только один из них — Григорию Кравченко в его родном селе Голубовке Новомосковского района — воздвигнут посмертно. Остальные герои — наши современники, живут и трудятся и поныне на благо Отечества, и это особенно отрадно. Пять стали дважды Героями за подвиги в небе, один — на земле. Днепропетровцы гордятся тем, что двое из них — наши земляки.

Проспект имени «Правды» в новом районе города. На фоне летней зелени рельефно выделяется бюст летчика в шлеме. Овальная памятная доска на цилиндрическом пьедестале расскажет приезжему, кто увековечен в бронзе и камне. А местные жители от пионерского до пенсионного возраста в пояснениях не нуждаются. Каждый знает о знаменитом земляке с двумя Золотыми Звездами на груди, парне из рабочей семьи — Анатолии Яковлевиче Брандысе.

Отчий дом его — в поселке Старый Ключко. По окончании десяти классов восемнадцатилетний Анатолий поступил в авиационное училище. То был год тяжелейших испытаний для нашей страны — год 1941-й.

Первый боевой вылет молодого летчика на Южном фронте в августе 1943 года едва не стал последним. В момент начала бомбежки танковой колонны врага отказал мотор. Брандыс уже собрался направить свой самолет с бомбовым грузом в гущу немецких машин.

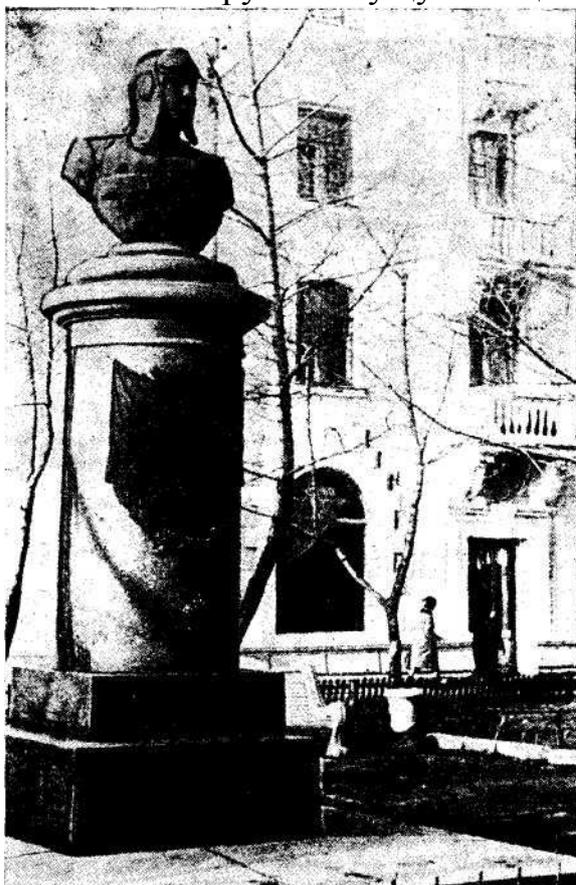


Рисунок 44 Бронзовый бюст А. Брандыса.

Но в последнее мгновение ему удалось подчинить себе свой штурмовик и, выполнив боевое задание, вернуться на свою базу.

Военная биография Анатолия Брандыса — это путь от рядового летчика, лейтенанта, до прославленного генерала, крупного военачальника. Это свыше двухсот боевых вылетов, победоносных штурмовок в небе родного Днепропетровска и Никополя, над городом-героем Севастополем, в фашистской берлоге — Восточной Пруссии. Это весомые цифры уничтоженных танков, самолетов, воинских составов, автомашин и живой силы противника. Это участие в десятках важнейших воздушных операций на ряде фронтов.

«Сам погибай, а товарища выручай!» — гласит солдатская заповедь. Мужественным поступком прославил себя Анатолий, будучи еще рядовым летчиком. Когда в одном из воздушных боев был подбит ведущий, лейтенант Брандыс на плохо управляемом самолете, отбиваясь от «мессершмиттов», прикрывал место его приземления до тех пор, пока другой наш летчик не вывез из-под носа врага попавших в беду боевых друзей. Эти подвиги крылатого воина запечатлены теперь в бронзе и камне памятника на новом проспекте его родного Амур-Нижнеднепровска.

А на правом берегу, в парке имени Чкалова, обрамленный деревьями стоит на гранитном постаменте еще один бронзовый бюст. Плотная фигура, волевое лицо с пышными усами, — лицо уже немолодого человека, многое переживавшего, знающего свою жизненную цель. И это впечатление от скульптурного портрета подтверждает вся яркая биография дважды Героя Советского Союза Алексея Федоровича Федорова.

Сам он — из Лоцманской Каменки, предместья Днепропетровска, гнезда многих поколений отважных покорителей днепровских порогов. Не знавший родительской ласки, мальчик из приюта, Алексей был позднее усыновлен паромщиком Максимом Костырей, потомком местного лоцманского рода. Не под его ли кровом сформировались черты характера будущего народного героя, прозванного «генералом Орленко».



Рисунок 45 Бронзовый бюст А. Федорова.

Отличное прозвище! Как щедро расцвела, засверкала многими своими гранями натура бывшего подпаса, молодого красноармейца времен гражданской войны, потом рабочего-строителя, когда вошел он в великую партийную семью. Руководитель коммунистов Черниговщины в предвоенный час Алексей Федорович остался на том же посту в годы великих испытаний, выпавших на долю нашего народа. Раскройте известную его книгу «Подпольный обком действует», и вы окунетесь в атмосферу героических подвигов мстителей Черниговщины, чей небольшой вначале отряд вырос затем в трехтысячное партизанское соединение. В лесах Украины, Белоруссии, на Брянщине и Орловщине громили они фашистских оккупантов. Более 25 тысяч истребленных врагов, сотни подорванных эшелонов, десятки уничтоженных мостов... Но мера коллективного подвига не исчерпывается списком боевых свершений, многозначными цифрами партизанских «показателей». Воины генерала Орленко по сути сберегли Советскую власть на обширной территории, временно подпавшей под чужеземное иго, высоко несли знамя нашей правды, делом показывая всю непрочность человеконенавистнического фашистского «нового порядка».

...Только недавно побывал в родном городе знаменитый наш земляк. Не стареет он, несмотря на свои шестьдесят восемь лет. Член Правительства Советской Украины, Алексей Федорович остается простым, доступным, человеколюбивым, подлинным сыном народа.

Многое говорят разуму и сердцу бронзовые бюсты земляков. О них можно сказать: современникам и потомству — в пример!

ЖИЛ КОММУНИСТОМ, УМЕР КОММУНИСТОМ

Отличная идея — подобная форма памятных мест.

Идешь по тенистой аллее, напоенной запахами зелени и цветочным ароматом, к монументу, установленному в честь земляка, прославившего родной край и погибшего за счастье народа. И думаешь не о смерти, а о жизни, вечной, неистребимой, за которую пошел этот человек, не колеблясь, в смертный бой.

Хороша летом аллея памяти Сташкова на днепропетровской Набережной. Рядом прохладная спокойная ширь Днепра. Массивная гранитная глыба, на месте которой будет воздвигнут памятник секретарю подпольного обкома партии Николаю Ивановичу Сташкову, привлекает внимание мемориальной надписью, первые четыре слова которой прочно врезаются в память:

«Жил коммунистом, умер коммунистом...».

Жил коммунистом!

Так было и в ту раннюю пору жизни, когда Николай Иванович еще не носил у сердца членский билет основанной и выпестованной Лениным Коммунистической партии. В те годы молодой парень с Одесщины, став нашим земляком, с головой окунулся в комсомольские будни. Трудными, очень трудными были они в селах Межевского района в пору коллективизации! Молодой Сташков выдержал суровый житейский экзамен, показал на деле, как неисчерпаема сила его партийной, коммунистической убежденности.

Потом работа в партийном аппарате, должность комиссара батальона на Дальнем Востоке. Демобилизация по состоянию здоровья. И снова Днепропетровск, такой знакомый и в то же время новый, посуровевший. Город военной поры.

Сташков рвался на фронт, в открытый бой с врагом. Но партия решила иначе. Николаю Ивановичу был доверен иной фронтовой пост — неизмеримо более трудный и сложный, чем даже пост крупного армейского военачальника. Он должен был возглавить подпольный партийный обком, повести за собой непокоренную Днепропетровщину. И Сташков, сын и солдат партии, не колебался. Коротким и решительным было его воинское «есть!».

О подвиге Николая Ивановича, о его руководстве коммунистическим подпольем области, по которой ступал тяжелый сапог захватчика, уже много написано и будет написано еще больше. Кто лучше его знал свой обширный боевой участок, жил горем, гневом и надеждами народа в городах и селах области? Десятки опасных и трудных маршрутов прошел «водопроводчик станции Павлоград Василий Мысов». Он встречался с верными людьми, в Павлограде, где дислоцировался обком партии, в Днепропетровске, где налаживал бесперебойную работу партийного подполья областного центра, был гостем и советчиком народных мстителей в лесах под Новомосковском...

Почти год продолжался этот непрерывный подвиг, пока на рынке в Павлограде в результате предательства не схватили Николая Ивановича

гитлеровские ищейки. Раненный в перестрелке, он был брошен в застенки гестапо на улице Базарной в Днепропетровске.



Рисунок 46 Памятник Н. Сташкову.

«...Умер коммунистом» — высечено на камне.

Геройский финал героической жизни. Палачи, потерявшие чувство реальности, пытались сманить Сташкова в свой кровавый лагерь. Убедившись в тщетности подобных попыток, они двинули в ход весь страшный арсенал истязаний. А Николай Иванович оставался самим собой, писал стихи во славу партии, до последнего вздоха был в ее строю. Предсмертное письмо Сташкова близким, найденное в каменном тайнике несколько лет спустя, достойно того, чтобы содержание его, как и бессмертные строки Юлиуса Фучика, знали не только современники, но и далекие потомки.

Нет могилы Николая Сташкова, Героя Советского Союза. По дошедшим до нас сведениям, гестаповцы увезли его в Киев, где и встретил он свой смертный час. Когда? Где точно? Этого мы, наверное, не узнаем, не сможем поклониться его могиле.

Пусть же мемориальная глыба гранита на Набережной будет для каждого днепропетровца, каждого гостя днепровского города зримым символом этой замечательной жизни вплоть до того дня, когда сменит эту глыбу скульптурный памятник герою. Хочется представить себе его еще не рожденные резцом очертания в облике горьковского Данко с пламенеющим сердцем, отданным советским людям.

ВМЕСТО МЕНЯ БУДУТ ТЫСЯЧИ!

На бульваре проспекта Пушкина, у перекрестка с улицей Савченко, долго стоял временный мемориальный стенд. Девять имен было записано на нем. Под каждым — две даты: рождения и смерти. Первые — разные: 1918, 1919, 1916, 1910... А вторая дата у всех одна — 1942. Каждый, даже не слышавший раньше этих имен, поймет: не своею смертью умерли девять человек, старшему из которых и пятидесяти не минуло, а младшему — только семнадцать. Большинство вошло лишь в тот цветущий, плодотворный период жизни, когда человек, накопив первый опыт, трудится особенно жадно, вдохновенно.

Эти девять тоже избрали свой путь. Его определили их совесть патриотов и время, суровое, грозное, потребовавшее от каждого не только напряжения всех сил, но и большого мужества, героизма, — время Великой Отечественной.

Первым в списке имя «Юрия» — Георгия Савченко, секретаря подпольного городского комитета партии. Был он самым молодым из всех, кто в разное время избирался секретарем Днепропетровского горкома. Двадцатичетырехлетним, после встречи с Николаем Сташковым, занял он этот ответственный пост. Как и Сташков, с достоинством и честью пронес он имя коммуниста через все невероятные трудности подполья и испытания, выпавшие на его долю. Он был душой численно небольшого — около 200 человек, но крепко спаянного коллектива коммунистов, комсомольцев, беспартийных патриотов, живших по закону «один за всех, все за одного», душой и организатором каждого дела, задуманного и осуществленного членами городского партийного подполья. Во многих операциях Савченко принимал личное участие.

Вместе с Игорем Дементьевым он зимой 1941 года похитил автоматы, пулемет, гранаты с немецкой машины, потерпевшей аварию на Запорожском шоссе. Антифашистские листовки печатала на машинке вместе с Верой Хитько бывшая машинистка завода имени Петровского Дуся Кулакова. Совсем еще юный Дусин брат Володя — было ему всего семнадцать — и фотограф Константин Кудинов обеспечивали «аусвайсами», личными документами советских военнопленных, которых после побега из гитлеровских лагерей днепропетровские подпольщики отправляли на восток для перехода через линию фронта. Кудинов, кроме того, снабжал партийный горком снимками неопишуемых гитлеровских зверств, и эти снимки в руках нашего подполья становились документами большой обличительной силы. Активное участие в привлечении к подпольной работе новых участников, в диверсионных актах принимали Фатима Гафурова, Махмуд Калинин, бывший студент мединститута Игорь Клюев. Яков Андреевич Самарский, поступив по заданию подпольного горкома на работу в городскую управу, стал «глазами и ушами» подпольщиков: предупреждал их о готовящихся оккупантами карательных операциях, обеспечивал бланками документов, раздобывал важные сведения. Этому, в сравнении с другими уже пожилому человеку (был он на пороге пятидесятилетия) выпали на долю и нелегкие

моральные испытания — многие из окружающих, которым он не имел права довериться, считали его предателем, прислужником гитлеровцев...

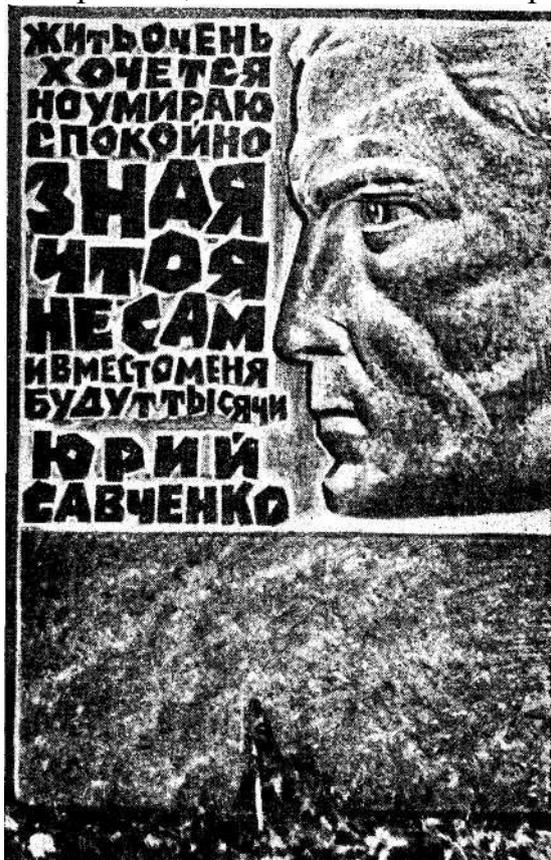


Рисунок 47 Стела памяти Юрия Савченко.

Пошел пятый десяток и Петру Новичуку, честному, преданному Родине патриоту. Николай Иванович Сташков, прибыв осенью 1941 года в город для восстановления подпольных связей, встретил Новичука, которого он хорошо знал с довоенных лет. И Петр Иосифович познакомил секретаря подпольного обкома партии с Л.А. Берестовым, совмещавшим официальное положение директора завода «Мясомолмаш» с руководством антифашистской группой на этом предприятии... То были первые связи Сташкова в оккупированном Днепропетровске, — связи, которые, постепенно множась и разветвляясь, привели к созданию подпольного городского комитета КП(б)У.

Ежедневно рисковали жизнью все эти геройские люди. Они знали, на что идут, они отдали себя Отечеству. «Партийный билет — это моя жизнь, а не ширма, которой можно в удобный момент прикрыться от всяких житейских бурь и невзгод... И я все силы и старания приложу к тому, чтобы над нашей страной и родным городом развевалось красное знамя!..» — писал родным Юрий Савченко. Под этими, неотделимыми от дела, страстными словами мог бы подписаться каждый из днепропетровских подпольщиков. Они боролись вместе, были схвачены оккупантами, расстреляны в степи, у противотанкового рва. Их героическую эстафету подхватили и несли до Победы руки единомышленников.

Пока готовилась к печати эта книга, стенд заменили гранитной стелой, воздвигнутой чуть дальше, на бульваре улицы Савченко, напротив здания

областной библиотеки. На стеле — строки предсмертного письма легендарного «Юрия», датированного 21 декабря 1942 года:

«Жить очень хочется, но умираю спокойно, зная, что я не сам и вместо меня будут тысячи.

Юрий Савченко».

Эти строки стоят того, чтобы привести их на постоянном монументе, который украсит перекресток, верится, — в недалеком будущем. И надо, чтобы на гранях его были запечатлены все сбереженные временем имена героев днепропетровского городского партийного подполья, правофланговым которого Юрий Савченко оставался до последнего своего вздоха. Их было не девять — много больше. Вспомним хотя бы З. Демьянченко, Б. Сондака, А. Солохина...

Всего в одном квартале от стелы, там, где улица Савченко упирается в громаду нового девятиэтажного красавца-жилого корпуса на Комсомольской, стоит приземистый дом с каланчой, о котором рассказано в предыдущем разделе книги. Напомним: прошлое этого дома связано с ярким эпизодом биографии народного героя Ивана Бабушкина, с последними минутами жизни участников Горловского сооруженного восстания 1905 года, с высоким мужеством встретивших свой смертный час.

Поистине символическое соседство! Незримый мост переброшен между двумя эпохами, двумя поколениями борцов за счастье Отчизны.

ЕЕ РАССТРЕЛЯЛИ НА РАССВЕТЕ...

На заботливо ухоженной площадке — массивная глыба с памятной таблицей на шершавом камне. «Ее расстреляли на рассвете...» — читаешь начало текста.

Трудно сказать — что больше впечатляет: эти сразу приковывающие внимание драматические слова или две даты в конце короткой надписи:

«1924» и «1943».

Всего девятнадцать лет прожил на свете человек, чью память временно, до установки монумента, воплотил этот гранит. Что свершил этот человек, чья жизнь оборвалась в ту пору, когда только распахивается дверь в большой и светлый мир, когда так мало сделано и всё еще впереди?

Жила в Амур-Нижнеднепровске в старом домишке №86 по Библиотечной улице девушка Галя. Училась в девятом классе. Хорошую книгу любила больше всего на свете. И очень много знала для своего возраста. А тем, что знала, делилась со всеми одноклассниками. Уважали ее в школе. Говорили: «Наша Галка-профессор».

Кем бы стала Галя по окончании десятилетки и высшего учебного заведения? Наверное, учительницей. Она словно рождена была для этой прекрасной профессии. Быть учительницей литературы — к этому особенно лежало ее сердце. Но, может быть, и инженером, ученым-исследователем. Разве мало у нас специалистов науки и техники, которые с волнением берут в руки томик Данте или Ивана Франко?

Но на пути ее, как и многих-многих миллионов Галиных однолеток, стал грозный сорок первый. В августе танки с бело-черными крестами на башнях ворвались на улицы правобережной части ее родного города, а в сентябре развернулись жестокие беи на левом берегу. В те дни первый фашист, наглый, уверенный в своей принадлежности к «расе господ», переступил порог Галиного дома.

В ее, сбереженной матерью, записной книжке читаем строки из «Витязя в тигровой шкуре»:

*Лучше гибель, но со славой,
Чем бесславных дней позор!*

Кажется, эти же строки были записаны и в дневнике Зои Космодемьянской.



Рисунок 48 Аллея имени Г. Андрусенко.

Много общего в судьбах этих двух бесстрашных советских девушек, почти ровесниц. Легендарная Таня погибла во вражеском тылу поздней осенью 1941 года, едва начав свой боевой путь. Галя Андрусенко больше года действовала в оккупированном врагом Днепропетровске, вошла в состав Амур-Нижнеднепровской подпольной комсомольской организации. Она состояла в редакционной группе. Работая машинисткой в конторе вагоноремонтного завода, под носом у немцев во время обеденного перерыва размножала на машинке написанные ею и товарищами по организации листовки и сама распространяла их в городе и окрестных сёлах. О таком много раз писали и пишут, тысячи людей выполняли подобное на временно захваченной фашистами советской земле. Но, читая об этом в наше послевоенное время, не каждый зримо представляет, с какой устрашающей, смертельной опасностью был связан каждый шаг таких, как Галя

Андрусенко, какой недевической силой воли надо было обладать — не меньшей, чем у солдата, выскакивающего из окопа в атаку, под вражеские пули. А ведь Галя была не только «редакцией» и «типографией» молодых подпольщиков, но и их «начпродом» — похищала в конторе десятки хлебных карточек, которым не было цены в то мрачное, голодное безвременье. На этом можно было «провалиться» ежедневно, ежечасно. Она жила и действовала во имя Родины, поистине под дамокловым мечом, без робости, без колебаний.

И меч обрушился. Выдал предатель. В числе двадцати других, таких же, как она, совсем молодых юношей и девушек, встретила Галя Андрусенко свою смерть в заснеженной степи недалеко от Запорожского шоссе в начале 1943-го.

...Глядишь на гранитную глыбу в сквере имени Гали Андрусенко возле транспортного института и думаешь: какая трудная и какая благодарная творческая задача у скульптора, которому предстоит воплотить в металле и камне образ днепропетровской Зои.

ОСТАНОВИСЬ, СКЛОНИ ГОЛОВУ!

Когда-то, до войны, тут был обычный школьный двор, просторный, в минуты переменок бурлящий неумной ребячьей энергией. Затевались соревнования, летал футбольный мяч, прогуливались успевшие уже остепениться старшеклассники.

И сейчас в доме № 3 на Мостовой улице школа — девятая. Но двор особый. Здесь, это каждый знает, неуместны смех, веселые игры. Люди молча направляются в глубину двора и долго стоят, сняв шапки, у старой кирпичной стены.

Они дышат свежим воздухом с Днепра, им светит солнце. А для тех пятисот, чей жизненный путь оборвала у этой стены короткая автоматная очередь, оно погасло четверть века тому назад. Пятисот! Их трагические последние минуты видел этот словно ссутулившийся от горя старый клен, запечатлела немая стена.

...Осенью 1941 года, вскоре после того как гитлеровцы оккупировали Днепропетровск, здание конторы мельничного комбината, что по нынешней улице Горького, заняла гестаповская зондеркоманда.

У извергов в черной форме был уже, видимо, богатый опыт массовых расправ над мирным населением. Тесноват для этой цели был только двор конторы. Но само здание с его прочными емкими подвалами, которые легко было превратить в каменные «мешки», им вполне подходило. Что ж, вокруг сколько угодно «восточного пространства». Выбор пал на двор девятой школы, отделенной от конторы кирпичной стеной.

Старожилы соседних домов хорошо помнят, как в этой стене фашисты проделали широкий пролом. А потом... Потом заработал страшный конвейер...

Из сельских районов, прилегающих к Днепропетровску, привозили предназначенных для «ликвидации» советских людей. Это были опасные, с

точки зрения гитлеровцев, люди. Бойцы и командиры истребительных отрядов, созданных в первые месяцы войны. Коммунисты и комсомольцы. Сельские, колхозные активисты, попавшие по доносу предателей в лапы гестаповцев. Люди, заподозренные в причастности к партизанам... Опасные для «нового порядка» тем, что были они советскими людьми, э значит, такими, которые не склонят голову, не покорятся. И страшное прошлое Мостовой после того, как оно стало известным, подтвердило: да, они не покорились, не просили пощады у палачей в черной форме, ведших их в окружении свирепых овчарок и наряда автоматчиков к смертной стене. Мы хорошо знаем: малодушных, готовых на измену, на службу врагу, фашисты миловали. Им не хватало «кадров». А из застенка на Мостовой никто не вернулся...

Давно отгремела война, ушли в прошлое черные годы оккупации. Но вот в 1961 году при рытье котлована для здания мастерских на территории школьного двора ковш экскаватора поднял человеческие кости. Стройку прекратили. С тех пор покров за покровом снимают энтузиасты-следопыты, родные и близкие погибших со страшной тайны Мостовой улицы. Установлены уже десятки имен тех, кто обагрил своей кровью землю возле дворовой стены и лег в массовые, казалось, навеки немые могилы. Среди них Иван Котивец, бывший боец легендарного отряда Николая Щорса; герой боев на Хасане пограничник Федор Тимченко; славный красный партизан времен гражданской войны Семен Рондов из Магдалиновского района; колхозный ветеран из Любимовки Иван Чибиряков; пулеметчик одного из партизанских отрядов, действовавших в 1941 году в Новомосковских лесах, — Леонид Островский и мужественная семья связных отряда, в доме которых позднее скрывался Леонид, — Голубничие Пелагея Иосифовна, Мария, Александра: мать и две дочери...

Этот скорбный и героический список уже сейчас можно намного продолжить. Ведь было их пятьсот, а может, и больше. И каждый из них имеет право на место в Книге Великой Отечественной войны.



Рисунок 49 У Памятной стены (Мостовая улица, № 3).

Останки многих погибших покоятся теперь в братской могиле на городском кладбище. Жаль, не сбереглись на стенах подвалов конторы волнующие надписи, которые запомнились людям, побывавшим там после освобождения города. «Прощайте, мама, умираю за Родину!», «Отомстите за нас!», «Умираю, но не сдаюсь!..».

Простая кирпичная стена, днепропетровская Стена коммунаров. Металл мемориальной доски напоминает живым о тех, чей предсмертный крик, проклятье палачам, недопетую строфу «Интернационала» погасила здесь автоматная очередь.

Они не склонили головы перед лютым врагом. А вы перед этой стеной выполните веление лаконичной надписи:

«Остановись, склони голову, живущий!»

НА УЛИЦЕ УСПЕНСКИХ

Еще совсем недавно эта улица в рабочих Кайдаках называлась Новокайдакской. Сейчас она сменила название. И повинен в этом скромный домик под номером восьмым, с шестью окнами по фасаду.

Проживала в нем когда-то хорошая, дружная семья Успенских. Глава семьи многие годы проработал на заводе имени Ленина. Любили и уважали его товарищи по цеху, знали: нет такого общественного дела, за которое не возьмется Иосиф Хрисанфович и отдаст ему все силы, всю душу. Такова уж его натура, советский характер.

Супругу его Анну Терентьевну вся улица знала. Душевным человеком была тетя Анюта, болела чужими горестями, радовалась соседскому счастью. С ней хотелось поделиться самым личным, самым сокровенным.

Грянула война, черные тучи ее надвинулись на Приднепровье. Злая фашистская сила, пришедшая с запада, хозяйничала в родном городе Успенских, навела в нем свой «новый порядок».



Рисунок 50 Дом Успенских.

Все честное, передовое в народе не покорилося ему, поднялось на борьбу.

И мирные, гражданские люди — чета Успенских — стали воинами, хоть и не одели солдатской формы. Ничем не приметный домик на Новокайдакской превратился в одну из явочных квартир днепропетровской подпольной партийной организации, членами которой состояли ее хозяева. Невидимые нити протянулись на Новокайдакскую из Павлограда, где действовал возглавленный Сташковым подпольный обком. Бывал здесь, в доме номер восемь, «слесарь-водопроводчик станции Павлоград Василий Мысов», под именем которого скрывался Николай Иванович Сташков. Знала явку на Новокайдакской улице и Большая Земля. Весной 1942 года перешла линию фронта связная Центрального Комитета КП(б)У Надежда Сарана. Тут, в домике Успенских, состоялась встреча ее со Сташковым. Секретарь подпольного обкома рассказал посланцу ЦК о том, как борется против оккупантов непокоренная Днепропетровщина. С жадностью слушала маленькая группа советских людей из уст желанной гостьи, как на тысячекилометровых свободных просторах родной земли льются реки

металла, куется оружие для будущих наступательных битв, как героически дерутся против фашистских полчищ советские воины.

Война разлучила Анну Терентьевну с сыном от первого брака Степаном Дмитриевичем Масалыгиным. Рабочий, коммунист с немалым стажем, он незадолго до войны стал начальником прокатного цеха завода «Спартак», на котором одно время работал слесарем Николай Иванович Сташков. Кировский райком партии города Днепропетровска доверил Масалыгину трудный и ответственный пост: назначил командиром партизанского отряда Кировского района, дал ему в помощь надежного, проверенного комиссара Дмитрия Зосимовича Сметану.

Отлично действовал в Новомосковских лесах отряд Масалыгина. Это масалыгинцы в конце октября 1941 года подорвали железнодорожный мост под Губинихой, выведя из строя важную гитлеровскую коммуникацию. Ряд смелых боевых операций совершили они вместе с другими отрядами Новомосковского леса, приняли участие в освобождении трехсот советских военнопленных в Знаменовке, в разгроме V карательного отряда эсэсовцев в Вольном... В начале января 1942 года, когда в силу сложившихся обстоятельств новомосковские партизаны небольшими группами вышли из лесу, больной, истощенный Степан Дмитриевич пробрался в Днепропетровск, под родную крышу на Новокайдакской. Жена, военврач, была на фронте. Дома, под заботливой опекой бабушки, оставалась его маленькая дочка Лорочка. Летние облавы 1942 года, произведенные гестаповскими ищейками в Днепропетровске, не обошли домика в Кайдаках. Ночью нагрянули незваные гости... Забрали Иосифа Хрисанфовича, Анну Терентьевну с внучкой. Лишь случайно уцелел Масалыгин.

А дальше? Допросы, пытки, избиения. Добрым людям удалось вызволить из тюрьмы заболевшую Лорочку. А Успенские не вернулись из застенков гестапо на Базарной... В начале 1943 года вместе со многими другими участниками днепропетровского партийного подполья они мужественно встретили смерть в степи у Запорожского шоссе.

Никто не знает пока, где могила героев. Но стоит на улице в рабочих Кайдаках домик Успенских. На стене его теперь — мемориальная доска с именами славных патриотов, живших в нем и отдавших жизнь за счастье Родины, и новый указатель: «Улица Успенских».

У ПОБЕДЫ — СВОЯ ПАМЯТЬ

Две слитные страницы каменной книги города: старая стовосьмидесятилетняя Октябрьская площадь, ровесница Днепропетровска, и новая площадь Вечной Славы у днепровского берега, возникшая в канун великого полувека — пятидесятилетия Октября.

Отделенные друг от друга несколькими сотнями метров в восточной части проспекта Карла Маркса, они, эти площади, составляют отныне единое целое.

На бывшую Соборную в студеный январский день 1918 года сошлись тысячи людей пролетарского Екатеринослава. Пятые сутки отсчитывала в

городе Советская власть, завоеванная в упорных боях. Накануне толпы народа проводили на вокзал три обитых красной материей гроба — тела московских красногвардейцев из отряда, плечом к плечу с екатеринославцами сражавшегося против гайдамаков.

А третьего января хоронили земляков. Скорбная шеренга гробов выстроилась у свежевырытой траншеи. Достойное место для вечного покоя тех, кто отдал жизнь за победу власти труда в родном городе, выбрал Екатеринославский Совет рабочих и солдатских депутатов — на вершине самого высокого из трех городских холмов, господствующего над окрестностями.

Надгробное слово сказал Василий Аверин, любимый трибун рабочего Екатеринослава. Вся в будущем, полном тревог и надежд, была его короткая горячая речь. Потом раскололи морозный воздух винтовочные залпы и первые мерзлые комья упали на опущенные в братскую могилу гробы..

Около года спустя земля братского кладбища на Соборной площади, переименованной в Октябрьскую, приняла тела тех, кто пал в бою, выбивая из Екатеринослава петлюровцев в январе девятнадцатого. Скромная деревянная арка у входа — вот то, чем могла увековечить память о погибших своих сынах в ту трудную, полную материальных лишений пору молодая Советская власть.



Рисунок 51 Мемориальное кладбище.

Погибшие войны гражданской и Великой Отечественной войн покоятся теперь на городском мемориальном кладбище. Тут лежит герой обороны и освобождения приднепровской земли генерал-лейтенант Е.Г. Пушкин, генералы и офицеры, сержанты и рядовые, павшие в жестоких

боях за Днепропетровск и Днепропетровщину. Их много. И предельная напряженность сражений, стремительность наступательных боев в дни изгнания из Приднепровья гитлеровской нечисти не дали возможности сблечь все имена погибших.

Во славу их, поименованных и безымянных, павших на суше, не доплывших до правого берега при форсировании Днепра в октябре 1943 года, крылатых героев, не вернувшихся из воздушных боев, танкистов, погибших в своих могучих бронированных машинах, — воинов всех родов оружия, отдавших жизнь за победу, — в день 24-й годовщины освобождения Днепропетровска зажжен вечный огонь.

Ощущение простора охватывает каждого входящего на мемориальное кладбище. Ровными рядами уходят вдаль светлые плиты, которыми вымощено оно. Невысокие, скромно и уважительно оформленные надгробия еще более подчеркивают бездонность синего неба над головой. Одинаковость их символична. Красногвардейцы семнадцатого года и воины сорок третьего, от рядовых до генералов, — каждый из них равно дорог Матери-Родине. Это их лица, мужественные, открытые, суровые, исполненные решимости биться с врагом не щадя жизни, глядят на вас из ниш стелы серого гранита. А дальше, на северном краю кладбища, как бы венчая его, висится монументальный саркофаг из того же серого камня.

Родина-Мать. Ее лучезарный облик воплощен на площади Вечной Славы в величественном тридцатиметровом монументе, подобного которому еще не видел Днепропетровск. На стройном, вознесенном ввысь четырехгранном пьедестале — фигура молодой женщины с венком на голове. В правой высоко поднятой руке — зажженный факел, левую, с пальмовой ветвью она скорбно опустила к земле... У подножья монумента — скульптурная группа: советский воин в каске, с автоматом на груди, по бокам — партизан и подпольщица. Каждая из этих символических фигур воскрешает в памяти великую силу, поднявшуюся на защиту Отечества в грозные годы войны.

Глядит женщина с пьедестала на широкую гладь Днепра, на заречные дали. Чуть ниже по реке в октябре 1943 года была переправа легендарной 39-й гвардейской дивизии, воины которой, одолев сильно укрепленные позиции гитлеровцев на правобережье, вышли во фланг врагу. Зажатые в клещи нашими доблестными войнами, форсировавшими Днепр здесь и выше Днепропетровска, фашисты бежали из города, не успев осуществить всю свою человеконенавистническую программу его разрушения.

Одни ли гвардейцы 39-й? Сколько других частей Красной Армии участвовали в том незабываемом году в освобождении Днепропетровска и Днепропетровщины! Многие славные воины отдали здесь свою жизнь. Это в память о них печально поникла пальмовая ветвь в руке статуи на пьедестале.

Возле солдата у подножья, в едином порыве устремлены вперед двое его верных боевых друзей. Солдат воевал на фронте, они — во вражеском тылу. Сколько светлых, немеркнущих имен ассоциируется в нашем сознании с этими обобщенными образами!

Десятки, сотни бойцов били оккупантов в их ненадежном тылу на оккупированной Днепропетровщине, взрывали мосты, пускали под откос вражеские эшелоны, шедшие на восток. Сколько жизней фронтовиков, часто ценою собственной жизни, сберегли народные мстители... Они тоже были солдатами, законно их место рядом с пехотинцем в каске со звездой!

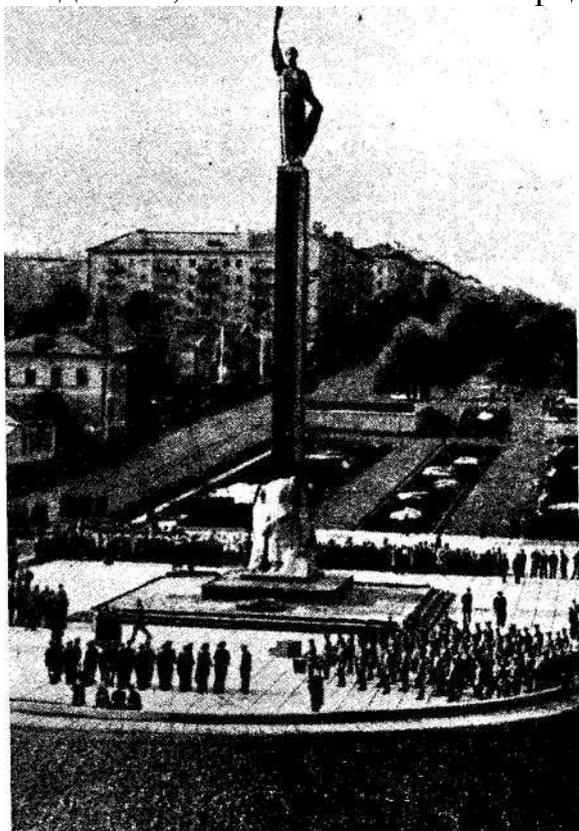


Рисунок 52 Монумент Вечной Славы.

Мемориальное кладбище и монумент Вечной Славы— единое, неразрывное целое. Над проектами их вдохновенно потрудились талантливые скульпторы и архитекторы: И.Б. Мигай, В.И. Огибалов, М.Ф. Овсянкин, А.А. Максименко, Э.Ю. Черкасов, группа студенческой молодежи.

Каждый час плывет над площадью Славы суровая торжественная мелодия. Голос диктора, словно дошедший из далеких уже лет Великой Отечественной, провозглашает вечную память павшим в боях за Родину. В благоговейном молчании слушают его десятки людей, собравшихся у полукруглого, господствующего над Днепром каменного парапета.

Это к ним, нашим современникам, обращен проникновенный призыв, который читаешь на одной из стел, вошедших в простой, впечатляющий ансамбль площади-монумента:

Люди!

Покуда сердце стучится,—

помните,

Какою ценой завоевано счастье, —

...помните!

Высоко в небе над городом поднялась вечно молодая фигура Родины. Она будет встречать теперь каждого у въезда с правобережной Набережной на главный наш проспект, напоминая о бессмертии героев. У Победы своя память — святая и торжественная!

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ПАМЯТНЫХ СТРАНИЦ



125

И долго буду тем любезен я народу

126

Лавка Егоровой

129

Аромат истории

131

Штаб большой науки

134

В память об ученом

136

Комсомол, я твой поэт!

137

Багрянец на стене

140

Паренек с Надеждинской

142

На рассвете своей поэзии

144

«Украинский дом»

И ДОЛГО БУДУ ТЕМ ЛЮБЕЗЕН Я НАРОДУ

Когда бюст Александра Сергеевича Пушкина устанавливали на пьедестале в самом начале нового, двадцатого века, ряды молоденьких саженцев только намечали трассу будущих бульваров Пушкинского проспекта. Да и самого проспекта еще не было. Длинная Военная улица — продолжение пыльной, неблагоустроенной Базарной — упиралась в крутой широкий овраг — Аптекарскую балку. Пройдет несколько лет, пока высокая насыпь через балку соединит эту улицу с Первой Чечелевкой и покатят по ней красные открытые вагончики городского трамвая.

Позади осталось столетие со дня рождения А.С. Пушкина. Царские власти сделали всё, чтобы выхолостить эту дорогую передовой общественности России дату, втиснуть в прокрустово ложе официальной «народности». Так было и в Екатеринославе. Несколько юбилейных статей в «Приднепровском крае» и других местных газетах, публичные лекции в Научном обществе, молебен за «упокой души болярина Александра» в Преображенском соборе...

На стену равнодушия натолкнулась вначале идея членов Научного общества о сооружении в Екатеринославе, городе, ставшем, пусть ненадолго, пристанищем поэта, памятника ему. В земстве, в управе разводили руками: нет ассигнований. Тогда пустили шапку по кругу. Давали охотнее те, у кого редко звенел в кармане лишний полтинник. И нужную сумму собрали. Осенью 1901 года на перекрестке Короткой и Военной, тогда же переименованной в Пушкинский проспект, был поднят на гранитный постамент бюст Пушкина работы известного отечественного скульптора Ильи Гинцбурга, ученика Антокольского. Отличный бюст! Отлитый в металле Пушкин в глубоком раздумье глядел на те места, где когда-то проходил он, как передавала молва» чтобы полюбоваться плясками и песнями цыган. Совсем неподалеку от этого перекрестка, на площади, долго называвшейся Цыганской, разбивали в те времена свои шатры вольные сыны степей.

Шли годы. Окрестные кварталы, ранее почти не застроенные, украсились новыми зданиями, широко раскинули на бульварах свои ветви подростшие клены и акации.

На Короткой улице, получившей новое название — Надеждинская, в низеньком домике с крылечком рос худенький, застенчивый мальчик. Позднее стал он гимназистом, с ранцем за плечами спешил по Пушкинскому проспекту в коммерческое училище. «И как бы мальчик ни торопился, он всегда, бывало, приостановится возле памятника. Потом снова бежит, боясь опоздать. Уже юношей в своей записной книжке он отмечает: «Я прошел мимо бронзового Пушкина, столпа нашей славы. Прошел у его ног, прошел — и поклонился». Он не раз говорил: «От памятника Пушкина начинается у меня тяга к искусству».

Мальчик вырос, стал талантливым советским поэтом Кедриним. Разными путями передается из рук в руки, от творца к творцу вечно живая

эстафета поколений. О ней напоминают приведенные выше строки, написанные Людмилой Ивановной Кедринной, женой и другом поэта.

Отступая из города осенью 1943 года, гитлеровцы пытались уничтожить памятник Пушкину. Накинули на шею трос, прицепили к крюку тягача. Они тащили бюст по мостовой до второго трамвайного парка.

Рабочие-трамвайщики спрятали Пушкина, так же как в соседнем Днепропетровске другие рабочие укрыли сброшенную фашистами с пьедестала фигуру Прометея. А после освобождения индустриальных городов-братьев снова вернулись на свои места великий поэт России и легендарный античный титан, давший человечеству огонь.

«И долго буду тем любезен я народу...» Эта строка на одной из граней пьедестала.



Рисунок 53 Памятник А. С. Пушкину.

Скромный бюст Пушкина в Днепропетровске не соревнуется с великолепными памятниками Москвы и Ленинграда. Но он дорог днепропетровцам как зримое воплощение близкой их сердцу странички биографии великого поэта, которая написана в мае 1820-го у днепровских берегов.

ЛАВКА ЕГОРОВОЙ

Прогуляйтесь по кварталу проспекта Карла Маркса между Харьковской и Баррикадной улицами. Внешне восточная часть этого квартала сохранилась почти в том самом виде, в каком знали его екатеринославцы последней четверти прошлого века. Несколько старых двухэтажных зданий с фасадами, перегруженными в духе того времени

лепными карнизами, витиеватыми оконными и дверными наличниками, вычурными колонками... Тут и поныне самая старая из ныне действующих аптек, № 1, которая именовалась когда-то аптекой Сартисона, позднее — Поля. А рядом, возле хлебного, был книжный магазин, тоже самый «пожилой» в Днепропетровске, потому что занимал он помещение старой книжной лавки Егоровой. Но недавно, по воле горкоммунхоза, книжники перебрались правее, ближе к Баррикадной, а бывшую егоровскую лавку присоединил к своим владениям магазин «Косметика». Взгляните на левую, ныне закрытую дверь (под балконом) этого магазина. Порог ее часто переступали интересные люди прошлого, отдаленного от нас почти веком, и в их числе замечательный украинский поэт, краевед, этнограф Иван Иванович Манжура.

...В узком и длинном темноватом помещении находилась библиотека для чтения. Принадлежала она Александру Ивановичу Егорову, екатеринославскому нотариусу и адвокату, но была записана на жену его Софью Васильевну. Часть помещения занимала небольшая книжная торговля. Такое совмещение было в то время весьма распространенным. Вспомним хотя бы знаменитую книжную лавку Смирдина в Петербурге.



Рисунок 54 В этом доме находилась книжная лавка Егоровой.

Своими людьми были здесь Иван Иванович Манжура и добрый его знакомец Григорий Антонович Залюбовский — екатеринославский краевед и журналист, сотрудник газеты «Днепр» и еженедельника «Степь», выходявших в городе непродолжительное время во второй половине 80-х годов. Заглядывал сюда на огонек и редактор «Днепра» Николай Васильевич

Быков, брат известного в свое время столичного публициста, переводчика, редактора Петра Быкова. Всех этих людей сблизил круг общих интересов, любовь к родному краю, совместная работа в екатеринославской печати. Причастен был к ней и сам хозяин — А.И. Егоров, автор любопытной брошюры «Екатеринославское блукание». Занимался он и делами издательскими. Впрочем, попытка его напечатать две поэмы Манжуры — «Иван Голик» и «Трьомсин-богатир» потерпела фиаско — царская цензура наложила вето на эти проникнутые духом свободолюбия произведения. И если бы не выдающийся харьковский ученый-филолог и этнограф Александр Афанасьевич Потеня, отзывчивый и сердечный человек, многим помогший своему екатеринославскому коллеге с его трудной и изломанной судьбой, не увидел бы Иван Иванович и единственного более или менее объемистого своего сборника «Степові думи і співи», вышедшего при его жизни.

Сюда, в этот магазин, был доставлен из Харькова весь мизерный тираж «Дум» — около трехсот экземпляров, которые взялся реализовать А.И. Егоров. Здесь летом 1889 года с трепетом душевным и взял впервые в руки автор свою первую «настоящую» книжку (две тоненькие брошюрки, изданные в Екатеринославе в 1885—1886 годах, в счет не идут). Сюда же, на магазин С.В. Егоровой, шла некоторое время корреспонденция поэта, всю свою недолгую, на сорок втором году оборвавшуюся жизнь не имевшего ни кола, ни двора и вынужденного, по собственному горькому признанию, «тыняться по людях». Можно смело сказать, что тут, среди армии книг, в кругу наиболее близких людей, было самое родное в Екатеринославе для Ивана Ивановича место.

Творческое наследие И.И. Манжуры, небольшое по объему (оно умещается в томе средних размеров), дорого нам щедро рассыпанными в его сказках, баснях, стихах жемчужинами мудрости украинского народа, чудесным его языком, который поэт так любил и всю жизнь неутомимо изучал. Лучшее из написанного Иваном Ивановичем прочно легло в сокровищницу классической украинской литературы. В дооктябрьской истории культурного развития города короткая по времени, трагически завершившаяся глава жизни и творчества Манжуры — одна из самых ярких и впечатляющих.

Поэтому и приходишь сюда всякий раз с мыслями о хорошем, талантливом человеке, много раз переступавшем порог егоровской лавки, проводившем здесь те редкие счастливые часы, которые так скупно отпустила ему судьба в пору мрачного царствования Александра III.

К слову, этот магазин на проспекте — единственное сохранившееся в городе место, связанное, по достоверным сведениям, с екатеринославским периодом жизни и творчества Ивана Манжуры. Невозможно установить, в какой именно корпус бывшей земской больницы (теперь — больница имени Мечникова) был доставлен Иван Иванович в тот майский день 1893 года, когда его подобрали на одной из екатеринославских улиц в бессознательном состоянии, и в которой он скончался на следующий день. Затерялась еще в

прошлом веке убогая могила Манжуры на Севастопольском кладбище, там, где разбит в наши дни Севастопольский парк.

АРОМАТ ИСТОРИИ

Площадь имени Шевченко, особенно в летнее время, — чудесный уголок Днепропетровска. Буйная зелень парка имени великого Кобзаря лавиной перехлестывает через решетчатую ограду. На клумбах во всю длину этой узкой продолговатой площади — щедрая цветочная радуга. Правее, если стать лицом к Днепру, — полукружье колоннады у главного входа в парк.

На пригорке — несколько старых особняков, свидетели тех времен, когда эта площадь называлась Дворянской и была раза в два шире нынешней. Среди них — двухэтажный дом под номером пять, с фасадом красного кирпича. Поднимитесь по ступенькам крыльца с балюстрадой, постучите во входную дверь, и вы попадете в царство истории.

История была смыслом жизни, солнцем и воздухом хозяина красного дома. Переехав в Екатеринослав, он не случайно избрал местожительством именно этот нагорный район, прилегавший к тогдашнему Потемкинскому саду.

Здесь все дышало родной стариной, влекло красой почти нетронутой природы. Белый дворец конца XVIII века, окруженный живописным в своем запустении садом, насаженным еще запорожцем Глобой. Просторная площадь, заросшая полевым разнотравьем, по которой змеились кое-где узкие тропки. А какой чудесный вид открывался тогда отсюда на Днепр с его островами, на бескрайние дали левобережья!

Тридцать пять лет, с 1905 по 1940 годы, прожил в этом домике замечательный украинский историк, певец героики запорожского воинства Дмитрий Иванович Яворницкий, создатель и научный руководитель Днепропетровского исторического музея, носящего ныне его имя. И так естественно, что здесь, в красном особняке, расположен теперь филиал музея с мемориальной комнатой этого большого ученого.

История завладеет вами еще в вестибюле, частично расписанном другом хозяина дома художником Николаем Струнниковым. Вот скачут на лихих конях по бескрайней степи Тарас Бульба с сынами Остапом и Андрием. А с другой стены глядит казак с люлькой, написанный в манере старинной украинской живописи. Это как бы пролог к экспозиции, расположенной в просторной комнате — бывшем рабочем кабинете Д. И. Яворницкого.

В одной из витрин — тетради, которым около века, — школьные тетради будущего ученого, далее — университетские его матрикулы, диплом об окончании Харьковского университета, копия диплома магистра русской истории, удостоверение Академии наук УССР, членом которой Дмитрий Иванович был избран в 1929 году...

Вот они, ступени долгого и трудного восхождения

Дмитрия Ивановича к вершинам науки, для которой он так много сделал. Взгляните на другую витрину, в которой собраны научные труды Яворницкого. За стеклом ее — лишь небольшая часть написанного ученым, автором более пятидесяти научных работ, вышедших отдельными изданиями, не считая около двадцати статей, опубликованных в сборниках и журналах. С уважением рассматриваешь обложку первого, изданного еще в девяностых годах, тома его трехтомного монументального труда «История запорожских казаков». Эта большая военно-патриотическая тема, глубокое и всестороннее исследование жизни, быта, боевых походов войска Запорожского стала поистине делом жизни ученого. И то, что свершил он в этой области, трудно переоценить. Но вдохновенное творчество историка не укладывалось в рамки одной этой темы. Он собирал украинские песни, исследовал биографию Тараса Григорьевича Шевченко, у него были и интересные беллетристические пробы пера.



Рисунок 55 Дом, где жил академик Д. И. Яворницкий.

Казалось бы, мало одной, длинной восьмидесятипятилетней жизни, чтобы совершить все это, даже не вставая из-за письменного стола (этот старинный стол, такое же кресло, меблировку дома с уважением разглядывают посетители). Но Дмитрий Иванович не был «книжным червем», кабинетным ученым. Сотни и сотни драгоценных предметов украинской старины, выставленных в витринах музея его имени или хранящихся в богатейших фондах, добыты лично Дмитрием Ивановичем во время его нескончаемых экспедиций по Приднепровью, раскопаны в древних могилах — курганах, отвоеваны для «храма науки» у прижимистых

собственников, о которых узнавал он чутьем настоящего следопыта. Родным домом Яворницкого были ковыльные степи с их неповторимой красотой — им посвятил он специальный зал в музее.

Еще одна витрина в мемориальной комнате никого не оставит равнодушным. Подлинники писем, фотографические портреты с дарственными надписями. Лев Толстой и Владимир Стасов, Микола Лысенко и Михаил Коцюбинский, строки корифеев классического украинского театра М. Старицкого и П. Саксаганского, знаменитого «дяди Гиляя» — Гиляровского... Их влекли к Дмитрию Ивановичу его огромная эрудиция, увлеченность, неотразимое человеческое обаяние, готовность помочь каждому, кому нужны были его обширные знания. Стоит вспомнить, какую помощь оказывал Яворницкий близкому своему другу и земляку Илье Репину в работе над его бессмертными «Запорожцами».

И еще об одном напоминает экспозиция мемориальной комнаты — об обширной общественной деятельности Д.И. Яворницкого, его многочисленных лекциях для школьников, студентов, для рабочей аудитории, где он всегда был желанным гостем. Вот афиши еще дооктябрьских времен, сообщающие о выступлениях ученого, в частности — объявление о лекции «Жизнь запорожских казаков» в Нижнеднепровских вагонных мастерских в 1909 году.

Красного кирпича особняк № 5 на площади Шевченко с его обширной научной библиотекой, богатыми документальными фондами, запасником исторической живописи в комнатах первого этажа остался, как и при жизни прежнего его владельца, подлинным «домом прошлого». Того славного прошлого нашего народа, которое помогает лучше и полнее осмыслить наш настоящий день и еще увереннее строить прекрасное будущее.

ШТАБ БОЛЬШОЙ НАУКИ

Среди зданий Днепропетровска, обладающих «персональными» мраморными или литыми «паспортами», этот огромный корпус в нагорной части проспекта Карла Маркса является безусловно главенствующим. Посчитайте: одна, две, три... семь, восемь белых мраморных табличек в правом углу выходящего на проспект фасада.

Трехэтажное здание это обратит на себя внимание приезжего человека еще до того, как он заметит ряд мемориальных таблиц. Оно привлекает своей простотой и строгой монументальной архитектурой, свойственной российскому классицизму. Шесть мощных колонн, опирающихся на цокольную часть центрального входа, поддерживают верхнюю, треугольную часть портика — ее украшает обрамленная венком и лентами горняцкая эмблема.

Главный корпус старейшины вузов города — Днепропетровского горного института, носящего имя славного земляка Артема (Сергеева), имеет свою примечательную историю. Заложили его на рубеже десятых годов нашего столетия, незадолго до того, как основанное в 1899 году Екатеринославское высшее горное училище было возведено в ранг

института. Ранее учебная жизнь протекала в старых корпусах, выходящих на улицу Кирова и продолжение улицы Шевченко. Первая империалистическая война оборвала строительство, и оно было завершено уже при Советской власти по решению Совета Труда и Оборона СССР. Гитлеровские захватчики, отступая из города в 1943 году, предали корпуса горного института огню. После войны они были восстановлены.

А теперь — о табличках на фасаде, с которых мы начали наш рассказ. Они напоминают о научной славе Днепропетровского горного, росшей и утверждавшейся с первых лет его существования, о том, как в его стенах возникла и расцвела своя школа горного дела и смежных с ним технических отраслей. Школа, влияние которой распространилось на всю Россию и шагнуло за ее пределы.

С 1900 по 1922 годы преподавал здесь и вел большую научную работу академик Александр Митрофанович Терпигорев, основатель советской горной науки. В 1904—1914 годах будущие инженеры-горняки слушали в этих стенах лекции профессора Михаила Михайловича Протодьяконова, создателя учения о горном давлении. У истоков советского горного дела стоял, как и Терпигорев, другой виднейший специалист академик Лев Дмитриевич Шевяков, лауреат Государственной премии, преподававший в горном институте с 1912 по 1928 год. Более двадцати лет, с 1913 по 1934 годы, в списках преподавателей ДГИ стояло имя Льва Владимировича Писаржевского, позднее — академика, основателя Украинского института физической химии. Всегда полна была аудитория, когда читал лекции известный специалист в области механики, заслуженный деятель науки и техники УССР Александр Николаевич Динник — он работал в институте с 1913 по 1930 годы. В двадцатых годах (1920—1929) руководил здесь кафедрой Василий Петрович Никитин, будущий академик, один из создателей машин и аппаратов для дуговой электросварки. И, наконец, более половины своего творческого пути связал с Днепропетровским горным институтом Владимир Матвеевич Маковский, создатель советской школы газотурбостроения.

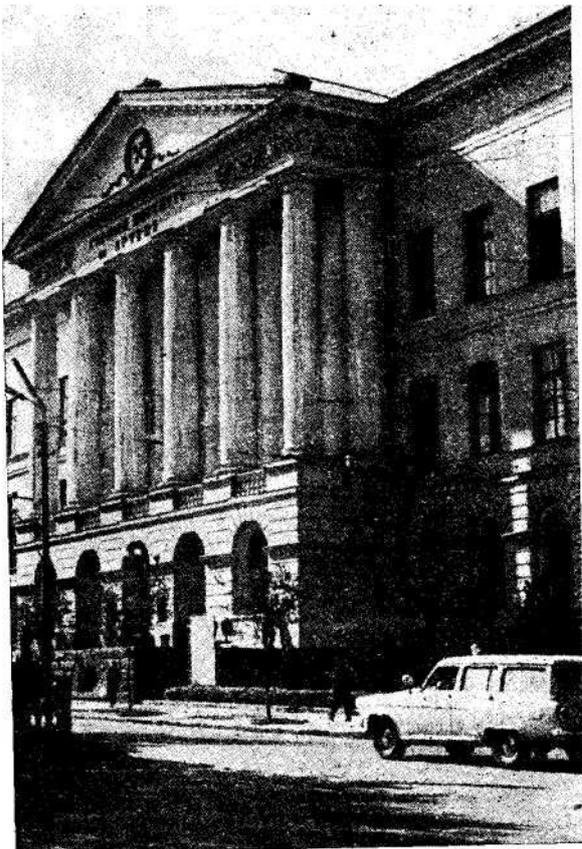


Рисунок 56 Горный институт.

Семь табличек, семь имен замечательных ученых, чьими научными свершениями законно гордятся новые и новые поколения студентов и преподавателей. Можно добавить: этим сверкающим научным созвездием не ограничиваются списки талантливых ученых, в разное время работавших здесь и обогативших теорию и практику горного дела десятками замечательных открытий.

На двух из перечисленных имен хочется остановиться особо. Ибо А.М. Терпигорев и В.М. Маковский были не только талантливыми учеными, но и передовыми общественными деятелями, участниками революции 1905—1907 годов. В декабре 1905 года восставшие рабочие екатеринославских заводов оказали им высокое доверие, введя в состав Боевого Стачечного Комитета, и оба ученых оправдали это доверие. А Маковский (подпольная кличка — «Иваныч»), кроме того, был в 1905 году членом Екатеринославского комитета большинства РСДРП. Когда закончилась гражданская война, этот замечательный человек стал во главе созданного им рабфака горного института и несколько лет умело и тщательно подбирал на заводах молодых способных рабочих — пролетарское пополнение, из рядов которого вышло впоследствии немало отличных инженеров, одаренных ученых.

Ну, а восьмая табличка? Мы ведь насчитали их восемь. Она напоминает о том, что 5 марта 1928 года, в дни второго своего приезда в Днепропетровск, в зале главного корпуса горного института выступил Владимир Маяковский.

В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ

Когда-то в этом, в то время двухэтажном, здании на нынешнем проспекте Карла Маркса находилось Екатеринославское первое реальное училище. В советское время были надстроены еще два этажа, и с середины тридцатых годов здесь разместился химический факультет Днепропетровского государственного университета. Незадолго до праздника пятидесятилетия Великого Октября у главного входа «химкорпуса», как его называют в обиходе, собралось много народу — студенческая молодежь да и пожилых немало. Неторопливо сползло покрывало, и перед глазами сотен пришедших почтить память известного украинского ученого предстало на большой мемориальной доске его мужественное лицо, как бы освещенное пытливым взором исследователя.

Где же быть ему, как не здесь, на здании, которое не один год было родным его домом. Сколько сил, времени, неумной энергии затратил Лев Владимирович Писаржевский на создание нового, химического факультета, на подбор знающих, высококвалифицированных специалистов для его кафедр, не считая зазорным для себя вникать в «прозаические» хозяйственные и организационные мелочи. А ведь он был ученым с мировым именем, дважды академиком: членом Академий наук УССР и СССР.

Четверть века научной и педагогической деятельности Льва Владимировича — самый важный, плодотворный ее период — связана с Днепропетровском. Сюда, в Екатеринослав, по приглашению ректората Горного института, переехал он в 1913 году и работал до последних дней жизни (умер Л.В. Писаржевский в марте 1938 года). Здесь, в Днепропетровске, вступил он в 1930 году, будучи немолодым уже человеком, в партию Ленина.

Он стоял у колыбели не только химического факультета университета, Днепропетровского химико-технологического института, но и нового научно-исследовательского учреждения — института физической химии, котором руководил с 1927 года.



Рисунок 57 Мемориальная доска памяти академика Л. В. Писаржевского.

Главным, важнейшим делом его жизни стала новая в то время отрасль химической науки — изучение важнейших ее проблем с точки зрения электронных представлений. В этой области Лев Владимирович стал признанным главой большой научной школы, воспитал, вывел на дорогу научного поиска десятки талантливых последователей.

Существует выражение «храм науки». Подлинным храмом для энтузиастов химии был этот учебный корпус у начала нагорной части проспекта. В нем и сейчас работают люди, которые помнят замечательные лекции Писаржевского, собиравшие огромную и благодарную аудиторию. У Льва Владимировича, по воспоминаниям многих его учеников и сотрудников, был свой стиль, свой постоянный метод ученого и педагога. Он не ограничивал тематический горизонт своих лекций уже окончательно выясненными, исследованными вопросами, а смело вводил студентов в круг еще не решенных проблем дня сегодняшнего и завтрашнего, над которыми трудился сам со своими ближайшими учениками. Он верил в творческие силы молодежи, уверенно опирался на нее, открывая простор для смелого, новаторского поиска.

Давно уже нет Л. В. Писаржевского, но не забывается его доброе имя, запечатленное на мемориальной доске «химического корпуса», в котором творчески трудятся в наши дни его последователи и продолжатели, учатся новые и новые поколения будущих тружеников на ниве советской Большой химии.

КОМСОМОЛ, Я ТВОЙ ПОЭТ!

Никто не знает, почему назвали эту тихую, застроенную небольшими домиками улицу Гимнастической. Но она вошла в историю советской поэзии: в одном из ее домиков, дворовом флигельке домовладения Баранова, родился в июне 1903 года человек, написавший «Гренаду» и «Песню о Каховке», — Михаил Светлов.

Уже нет того флигелька, а бывшая Гимнастическая улица вот уже более тридцати лет носит имя героя челюскинской эпопеи Отто Юльевича Шмидта. Даже нумерация изменилась: до революции дом Баранова числился под номером седьмым, теперь это дом № 23.

А дух Светлова словно сберегся здесь. Старожилы помнят длинную, покосившуюся хибарку, в одном из «отсеков» которой уютилась семья «буржуа, мелкого, даже очень мелкого» — так охарактеризовал социальную принадлежность своего отца в шуточной автобиографии сам поэт. В большой нужде жила семья, пробавлявшаяся копеечными заработками главного добытчика, да торговлей семечками, которые артистически жарила мать поэта.

«Моя культурная жизнь началась с того дня, когда отец приволок в дом огромный мешок с разрозненными томами сочинений наших классиков, — писал Михаил Аркадьевич в «Заметках о моей жизни». — Все это добро вместе с мешком стоило рубль шестьдесят копеек. Отец вовсе не собирался создавать публичную библиотеку. Книги предназначались на кульки. Я добился, что книги пойдут на кульки после того, как я их прочту. Тогда я узнал, что Пушкин и Лермонтов погибли на дуэли...»

Первые стихотворные пробы пера Михаила Светлова появились, по его собственному свидетельству, в год Октября. А в самом конце девятнадцатого года в первом номере «Звезды», вышедшем после освобождения города от белогвардейцев частями Красной Армии, было опубликовано его стихотворение, словно светившееся радостью возвращения Советской власти. Не от него ли отсчитывать стаж профессиональной литературной работы Светлова? Ведь пройдет несколько недель, и он будет назначен заведующим отделом печати Екатеринославского губкома комсомола, а еще немного спустя семнадцатилетний поэт станет редактором первого на Украине екатеринославского комсомольского журнала «Юный пролетарий». В воспоминаниях Михаила Аркадьевича мы читаем о том, с какими трудностями издатели и редакция раздобыли для своего детища бумагу, за неимением обычной — темную конвертную, на которой печать была еле различима.



Рисунок 58 Мемориальная доска памяти М. Светлова.

Как к редактору, к Светлову пришли со своими стихами два паренька с Александровской (теперь улица Артема) — Михаил Голодный и Александр Ясный. «В нашей комсомольской организации я был единственным поэтом, теперь нас стало трое». Добавим от себя, что тесная личная и творческая дружба трех литераторов сохранилась на всю жизнь, недаром их шуточно прозвали в Москве «тремя мушкетерами из Екатеринослава».

...Во второй половине июля 1956 года Михаил Светлов в последний раз побывал в родном городе. Долго стоял во дворе дома № 23 по улице Шмидта, где уже не было отчего дома, и, наверное, воскресли в его памяти светлые картины детства и юности, светлые потому, что никакие материальные лишения не могут затенить солнечную голубизну молодости.

А десять лет спустя, когда уже ушел из жизни Михаил Аркадьевич, в августовский день 1966 года улицу Шмидта заполнили представители огромной армии тех, кому дорог радостный талант нашего земляка. Спадает покрывало с мемориальной доски, на которой рядом с профилем поэта и его тенью в буденновке высечены светловские строки:

*«Комсомол! Я твой поэт —
Песнь одна, и судьбы схожи».*

БАГРЯНЕЦ НА СТЕНЕ

Эта мемориальная доска видна издали и привлекает взгляд прежде всего своим багрово-красным цветом.

Большой пятиэтажный дом, на стене которого она укреплена, известен старожилам как «дом Андриевского» и находится на углу Комсомольской и Серова. Подобных ему немало в центральной части Днепропетровска. Такие облицованные серым кирпичом трех-, четырех-, пятиэтажные блоки

вырастали на главных улицах в пору строительного ажиотажа, разгоревшегося и в Екатеринославе незадолго до первой мировой войны. Предприниматели вкладывали сотни тысяч в сооружение больших доходных домов, рассчитанных на таких же богатых квартиросъемщиков. Рассказывают, что в первые годы существования дома Андриевского лестницы, его были устланы бархатными дорожками, в подъездах дежурили дородные, генеральского вида швейцары.

Но случилось то, чего не предвидел господин Андриевский. Грянула революция, доходные дома наряду с фабриками и заводами стали собственностью народа. Бури гражданской войны основательно потрепали дом. Стройную башенку, венчавшую угловую его часть, разворотил махновский, прилетевший из-за Днепра снаряд. В трудные зимы 1920 — 1921 годов весь выходивший на две улицы фасад был утыкан длинными выводами труб от печек-«буржук», дочерна закоптивших высокие потолки и нарядные обои...

Тогда-то в одной из многокомнатных квартир «дома Андриевского», после «уплотнения нетрудовых элементов», появилось невиданное учреждение: комсомольское общежитие-коммуна.

Таких коммун в городе возникло несколько: на Чечелевке, на Амуре, в Кайдаках... Коммуну в «доме Андриевского» назвали губкомовской, потому что жили в ней работники-активисты губкома комсомола, помещавшегося напротив, через улицу, в просторном особняке с фасадом, исписанным яркими, броскими лозунгами. С 1919 года этот особняк стал средоточием бившей ключом молодежной жизни Екатеринослава. Тут всегда толпились рабочие пареньки, девчата в красных косынках, в комсомольском клубе, находившемся тут же, гремели хоровые песни, работали кружки.

Губкомовская коммуна в «доме Андриевского» занимала четыре жилые комнаты: одна для парней, другая для девушек, остальные две — для семейных. Была еще и пятая, общая комната, служившая по совместительству столовой, учебным классом, дискуссионным клубом. Жизнь в коммуне начиналась по уставу после десяти часов вечера, когда заканчивалась работа в клубе напротив. Губкомовцы должны были постоянно находиться в гуще трудовой молодежи.

Красная мемориальная доска на фасаде напоминает о том, что членами губкомовской коммуны были трое поэтов, из которых два Михаила — Светлов и Голодный получили впоследствии всесоюзное признание. Третий, Александр Ясный, хоть был он менее известен, тоже оставил заметный след в нашей отечественной поэзии.

Имя Михаила Голодного стоит рядом с именами Александра Жарова, Александра Безыменского, Иосифа Уткина... Плеяда комсомольских поэтов двадцатых годов — певцов боевой романтики революции и гражданской войны, первых новостроек социализма.

В детстве он был екатеринославским Гаврошем. Плохо одетый, вечно голодный парнишка с Александровской улицы, мальчик на побегушках в лавке пана Барага. Прочтите главы из автобиографической поэмы

М. Голодного «Детство», и вы ощутите дыхание предоктябрьского Екатеринослава, его главной улицы — Екатерининского проспекта, контрасты нищеты и сытого благополучия, охраняемого «настоящим, живым, с медной бляхой на пузе, городовым».

Он был однолетком своего друга и земляка Светлова. В предоктябрьские дни ему исполнилось только четырнадцать. «Я подростком стою на пороге эпохи... Стук приклада — мне в мир открывается дверь» — как точно это сказано в «Комсомольской хронике»! В екатеринославском цикле стихов Голодного — лаконичные картины гражданской войны, бесконечных смен власти в городе. Он ясно видел свое место в этой борьбе, но активному участию в ней еще мешали эти «четырнадцать». А когда в конце 1919-го окончательно утвердилась в родном городе Советская власть, Миша Голодный отдает себя новой жизни со всем нерастраченным жаром молодости, посвящает ей крепнущее свое перо.

Старые комсомольцы вспоминают, каким успехом у рабочей молодежи Екатеринослава пользовались выступления неразлучной тройки комсомольских поэтов. Как не отпускали их с трибуны: «Еще, Миша! Еще, Саша!»

И так естественно, что комсомольские активисты-литераторы, редактор и сотрудники журнала «Юный пролетарий», заняли свое место в губкомовской коммуне, деля в дружном комсомольском коллективе трудности и радости тех далеких лет.



Рисунок 59 Мемориальная доска памяти М. Светлова, М. Голодного, А. Ясного.

Нет уже Михаила Светлова, Михаила Голодного... На плацдарме за Одером, в бою за городок Гросс-Рауден погиб фронтовой газетчик Александр Ясный, автор нескольких книжек хороших, партийных стихов.

Пламенем первых лет Советской власти, огнем комсомольских сердец озарена алая памятная доска, мимо которой не пройдешь равнодушно.

ПАРЕНЕК С НАДЕЖДИНСКОЙ

Славная екатеринославская поэтическая троица, — Светлов, Голодный, Ясный — оперившись, уже покинула родной город, держа курс на Москву — всесоюзную трибуну литераторов. Шел 1924 год, когда порог редакции губернской комсомольской газеты «Грядущая смена» впервые переступил незнакомый сотрудникам паренек.

«Он казался совсем подростком, — писал об этой первой встрече редактор газеты Михаил Беднов. — Зашел, долго смущенно поглядывал своими очень близорукими глазами на работников редакции, будто сомневался — попал ли именно туда, куда хотел. Худощавый, скромный и тихий юноша».

А между тем склонности Дмитрия Кедрина уверенно вели его в поэзию — через газету, как и многих других молодых литераторов. Дмитрий Борисович становится сотрудником «Грядущей смены», а когда в начале 1924 года при ней стал выходить комсомольско-молодежный журнал «Молодая кузница» и особенно широко развернуло работу многолюдное городское литературное объединение с тем же названием, — он весь ушел в любимый, желанный мир творчества, для которого был рожден.

Не сберегся до наших дней большой уютный особняк в глубине двора на проспекте Карла Маркса, по четной его стороне, чуть наискось от нынешнего театра имени Горького. Как и десятки других зданий на главной днепропетровской магистрали, он был сожжен гитлеровцами осенью 1943 года. Если бы обошли его фашистские факельщики, именно здесь следовало бы поместить мемориальную доску с тонким, одухотворенным полупрофилем талантливого поэта, которую можно увидеть теперь на фасаде длинного двухэтажного здания техникума железнодорожного транспорта в конце Пушкинского проспекта. Тут, в одном из старейших средних технических учебных заведений города (он назывался тогда техникумом путей сообщения), Дмитрий Кедрин учился с 1922 по 1924 годы и не окончил его, ощутив, что дорога жизни его иная.

А потому вернемся мысленно в тот не существующий ныне особняк на проспекте, где юноша Кедрин провел самые вдохновенные, светлые часы и дни из восемнадцати лет, прожитых в Екатеринославе (1913—1931). Здесь, в бывшем помещении газеты «Приднепровский край», долгие годы находилась редакция газеты «Звезда». Западное крыло занимала «Грядущая смена», где работал Кедрин. А в правом, у главного входа, — просторный зал, где часто собирались «молодые кузнецы», как шутливо называли членов литературного объединения. Какая активная, подлинно творческая атмосфера царилась здесь на собраниях, какие бурные страсти, яростные споры

разгорались подчас из-за одной проблемной стихотворной строфы или прозаического абзаца! В зале — не протолкнуться. Много было в Екатеринославе первого десятилетия Советской власти творческой молодежи, для которой литература и, в частности, поэзия была жизненным призванием. В этой среде мнение Кедрина было веским, авторитетным. «В своих высказываниях,— читаем мы строки воспоминаний одного из «молодых кузнецов», Ивана Правдина,— он не был никогда грубым и многословным, но и не делал скидок. К его голосу прислушивались не только заводские пареньки, едва начавшие испытывать свои силы в области литературного творчества, но и «авторитеты», так как даже в ту пору Дмитрий Кедрин техникой стиха владел хорошо».



Рисунок 60 Мемориальная доска памяти Д. Кедрина.

Екатеринославский период биографии Кедрина — это период упорных творческих поисков, жадного познания окружающей действительности, период самоопределения большого, настоящего поэта. С городом, куда он приехал семилетним ребенком и который покинул в расцвете сил, связана без малого половина его короткого, безраздельно отданного поэзии жизненного пути.

Помните. Жил он на Надеждинской (Короткой) улице, которая называется теперь Чичеринской, в скромном домике под номером тридцать шестым. Учился в коммерческом училище, потом в техникуме путей сообщения. Но настоящей школой жизни и литературы стал для Кедрина весь большой, рабочий, индустриальный Днепропетровск, который он помнил и чтит по-сыновнему до конца своих дней.

НА РАССВЕТЕ СВОЕЙ ПОЭЗИИ

Недавно на угловом срезе фасада университетского корпуса, что по улице Шевченко, появилась мемориальная доска. Она напоминает о молодом украинском поэте Владимире Булаенко, который учился здесь, на филологическом факультете, любил и чтит родной язык, родную литературу, готовясь посвятить ей всю жизнь, отсюда ушел в сорок первом на фронт, чтобы уже никогда не вернуться в аудитории своей альма-матер.

Ему исполнилось только двадцать шесть лет накануне смертного боя на латышской земле, где, заботливо ухоженная, осталась его могила. «1918—1944». Красноречивые, горестные в своей близости даты рождения и смерти. Они горьки всегда — не только для родных и близких, но и для каждого советского человека, который прочтет их. И особенно горьки, когда речь идет о юноше, за короткую жизнь свою уже успевшем проявить свой настоящий талант. Таким был Владимир Дмитриевич Булаенко.

Родом Булаенко с Подольцины, из села Сорокадубы. Рано привык он поверять заветной тетради думы о родном крае, о трудном детстве без отца, которого окопы первой мировой войны привели к безвременной могиле. Но то были лишь пробы пера. Настоящие, горячие поэтические строки родились впервые в черную ночь оккупации, когда младший лейтенант Булаенко, попав со своей частью в окружение, бежал из фашистского плена и добрался до родных Сорокадубов. То были подчас суровые, мужественные раздумья о своем, о личном, а больше — об отчем крае, над которым простерла вороньи крылья зловещая ночь чужеземного ига. Нет в них пессимизма, обреченности. Снова и снова звучит в стихах Владимира Булаенко твердая, из глубины сердца идущая убежденность в торжестве нашей правды. Поэт мечтает о заветных днях после Победы, когда, распрощавшись с верной подругой-пушкой, созовет он в свою хату фронтовых друзей. Но главный мотив — готовность идти в бой за Родину, отдать за нее самое дорогое — жизнь.

*«Колись історія назве наш час
народженням людини,
Бо поки серце в нас живе —
ми не стояли на колінах».*

В этих строках Булаенко, высеченных на мемориальной доске, — лейтмотив его короткой поэтической жизни. Находясь вдали от Приднестровья, ставшего его вторым родительским домом, Владимир не забывал о крае, где прошли самые светлые, радостные годы, с которым ассоциировалась память о друзьях-студентах, о любимых аудиториях. «Дніпропетровщино, на грудях твоїх зоряних поетом-комунаром я згорю» — так завершается одно из его стихотворений. И город, его университет, где несколько лет учился Булаенко, хранит уважительную память о юноше, погибшем, как точно сказала в статье о нем поэтесса Лина Костенко, на рассвете своей поэзии.

Глядя на мемориальную доску, посвященную Владимиру Булаенко, невольно перебрасываешь мостик памяти еще к двум именам талантливых

поэтов-днепропетровцев, жизненный и творческий путь которых так же безвременно оборвался на фронтах Великой Отечественной.



Рисунок 61 Мемориальная доска памяти В. Булаенко.

...В бою за мост возле молдавского города Унгены в начале июля 1941 года погиб лейтенант Евгений Горфин, автор многих прекрасных стихов, опубликованных в довоенные годы в областной и республиканской печати.

Евгений Горфин пал в бою в расцвете литературных сил, ему было около тридцати лет. А Савва Ходос перед самой войной окончил среднюю школу и восемнадцатилетним юношей добровольцем ушел на фронт. Он был убит в сражении под Перемышлем в том же грозном 1941-м. Его первые стихи «Русский штык», «Шехерезада», «Шахматы» поражали своей силой, острой мыслью, ясностью и глубиной философских обобщений...

Пусть недописанное, недосказанное земляками-поэтами, павшими в жестоких боях за Отчизну, станет делом жизни наших новых поэтических поколений.

УКРАИНСКИЙ ДОМ»

Наверное, любой приезжий, знакомясь с главной улицей Днепропетровска — проспектом Карла Маркса, остановится возле четырехэтажного белого здания на углу улицы Короленко, привлеченный его необычной архитектурой. А для некоторых гостиница «Украина», расположенная в нем, возможно, станет временным жилищем.

Изберем этот красивый дом «героем» короткого рассказа не в силу каких-либо связанных с ним особо выдающихся событий, а чтобы показать,

как в биографии одного здания, сравнительно не очень длинной, наслаиваются пласты истории города.

Место, на котором стоит дом, долгое время принадлежало богатому купеческому роду Хренниковых. Еще в конце прошлого и в начале нашего столетия на месте нынешней гостиницы «Украина» находилось одно из тех неприметных приземистых торговых помещений, которыми в ту пору был застроен почти весь проспект. Но в 1910 году сюда пришли с ломами и кирками строительные рабочие. Магазин разобрали на кирпич, и вскоре на его месте начали рыть большой котлован, изумлявший екатеринославцев необычной своей глубиной.

Этаж за этажом поднималось в строительных лесах новое здание. Десятки больших домов, четырех-, пятиэтажных в модном стиле «модерн» выросли в начале десятых годов на центральных улицах Екатеринослав, там, где еще недавно глядели оконца маленьких дедовских домишек. И богачи Хренниковы не желали отставать от «велений эпохи». Характерным было и то обстоятельство, что строил дом по собственному проекту сам будущий его хозяин, представитель нового поколения купеческого рода инженер-технолог В.Н. Хренников. Прошла пора малограмотных Тит Титычей, подобных персонажам А.Н. Островского. И это тоже было приметой времени.

Примерно за год до начала первой мировой войны «украинский дом» Хренникова раскрыл двери нескольких магазинных своих помещений, въехали в пахнущие свежей краской квартиры первые жильцы, электрические шары зажглись у входа театра «Палас», расположенного в левом, выходящем на Первозвановскую улицу крыле чудо-дома. Он стал поистине сенсацией номер один в предвоенном Екатеринославе, на него ходили любоваться, считали, и не без основания, лучшим зданием города. Действительно, красив был белый фасад, автором проекта которого был талантливый зодчий Петр Фетисов. Своеобразная конфигурация оконных проемов верхних этажей, деревянные верхние лоджии по бокам центральной башни, разноцветная глазурь изразцов, воспроизводивших украинские народные орнаменты, шатровые надстройки в стиле куполов старых запорожских церквей — многое приближалось к чертам классической украинской архитектуры. Этот стиль, определенный позднее как «украинский модерн», в то время входил в моду. Венчали здание кованые шпили, из которых особенно обращал на себя внимание фигурный центральный: два конных силуэта — запорожец и шляхтич, столкнувшиеся в яростной схватке.

Только три года был этот дом собственностью Хренниковых. Октябрь сделал его народным достоянием. В семнадцатом году просторный, отделанный дубом зал театра «Палас» стал свидетелем бурных митингов, тут часто выступали большевистские ораторы, гремели подхваченные переполненным залом революционные песни. А в феврале 1920-го, вскоре после освобождения Екатеринослава, тут, на перекрестке возле дома, было место сбора участников первого в городе коммунистического субботника.

Связан «украинский дом» и с историей здешней советской печати. В конце зимы и весной 1919 года в нескольких комнатах четвертого этажа этого здания помещалась редакция газеты «Звезда».

После окончания гражданской войны «дом Хренникова» — так долго еще называли его по привычке, — стал одним из центральных очагов культурной жизни города. С 1922 года в нем помещался заново созданный при Советской власти Художественный музей, а помещение бывшего «Паласа», в котором одно время ставили свои спектакли пролеткультовцы, стало сценической площадкой дружного молодежного коллектива тюзовцев — артистов и режиссеров Днепропетровского театра юного зрителя. Сколько отличных, завладевших разумом и сердцем спектаклей, показанных в этом зале с его великолепной кованой овальной люстрой, надолго сбереглось в памяти молодого поколения тридцатых годов!

Во время фашистской оккупации помещение ТЮЗа занял «истинно арийский» кинотеатр «Виктория» — «нур фюр дойтше» («только для немцев»). А в октябре 1943 года, накануне панического отхода оккупантов из Днепропетровска, фашистские факельщики подожгли термитные заряды, подвешенные к деревянным галереям тюзовского зала. Могли ли гитлеровцы, пытавшиеся превратить днепропетровский город в «зону пустыни», обойти стороной это прекрасное белое здание!

Сохранился печальный снимок «украинского дома» в том виде, в каком предстал он перед советскими воинами, вошедшими в город 25 октября. Изуродованный, закопченный фасад, зияющие провалы окон.

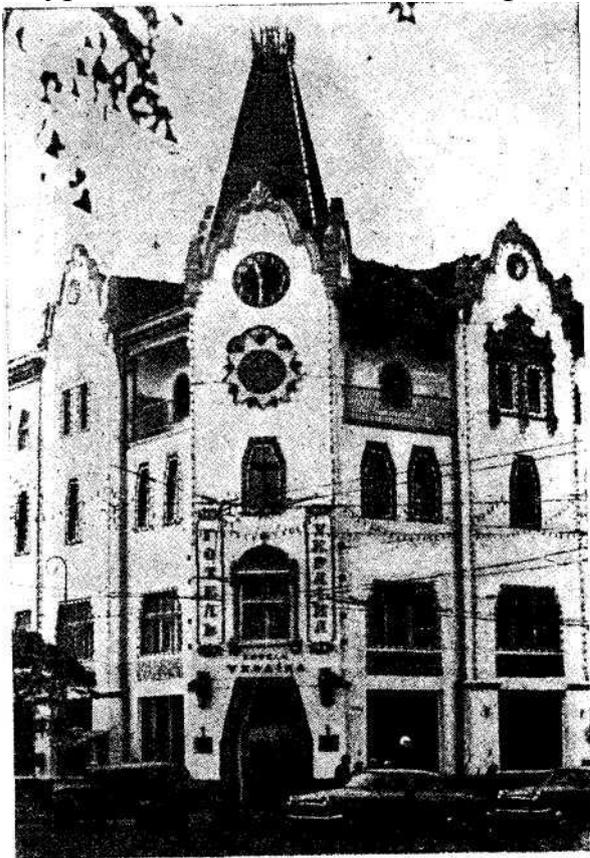


Рисунок 62 Гостиница «Украина» — бывший «Украинский дом».

Только обгорелый почерневший каркас напоминал о куполе центральной башни с ее фигурным шпилем, валявшимся теперь на искореженном тротуаре... Железобетонные междуэтажные перекрытия частично уцелели, но прогнулись, и это намного усложнило восстановление здания.

В начале пятидесятих годов бывший «дом Хренникова» начал вторую свою жизнь. Скромнее стал его архитектурный облик, но и сейчас он радует глаз. Да и не во внешности главное. Если вокзалы принято называть воротами города, то само слово «гостиница» говорит обо многом. Пусть и дальше добрым словом поминают приезжие из Москвы и Ленинграда, из Риги, Таллина, далекой Сибири дни, проведенные под гостеприимным кровом «готеля «Україна».